

**Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Красноярский государственный аграрный университет**

**Социально-экономический
и гуманитарный журнал
Красноярского ГАУ**

Выпуск 3

Красноярск 2016

Редакционный совет

Пыжикова Н.И. – д-р экон. наук, проф. – *гл. научный редактор*

Ходос Д.В. – д-р экон. наук, доц. – *зам. гл. научного редактора*

Антамошкин А.Н. – д-р техн. наук, проф.

Гайдин С.Т. – д-р ист. наук, проф.

Городищева А.Н. – д-р культурологии, доц.

Железняк Н.С. – д-р юрид. наук, проф.

Кондрашев А.А. – д-р юрид. наук, проф.

Круглова И.Н. – д-р филос. наук, проф.

Лесовская М.И. – д-р биол. наук, проф.

Лукиных В.Ф. – д-р экон. наук, доц.

Навальный С.В. – канд. юрид. наук, доц.

Павлова И.П. – д-р ист. наук, проф.

Якимова Л.А. – д-р экон. наук, доц.

Алексиев Алекси Георгиев – д-р экономики, Аграрен университет,
г. Пловдив (Республика Болгария)

Золтан Вереш – д-р экон. наук, проф., руководитель Департамента маркетинга Уни-
верситета Паннония, г. Веспрем (Венгрия)

Рышард Свекатовски – д-р экон. наук, проф. Высшей школы логистики, г. Познань
(Республика Польша)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ №ФС77-64249 от 25 декабря 2015 г.

Адрес редакции:

660017, г. Красноярск,
ул. Ленина, 117
тел. 8-(3912)-65-01-93
E-mail: rio@kgau.ru

Редактор

О.Ю. Потапова

Компьютерная верстка

А.А. Грудинин

Подписано в печать 31.03.2016

Формат 70x100 ^{1/16}

Тираж 250 экз.

Заказ № 105

Усл. п.л. 16,5

ЭКОНОМИКА

УДК 338.3

В.В. Климук, Д.В. Ходос

ОЦЕНКА РЕСУРСОЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

V.V. Klimuk, D.V. Khodos

ASSESSMENT OF RESOURCE EFFICIENCY PRODUCTION OF THE COMPANY

Целью работы является формирование подходов к оценке ресурсоэффективности производственной деятельности предприятия. В статье отражены принципы ресурсоэффективного производства, проведен обзор литературных источников по данной проблеме. Разработан алгоритм реализации эффективной деятельности предприятия, предложен комплекс альтернативных стратегий его развития, включающих стратегию модернизации, интеллектуализации трудовых ресурсов, безотходности производства и импортозамещения. Количественное выражение факторов воздействия на ресурсоэффективность представлено в балльной форме. В качестве исследуемых факторов выступают: уровень технического состояния предприятия; производительность и стимулирование труда; качество материальных ресурсов; оптимизация инвестиционных средств; уровень инновационных технологий; использование производственных мощностей; стиль управления и социально-психологический климат; условия транспортировки ресурсов. Апробация предложенного алгоритма и моделирования ресурсоэффективности была реализована на примере промышленного предприятия УП «Мебельсервис» (Республика Беларусь). Ресурсоэффективность исследуемого предприятия ежегодно возрастает (в 2013 году – на 0,5 %; в 2014 году – на 2,6 %). Можно сделать вывод о том, что на анализируемом предприятии ростоформирующим выступает трудовой вектор развития (проявляющийся в материальном стимулировании работников с целью повышения трудоотдачи), а лимитирующим – финансовый (обусловленный низким уровнем ликвидности, инвестиционной непривлекательностью).

Ключевые слова: ресурсоэффективность, алгоритм, стратегия ресурсоэффективного производства.

The aim of the work is to develop approaches for assessing the resource efficiency of production activities of the enterprise. The article reflects the principles of resource-efficient production, a review of literature on this issue. The algorithm implementation of effective activity of the enterprise, complex of alternative strategies for its development, including the strategy for modernization, intellectualization of labor, non-waste production and import substitution have been worked out. Quantifying impact of factors on resource efficiency is presented in point form. As the factors studied are: the level of technical condition of a company; productivity and stimulation of labor; quality of material resources; optimization of investment funds; the level of innovation; capacity utilization; style of management and socio-psychological climate; resource transportation conditions. Testing of the proposed algorithm and resource modeling has been realized as an example of an industrial enterprise “Mebelservis” (Republic of Belarus). The resource efficiency of the investigated companies is increasing every year (in 2013 – 0.5 %; in 2014 – 2.6 %). It can be concluded that in the analyzed company important working vector of development acts (manifesting itself in material incentives for workers) and limiting - financial (due to the low level of liquidity, investment unattractive).

Keywords: *resource efficiency, algorithm, strategy, resource-efficient production.*

Ресурсное обеспечение выступает для организаций основой для формирования требуемого объема каждого вида производственных ресурсов, совершенствования снабженческой политики, модернизации хозяйственного процесса. Ресурсоэффективность является фундаментальным концептом успешного функционирования организации, нацеленного на динамичное развитие и представляет собой процесс повышения отдачи ресурсов производства.

Проблемы повышения эффективности использования ресурсов находят отражение в государственных и региональных программах развития экономики. Вопросы исследования проблем ресурсоэффективности представлены в работах Г.В. Астратовой, В.А. Шапошникова [10], Л.В. Латыповой [4], А.Г. Суходровского [8], Д.В. Ходоса, В.В. Климука [2] и др.

Исследования в направлении разработки инструментария оценки и реализации практических предложений по повышению ресурсоэффективности производства отражены в работах Л.Г. Матвеевой [5, 6], О.А. Черновой [9], А.К. Доргушаовой [1], В.В. Климука [3], И.В. Фроловой [6] и др.

Для повышения эффективности использования ресурсов предприятия необходимо формировать базу реализации стратегий развития предприятия в алгоритмической форме (рис.) и представлять поэтапное прохождение стадий промежуточной оценки, анализа, корректировки и моделирования ресурсоэффективного производства.

Алгоритм повышения ресурсоэффективности производства предприятия (отрасли, региона)

Представленный комплекс стратегий предусматривает систему действий по успешному выполнению каждой из них:

1. Стратегия модернизации.
  - 1.1. Оценка уровня технико-технологического состояния предприятия.
  - 1.2. Выделение недостатков в производстве.
  - 1.3. Формирование мероприятий по приоритетам реализации и по срокам внедрения.
  - 1.4. Прогноз экономических выгод для предприятия (отрасли, региона) с расчетом конечных показателей.

2. Стратегия интеллектуализации трудовых ресурсов.

2.1. Оценка уровня компетентности трудовых ресурсов и их ранжирование.

2.2. Выявление основных проблем в повышении компетентности работников.

2.3. Формирование комплекса мероприятий по повышению теоретического и практического уровня знаний работников.

2.4. Прогнозирование экономических эффектов от мероприятий для предприятия (отрасли, региона).

3. Стратегия безотходности производства.

3.1. Выявление фактического уровня ресурсных отходов и источников их формирования.

3.2. Разработка организационных и технических мероприятий по нивелированию отходов производственных ресурсов (комплексное, вторичное использование).

3.3. Расчет экономических выгод от предложенных практических мероприятий.

4. Стратегия импортозамещения.

4.1. Оценка состояния потребления на предприятии собственных и зарубежных ресурсов по категориям (ранжирование по объему закупки; уровню затрат на единицу продукции; стоимости ресурсов).

4.2. Формирование мероприятий по снижению уровня импорта ресурсов и расхода на единицу продукции по их замещению собственными источниками (технологическое совершенство; альянсовые структуры по производству однотипной продукции).

4.3. Расчет экономического эффекта и прогнозирование уровня импортозамещения на предприятии (отрасли, регионе).

Выбор соответствующей стратегии зависит:

– от финансовой обеспеченности и возможных источников покрытия предусмотренных затрат;

– технико-технологического состояния предприятия;

– уровня совершенства трудового состава предприятия;

– реализуемой внешнеэкономической политики предприятия.

Выполним апробацию предложенного алгоритма и моделирования ресурсоэффективности на примере промышленного предприятия УП «Мебельсервис» (Республика Беларусь). Представим количественное выражение факторов воздействия в балльной форме. В качестве исследуемых факторов выступают: ТТС – уровень технического состояния предприятия; ПТ – производительность труда; КМП – качество используемых материальных ресурсов; ОИС – уровень оптимизации рационального распределения инвестиционных средств; ИА – уровень инновационных технологических приемов; ПМ – коэффициент использования производственных мощностей; СУ – стиль управления; КД – коллективистский дух; МС – методы стимулирования труда; УТ – условия транспортировки ресурсов (табл. 1).

Из расчетов становится понятно, что ресурсоэффективность исследуемого предприятия ежегодно возрастает (в 2013 году – на 0,5 %; в 2014 году – на 2,6 %). Это можно объяснить повышением уровня и качества распределения всех видов ресурсов по направлениям функционирования предприятия.

Таблица 1

**Факторы воздействия на уровень ресурсоэффективности
производства предприятия, баллы**

Фактор	2012 г.	2013 г.	2014 г.
ТТС	70	72	75
ПТ	80	78	83
КМП	75	70	72
ОИС	33	35	30
ИА	25	27	30
ПМ	72	70	73
СУ	81	83	83
КД	63	66	67
МС	54	55	57
УТ	68	68	70
РЭв	62,1	62,4 (+0,3)	64 (+1,6)

Ресурсоэффективность предприятия можно представить и как интегральный индикатор, на основе синергетического воздействия материальных, финансовых и трудовых ресурсов.

На основе выполненного исследования определены границы ресурсоэффективности (табл. 2).

Таблица 2

Границы ресурсоэффективности*

Тип эффективности	Граница			
	Низкая	Умеренная	Перспективная	Высокая
Ресурсоэффективность, общая	< 3,45	3,45...6,86	6,86...11,83	> 11,83
Материальная эффективность	< 1,37	1,37...2,48	2,48...5,63	> 5,63
Финансовая эффективность	< 1,03	1,03...2,34	2,34...3,2	> 3,2
Трудовая эффективность	< 1,05	1,05...2	2...3	> 3

*Собственная разработка на основе анализа статистического массива данных.

Представим расчеты каждой компоненты ресурсоэффективности по предложенной методике (с учетом выявленных пределов) в следующей таблице (на примере отчетных данных УП «Мебельсервис» (Республика Беларусь)).

Таблица 3

**Расчет компонент ресурсоэффективности предприятия
за 2014 год**

Фактор	Весовой коэффициент	Значение показателя	Результат
Материалоотдача	0,4	1,57	0,623
Коэффициент импорто-спаса предприятия	0,3	3,22	0,966
Коэффициент замещения отходов	0,2	4,35	0,87
Уровень экологизации производства	0,1	2,01	0,201
Материальная эффективность			2,66 (перспективная)
Коэффициент роста рентабельности продукции	0,5	1,24	0,62
Инвестициоотдача	0,33	1,85	0,61
Коэффициент покрытия долга	0,17	3,02	0,51
Финансовая эффективность			1,75 (умеренная)
Доля максимальной производительности труда	0,5	2,4	1,2
Зарплатоотдача	0,33	1,27	0,42
Индекс инновационной активности	0,17	2,81	0,48
Трудовая эффективность			2,1 (перспективная)
Общая ресурсоэффективность			6,51 (умеренная)

По результатам расчетов можно сделать вывод о том, что на анализируемом предприятии ростоформирующим выступает трудовой вектор развития (проявляющийся в материальном стимулировании работников с целью повышения трудоотдачи), а лимитирующим – финансовый (обусловленный низким уровнем ликвидности, инвестиционной непривлекательностью).

Таким образом, предложение о применении алгоритма ресурсоэффективного производства является экономически целесообразным для внедрения на предприятии, нацелено на повышение ресурсоотдачи каждого вида производственных ресурсов, снижение импортозависимости предприятия, рост уровня производительности труда, минимизацию удельных издержек, обеспечивающие конкурентоспособные позиции предприятия на внутреннем и внешнем рынках.

Литература

1. Доргушаова А.К., Матвеева Л.Г., Чернова О.А. Региональная политика ресурсного обеспечения мезоэкономики в условиях внешних угроз // Новые технологии. – 2015. – Т. 34. – № 1–2. – С. 132–144.
2. Климук В.В., Ходос Д.В. Эффективность использования материальных ресурсов (региональный аспект) / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2014. – 138 с.
3. Климук В.В., Чернова О.А. Факторный анализ уровня материалоемкости промышленного предприятия: динамический аспект // Экономика и социум. – 2015. – № 4 (17).
4. Латыпова Л.В., Климук В.В. Направления политики импортозамещения продукции в Беларуси и насыщение российского рынка с учетом экономических запретов // Вестн. Омского университета. Сер. «Экономика». – 2014. – № 4. – С. 146–151.
5. Матвеева Л.Г., Чернова О.А. Модельный инструментарий межрегионального ресурсного обмена // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 4 (14). – С. 1–7.
6. Матвеева Л.Г., Чернова О.А., Фролова И.В. Управление ресурсными потоками в регионе в контексте модернизации экономики периферийных территорий // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 11. – С. 392–404.
7. Система автоматического мониторинга использования материальных ресурсов: пат. 10532 U Респ. Беларусь: МПК G 06Q 10/00 (2012.01) G 06Q 10/06 (2012.01) / В.В. Климук; заявитель и патентообладатель УО Барановичский гос. ун-т. – № u 20140177; заявл. 2014.05.14; опубл. 28.02.15, Бюл. № 1 (102). – 240 с.
8. Суходровский А.Г. Разработка организационно-технологического механизма поддержки принятия управленческих решений организации // Гуманитарный вестник. – 2013. – № 12 (14). – С. 2–10.
9. Чернова О.А. Механизма ресурсного обеспечения стратегии сбалансированного развития региона // Вестн. Череповецкого гос. ун-та. – 2011. – Т. 1. – № 2 (29). – С. 66–69.
10. Шапошников В.А., Астратова Г.В. Рынок интеллектуальных услуг: современные проблемы, состояние и перспективы развития. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2011. – 211 с.

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ АПК

Gorodov A.A., Gorodova L.V.,
Fyodorova M.A.

OPTIMIZATION OF AGRICULTURAL ENTERPRISES

В статье представлен алгоритм оптимизации потенциала предприятия. Даны рекомендации для моделирования оптимизации компаний. Построен взаимосвязанный алгоритм комплексного моделирования процесса оптимизации потенциалов сельскохозяйственных организаций. В работе построена последовательная схема оптимизации предприятий агропромышленного комплекса. В исследовании построена схема взаимозависимостей влияния различных стадий оптимизации потенциалов сельскохозяйственных организаций. Результаты исследования являются важными в процессе управления и планирования производства.

Ключевые слова: оптимизация, потенциал предприятий, процесс управления.

In the article the algorithm of optimization potential of the enterprise. Recommendations for modeling optimization companies. Built of interconnected algorithm complex modeling of the optimization potential of the agricultural organizations. In this paper we construct a sequential optimization scheme to agro-industrial enterprises. In the study the scheme of the interdependencies of the effect of different stages of the optimization potentials of agricultural organizations. The results of the study are important in the process of management and planning of production.

Keywords: optimization, capacity of enterprises, management process.

Введение. Как известно, эффективность деятельности предприятия зависит от множества факторов, но все же ключевым условием являются производственные ресурсы. В этом плане регулирование их использования представляет собой важную проблему, которая сводится к разработке комплекса мер и действий, применяемых для сбалансированного использования ресурсов с учетом специфики и особенностей производства [1].

Потенциал представляет собой единую систему взаимосвязанных оптимальных количественных и качественных ресурсных пропорций для достижения конкретных производственных целей с учетом максимальной отдачи каждого вида ресурса в отдельности [2].

Цель исследования: построение взаимосвязанного алгоритма комплексного моделирования процесса оптимизации потенциалов сельскохозяйственных организаций.

Задачи исследования: построить последовательную схему оптимизации предприятий агропромышленного комплекса; построить схему взаимозависимостей влияния различных стадий оптимизации потенциалов сельскохозяйственных организаций.

Основные результаты исследования. В целом процесс оптимизации реального производства возможен в двух направлениях:

- оптимальное планирование производства (данная задача решается на максимизацию «эффекта» от производства и реализации продукции, например: валовой выручки, валовой прибыли и т. п.;
- оптимальное планирование использования ресурсов (данные задачи имеют два аспекта – минимизация затрат при использовании ресурсов или максимизация «эффекта» от использования).

Представленное деление можно описать в виде блок-схемы (рис. 1).

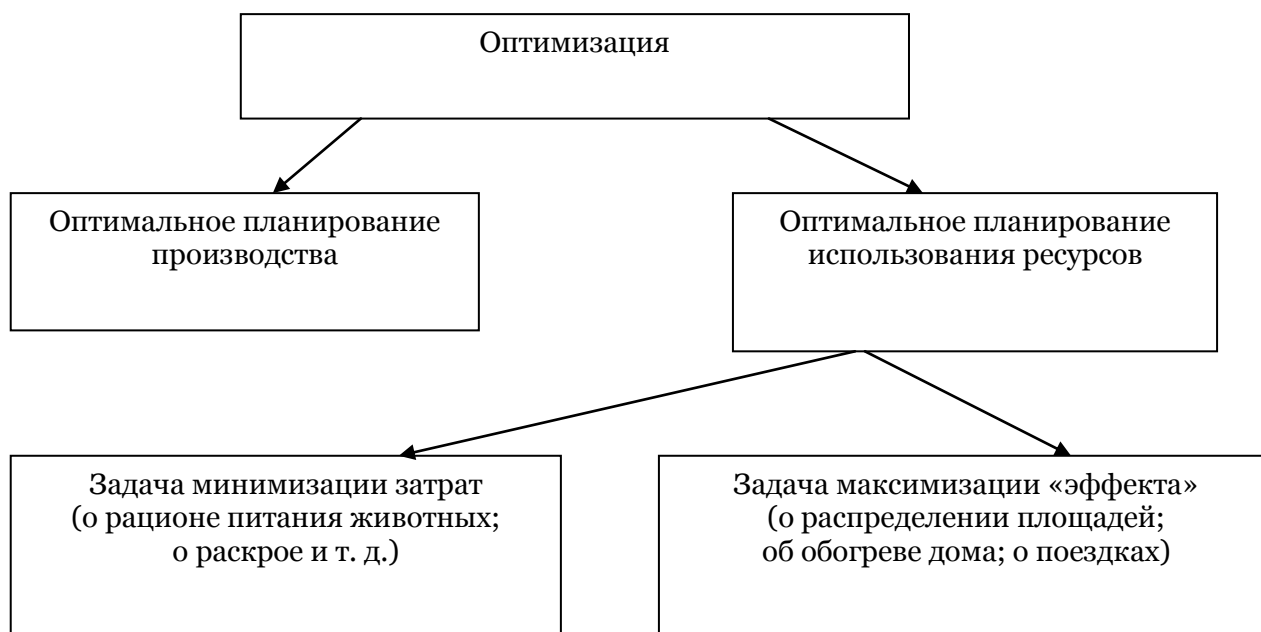

Рис. 1. Блок-схема оптимизации

В сельском хозяйстве по причине специфичности производства данная схема усложняется, что обусловлено сложностью и взаимозависимостью технологических процессов.

Так, например, задача оптимального планирования производства обязательно должна включать в себя две подзадачи:

- 1) определение оптимального объема производимых продуктов;
- 2) оптимальное распределение сельскохозяйственных угодий (которое, в свою очередь, опирается на оптимизацию рациона кормления животных) [3].

Помимо прочего, с точки зрения развития потенциалов сельскохозяйственной организации, на процесс оптимизации накладываются дополнительные условия, например изменение оптимизационных моделей в результате реализации определенных мероприятий, таких как внедрение инноваций, совершенствование технологии производства и изменения наличия ресурсов, с точки зрения экстенсивного и интенсивного изменения.

Высказанные выше утверждения вызывают необходимость разработки следующего алгоритма оптимизации потенциалов предприятия, как производственного, так и виртуального:

1. Оптимизация рациона.

В сельскохозяйственных организациях, занимающихся молочным скотоводством, в первую очередь необходимо оценить фактический рацион кормления и отклонение его от рекомендуемых рационов, апробированных в передовых хозяйствах региона.

2. Оптимизация производства.

Как уже было сказано ранее, оптимизацию производства, в первую очередь для сельскохозяйственных организаций, специализирующихся на производстве молока, необходимо производить с учетом оцененного рациона и распределения площади сельскохозяйственных угодий (исходя из минимального объема производства кормовых культур). Оптимизировать производство таким образом, чтобы получить максимизацию прибыли от производства и реализации продукции (молока) при одновременном формировании либо обновлении породного состава и оптимизировании структуры стада.

3. Оптимизация машинно-тракторного парка (МТП) [4].

Одним из способов минимизации расходов при производстве молока является минимизация затрат на производство кормов. Наибольшую долю в затратах при производстве кормов дают затраты, связанные с использованием МТП. При оптимизации МТП необходимо в краткие сроки распределить имеющуюся (фактическую) технику таким образом, чтобы затраты на ее использование с учетом оцененного рациона и распределения площади сельскохозяйственных угодий (исходя из минимального объема производства кормовых культур) были минимальны.

Причем после данного рода оптимизации обязательно необходимо вернуться к пункту 2 данного алгоритма и оценить размеры изменения эффекта от производства и реализации продукции с учетом уменьшения затрат при производстве кормовой базы (себестоимости 1 ц кормовых культур).

4. Оптимизация производственного потенциала [5].

Данный блок должен рассматриваться с позиции различных составляющих: ресурсного и виртуального потенциалов.

Развитие указанных потенциалов может проходить по двум основным направлениям: экстенсивному и интенсивному.

4.1. Экстенсивное направление.

Данный путь является наиболее доступным, но при наличии финансовых ресурсов хозяйства и ресурсных потенциалов региона, в частности наличия не задействованных в производстве сельскохозяйственных угодий и свободной рабочей силы. В ряде теорий по моделированию производственных процессов описан постоптимальный анализ, или анализ на чувствительность. Наиболее ценным для задачи оптимального планирования производства является первый и второй анализ на чувствительность, которые оценивают ценность каждого из используемых ресурсов. В свою очередь, ценность ресурса – это величина, характеризующая объем изменения «эффекта» от производства при изменении ресурса на 1 ед. (га, физического количества техники, чел.-час., к. ед. и т. д.).

Этот анализ применим для второго пункта данного алгоритма и позволяет определить возможные границы изменения каждого из ресурсов: земельных, трудовых, фондов, размера стада и т. д. Постепенно определяя данные границы и выявляя ценность этих ресурсов, можем оценить основные направления формирования ресурсного потенциала, который является базовым при определении производственного потенциала, а также построить «дорожную карту» развития производства по экстенсивному пути.

4.2. Интенсивное направление.

Данный путь является более сложным, поскольку требует относительно большого объема финансовых вливаний, которые в большинстве своем невозможны в состоянии неплатежеспособности сельскохозяйственных организаций и других угроз и рисков, выявленных при анализе, данный способ не всегда реализуем даже при субсидировании из регионального бюджета.

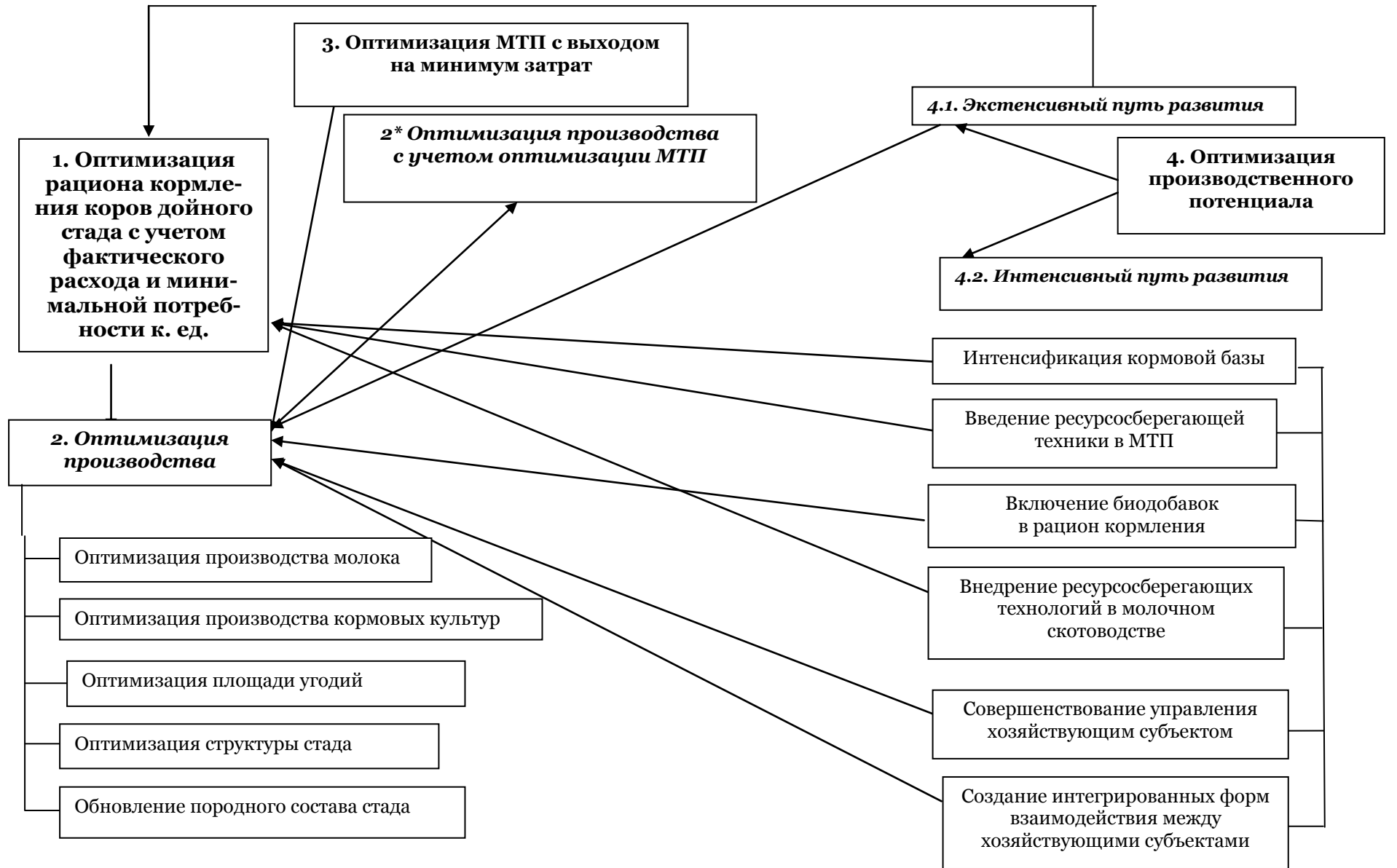

Рис. 2. Схема взаимозависимостей влияния различных стадий оптимизации потенциалов сельскохозяйственных организаций (составлено авторами)

Помимо этого интенсивный путь развития, в отличие от экстенсивного, может повлиять не только на второй пункт оптимизации, но и на все другие, поэтому считаем целесообразным разбить его на несколько классов:

- а) интенсификация кормовой базы;
- б) введение ресурсосберегающей техники в МТП;
- в) включение биодобавок в рацион кормления;
- г) внедрение ресурсосберегающих технологий в молочном скотоводстве. Животноводство является одной из отраслей для применения современных средств механизации и автоматизации трудоемких процессов, внедрения новейших ресурсосберегающих технологий, включая управление производством [6];
- д) совершенствование управления хозяйствующим субъектом;
- е) создание интегрированных форм взаимодействия между хозяйствующими субъектами.

В целом выше описанный алгоритм можно представить в виде схемы взаимозависимостей влияния различных стадий оптимизации потенциалов сельскохозяйственных организаций (рис. 2).

Выводы. Реализацию четвертого пункта алгоритма возможно оценить как самостоятельный экономический процесс без использования первых трех пунктов алгоритма, особенно это касается подпункта 4.2 – интенсивное развитие производства.

Часть результатов проведенного исследования отражена в совместных работах. Результаты исследований имеют важное значение при управлении и планировании производства.

Литература

1. *Кудряшов В.И., Брозгунова Н.П.* Регулирование использования производственных ресурсов в крестьянских (фермерских) хозяйствах // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2011. – № 4. – С. 50.
2. *Давыдкина О.А.* Ресурсный потенциал как фактор повышения конкурентоспособности аграрного производства района // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 11-1. – С. 201.
3. *Городов А.А., Городова А.А., Фёдорова М.А.* Оптимальное распределение посевных площадей сельскохозяйственных организаций на основе решения матричной игры // Вестн. КрасГАУ. – 2014. – № 10. – С. 3–8.

4. *Городов А.А., Городова Л.В., Фёдорова М.А.* Оптимизация использования машинно-тракторного парка в сельскохозяйственных организациях // *Вестн. КрасГАУ.* – 2014. – № 9. – С. 3–11.
5. *Городов А.А., Фёдорова М.А., Городова А.А.* Байесовское дерево решений при управлении эффективностью производственного процесса на птицефабрике // *Вестн. КрасГАУ.* – 2014. – № 8. – С. 19–23.
6. *Морозов Н.М.* Технологическая модернизация в животноводстве: технические, экономические и социальные проблемы // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий.* – 2012. – № 2. – С. 6.

УПРАВЛЕНИЕ И БИЗНЕС

УДК 338.436.33(571.51)

О.В. Зинина, З.Е. Шапорова

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ В АПК КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

O.V. Zinina, Z.E. Shapороva

INNOVATION ACTIVITY IN AGRARIAN AND INDUSTRIAL COMPLEX OF KRASNOYARSK REGION

Развитие инновационной деятельности является одним из актуальных направлений развития в Российской Федерации. При этом Красноярский край является одним из немногих регионов России, в которых имеются практически все условия для активного развития инновационной сферы в данный момент. Центральное звено современного АПК России – сельское хозяйство находится на периферии научно-технического прогресса, подчас лишено не только источников для простого воспроизводства, но и источников для покрытия производственных расходов. Цель данной работы – найти пути преодоления отставания российской экономики посредством рассмотрения возможности модернизации сельского хозяйства, менеджмента инноваций, выработки комплексной системы принятия эффективных управленческих решений с целью получения новых конкурентоспособных преимуществ как на уровне создаваемой продукции, так и отраслей в целом. Значительный рост в последнее время информационных потоков и высокотехнологичных производств, вертикальной и горизонтальной интеграции, новых направлений в бизнесе требует совершенствования моделей и механизмов по управлению инновационными проектами в отраслях, их рисками, привлекательностью и институциональным содержанием. Данные направления рассматриваются в статье подробно. В результате анализа можно прийти к выводу, что только во взаимодействии технико-технологических и организационно-экономических направлений инновационного развития возможно успешное продвижение по пути модернизации АПК.

Ключевые слова: инновация, инновационный процесс, развитие, АПК, сельское хозяйство, эффективность.

The development of innovative activity is a topical direction of development in the Russian Federation. But Krasnoyarsk region is one of a few regions of Russia where there are almost all conditions for active development of the innovation sphere at the moment. Central link of modern Russian agricultural and industrial sector (AIS), agriculture is at the periphery of scientific and technological progress, often deprived not only of the sources for simple reproduction, but also sources to cover production costs. The aim of this work is to find the ways of overcoming the backwardness of the Russian economy by considering modernization of agriculture, innovation management, towards an integrated system of efficient decision-making with the aim of obtaining new competitive advantages both at the level of the products and industries as a whole. The significant recent growth of information flows and high-tech industries, vertical and horizontal integration, new directions in business require the perfection of models and mechanisms for management of innovation projects in industries, risks, attractiveness, and institutional content. These directions are discussed in the article in detail. As a result of analysis one can come to the conclusion that the interaction between technical-technological and organizational-economic directions of innovative development may move forward on the path of modernization of AIC.

Keywords: *innovation, innovation process, development, AIC, agriculture, efficiency.*

Мировое сельское хозяйство движется в направлении усиления наукоемкости производимой продукции. Это особенно наглядно на примере экономически развитых стран. Именно это позволяет им поддерживать баланс внутреннего рынка продовольствия по спросу и предложению, легко проникать на ведущие мировые рынки, вытеснять и разорять национальных товаропроизводителей. Поэтому РФ необходимо ставить и последовательно решать задачу инновационного развития АПК. Иного пути нет, если Россия имеет цель интегрироваться в мировое сельское хозяйство и занимать в нем соответствующую нишу.

Развитие инновационной деятельности является одним из приоритетных направлений развития в Российской Федерации. При этом Красноярский край является одним из немногих регионов России, в которых имеются практически все условия для активного развития инновационной сферы.

Центральное звено современного АПК России – сельское хозяйство находится на периферии научно-технического прогресса, подчас лишено не только источников для простого воспроизводства, но и источников для покрытия производственных расходов. В такой ситуации не всякое сельскохозяйственное предприятие задумывается о повышении производительности труда, урожайности в растениеводстве и продуктивности

в животноводстве. Это приводит к низкой инвестиционной активности предприятий сельского хозяйства и тормозит развитие предприятий агропромышленного комплекса в целом. Общеизвестно, что основным источником развития АПК является сельское хозяйство, которое формирует потребность на продукцию сельскохозяйственного машиностроения и химической промышленности (первая сфера АПК) и является поставщиком продукции для обрабатывающей и пищевой промышленности (третья сфера АПК). Получается, что, являясь краеугольным камнем АПК, интенсивное развитие сельского хозяйства будет стимулировать повышение спроса на продукцию первой сферы АПК и покрывать потребности третьей сферы АПК в полном объеме. В настоящее время потребности третьей сферы АПК частично покрываются за счет импорта продовольственной продукции. Соответственно, при повышении выпуска валовой продукции сельского хозяйства на рынке заработает «импортозамещение», которое положительно скажется на всех участниках, задействованных в рыночных отношениях в АПК [6].

Сложность появления и внедрения инноваций в АПК России также имеет общероссийские корни и трудности. «Трудности связаны, во-первых, с некоторыми особенностями общего российского потенциала», – пишет профессор Л.В. Никифоров, «во-вторых, – с его конкретным основанием, с накопившимися структурными несоответствиями внутри его отдельных составляющих и между ними; в-третьих, – с отсутствием в стране, как в прошлом, так и теперь, общественной системы, внутренне ориентированной на инновационное развитие и стимулирующей его в разных экономических и социальных блоках и сферах. Последнее обстоятельство наиболее негативно влияет на инновационное развитие. Именно оно порождает и порождает разного рода несбалансированность, а часто и деструкцию в российском потенциале и обществе» [5].

Таким образом, для запуска инновационной активности сельскохозяйственных предприятий надо найти источники финансирования инноваций. Для этого необходимо восстановить и развить инвестиционный потенциал АПК России на основе формирования экономического механизма его регулирования, что позволит повысить эффективность его функционирования [4].

Для преодоления отсталости российской экономике среди прочих условий необходима модернизация менеджмента инноваций, выработка комплексной системы принятия эффективных управленческих решений с целью получения новых конкурентоспособных преимуществ как на уровне создаваемой продукции, так и отраслей в целом. Значительный рост в последнее время информационных потоков и высокотехнологичных производств, вертикальной и горизонтальной интеграции, новых направлений в бизнесе требует совершенствования моделей и механизмов по управлению инновационными проектами в отраслях, их рисками, привлекательностью и институциональным содержанием [7, с. 13].

Выявление и использование незадействованных ресурсов управления инновационным потенциалом позволят радикально обновить

функционирование всех видов деятельности, которые будут иметь тогда возможность на уровне современных мировых тенденций адекватно отвечать угрозам и вызовам. При переводе отраслей экономики страны на инновационный путь развития совершенствование управленческого механизма данного процесса становится неотъемлемой частью интеграции национальной экономики в мировую [7, с. 61].

В сельскохозяйственном производстве инновационная деятельность является важнейшим фактором повышения интенсивности и производительности труда. Основными составляющими выхода на качественно новый уровень развития являются наличие рыночной инфраструктуры и перестройка системы государственного управления аграрным сектором экономики. Новые условия диктуют необходимость коренных преобразований в этой сфере, которые позволят России достойно вести конкурентную борьбу и обновить производственную базу.

На данный момент в России наблюдается хоть и небольшой, но стабильный рост эффективности производственной деятельности сельскохозяйственных организаций в период с 2005 по 2012 г. (табл. 1), даже кризисный 2008 г. не повлиял на динамику роста, по некоторым позициям мы приближаемся к показателям 2000 г. Стоит заметить, что почти все показатели как минимум вдвое ниже результатов 1992 г., объясняется это тем, что численность крестьянских (фермерских) хозяйств, начиная с 1995 г., заметно сократилась.

Таблица 1

Основные показатели производственной деятельности сельскохозяйственных организаций в Российской Федерации*

Показатель	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Посевная площадь, млн га	108,7	74,2	60,5	57,5	58,4	58,6	56,1	56,7	55,7
В т. ч.:									
зерновых и зернобобовых культур	60,0	40,7	34,7	33,8	35,4	35,7	32,0	32,1	32,1
картофеля и овощебахчевых культур	1,4	0,5	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4
Поголовье скота (на конец года), млн гол.									
Крупный рогатый скот	40,2	16,5	11,1	10,3	9,9	9,5	9,3	9,1	9,1
В т. ч. коровы	13,7	6,5	4,3	4,0	3,9	3,8	3,7	3,7	3,6
Свиньи	23,5	8,5	7,3	8,7	9,2	10,6	10,8	11,4	13,7
Овцы и козы	32,7	4,6	4,3	4,1	4,2	4,7	4,4	4,5	4,6
Производство продуктов сельского хозяйства, млн т									
Зерно (в весе после доработки)	104,1	59,4	62,7	64,2	84,5	75,9	47,0	72,3	54,4

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Сахарная свекла	25,0	13,3	18,8	25,3	25,9	22,2	19,7	41,2	39,5
Картофель	8,1	2,2	2,4	2,7	3,3	4,1	2,2	4,2	3,9
Овощи	4,5	2,5	2,1	2,2	2,5	2,5	2,1	2,9	2,5
Скот и птица на убой (в убойном весе)	5,3	1,8	2,3	3,0	3,4	3,9	4,4	4,8	5,3
Молоко	32,2	15,3	14,0	14,2	14,3	14,5	14,3	14,4	14,8
Яйца, млрд шт.	31,7	24,2	27,3	28,4	28,4	29,8	31,3	31,9	32,7

*Федеральная служба государственной статистики. Россия в цифрах. – М., 2014. – С. 274.

Россия занимает не последнее место среди стран-лидеров и по такому критерию, как индекс производства сельскохозяйственной продукции (табл. 2). Отметим при этом значительную долю импорта продукции данной сферы в отечественной экономике.

В связи с необходимостью инновационного развития России и, в частности, сельского хозяйства Министерство экономического развития страны утвердило стратегию «Инновационная Россия – 2020» [1].

Таблица 2

Индексы производства продукции сельского хозяйства*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Россия	112,2	115,6	119,4	132,3	134,2	119,0
Европа						
Беларусь	125	132	138	150	151	155
Республика Македония	101	104	107	113	114	120
Украина	119	122	114	133	131	129
Эстония	124	122	124	130	133	133
Азия						
Азербайджан	140	142	147	156	162	158
Армения	155	155	170	172	172	149
Таджикистан	153	162	173	183	203	217
Филиппины	121	125	132	136	134	136
Африка						
Алжир	141	147	126	136	167	179
Объединенная Республика Танзания	145	153	151	153	158	158
Судан	140	150	153	160	167	166
Америка						
Аргентина	120	121	134	131	113	134
Боливия	117	122	128	128	134	135
США	104	105	109	111	113	113
Чили	119	126	125	126	124	128

*Россия и страны мира. – М.: Росстат, 2014. – С. 207.

Реализация данной стратегии позволит получить комплексный эффект в агрокомплексе, включающий в себя повышение инновационной активности и уровня обновления основных фондов предприятий агропромышленного комплекса и смежных отраслей и дальнейшее повышение производительности труда. В соответствии с Программой инновационного развития, в 2020 г. в России планируется производить продуктов питания и напитков на треть больше, чем в 2014 г. В целом планируется снижение объемов импорта и увеличение экспорта российской сельскохозяйственной продукции.

Перечислим комплекс мер, обеспечивающих развитие инноваций в АПК страны. В растениеводстве инновационная политика должна быть направлена, прежде всего, на совершенствование методов селекции – создание новых сортов сельскохозяйственных культур, обладающих высоким продуктивным потенциалом, освоение научно обоснованных систем земледелия и семеноводства.

В животноводстве инновационная деятельность обуславливает эффективное использование кормовых ресурсов, освоение ресурсосберегающих технологий, направленных на повышение уровня интенсивности и эффективности производства. Одним из основных направлений инноваций являются биотехнологические системы разведения животных с использованием методов генной и клеточной инженерии, направленные на создание и использование новых типов трансгенных животных с улучшенными качествами продуктивности, устойчивых к заболеваниям. Не менее важное значение в развитии инновационного процесса в животноводстве принадлежит технологическим и научно-техническим группам инноваций, которые связаны с индустриализацией производства, механизацией и автоматизацией производственных процессов, модернизацией и техническим перевооружением производства, освоением наукоемких технологий, ростом производительности труда, повышающими уровень и эффективность производства продукции животноводства. Внедрение высокоадаптивных, ресурсосберегающих технологий производства продукции животноводства на основе инновационной деятельности является определяющими направлениями повышения эффективности производства продукции [2].

Структура экономики Красноярского края, сегодняшнее состояние промышленности и предпринимательства края, характеризующиеся сырьевой направленностью и высокой степенью физического или морального износа производственных мощностей, потерей рынков высокотехнологичной продукции и переходом на импортозамещение, требуют немедленных и эффективных действий по развитию инновационной деятельности как в крупном, так и в малом и среднем бизнесе [3]. Необходимость внедрения новаторства в регионе в настоящее время имеет острую актуальность, задержка в развитии инновационной деятельности может привести край к переходу к самому негативному сценарию

развития с практически полной переориентацией на сырьевые секторы экономики, разрушающейся промышленностью, потерей научного и кадрового потенциала, экономической деградации региона в целом.

Формирование инновационно-ориентированной модели общественного производства требует, в первую очередь, определения долгосрочных стратегических ориентиров как для государственного сектора, так и для частного бизнеса, обеспечивая взаимосвязь их интересов, создания для этого соответствующих механизмов и стимулов. Таким образом, в стратегии и тактике реформ должна быть усилена направляющая и регулирующая роль государства.

В условиях инновационной модели общественного производства оно должно выработать и реализовать соответствующую стратегию научно-технического и промышленного развития, которая опиралась бы на имеющийся научно-технический и производственный потенциал и была бы направлена на содействие структурным преобразованиям в экономике в сторону преодоления экспортно-сырьевой зависимости и обеспечения стабильно высокой динамики и качества экономического роста за счет:

- освоения массового выпуска товаров глубокой промышленной переработки и технологий, в том числе промышленного назначения;
- вовлечения в хозяйственный оборот важнейшего стратегического резерва государства – накопленных и вновь получаемых результатов фундаментальных исследований и прикладных разработок;
- использования интеллектуальной собственности и осуществления инноваций, конкурентоспособных на внутреннем и мировом рынке;
- консолидации и концентрации ресурсов и усилий государственных органов управления всех уровней, организаций научно-технической сферы, предпринимательского сектора экономики.

Поскольку развитие инновационной деятельности является одним из приоритетных направлений развития в Российской Федерации, в Красноярском крае созданы практически все условия, необходимые для активного развития инновационной сферы.

Красноярское правительство рассматривает также долгосрочную целевую программу по поддержке сельскохозяйственных производителей до 2020 г., сообщено газетой «Коммерсант». Предполагается также, что с будущего года в течение 7 лет региональные власти вложат в агропромышленный комплекс почти 18,4 млрд руб [8].

Законопроект, который был разработан красноярским Минсельхозом, предусматривает полную реализацию программ относительно субсидирования краевых сельхозпроизводителей, прежде всего выплату компенсации на покупку минеральных удобрений, возмещение некоторой части процентной ставки по кредитам. Власти также намереваются поддержать элитное семеноводство, восстановление плодородия почв. За счет таких мер к 2020 г. мясное производство в регионе должно вы-

расти на 43,6 % (до 306,1 тыс. т), молока – на 4,6 (до 757,1 тыс. т), валовой сбор зерновых культур – на 7,6 (до 2,1 млн т), овощей – на 4,7 % (до 270 тыс. т).

Любопытно сравнить всю финансовую составляющую приоритетной отрасли со всеми затратами республиканской казны по Минфину – 4 533 903 тыс. руб., Министерству здравоохранения – 3 903 154 тыс. руб.

Стоит обратить внимание на такую статью расходов, как «центральный аппарат»: в Минсельхозе – 24,8 млн руб., а в Минздраве – 31,9 млн руб., в Минфине – почти 96,8 млн руб.

Осуществляемая на основе инновационного развития модернизация АПК означает качественное его преобразование, вовлечение в этот процесс производительных сил и совершенствование производственных отношений. Рост производительных сил сельского хозяйства включает: повышение почвенного плодородия и увеличение продуктивности земли как основного средства производства в сельском хозяйстве, увеличение биологического потенциала продуктивности и других хозяйственно полезных качеств сельскохозяйственных растений и животных, более полную их реализацию в производстве; повышение производительности сельскохозяйственного труда, изменение роли человека в производстве путем замены ручного труда механизированным; рост материально-вещественных элементов производительных сил за счет расширения масштабов применения и качественного улучшения средств производства.

Совершенствование аграрных производственных отношений включает реализацию отношений собственности, в том числе земельных отношений; переход на прогрессивные организационные формы сельскохозяйственного производства в составе многоукладной аграрной экономики, усиление роли сельскохозяйственной кооперации, формирование интегрированных агропромышленных структур; обеспечение финансово-экономической устойчивости сельскохозяйственных товаропроизводителей; стимулирование инвестиционной деятельности в АПК; государственное регулирование (ценообразование, кредитование, налогообложение, страхование) и поддержку АПК (субсидии, дотации, компенсации, финансовое оздоровление сельскохозяйственных товаропроизводителей); создание инфраструктуры рынка.

Согласно рассматриваемому подходу, рост производительных сил АПК обеспечивается массовым применением в производстве новых технологий, а совершенствование производственных отношений реализуется с помощью конкретного организационно-экономического механизма АПК, отражающего особенности того или иного этапа аграрного развития. Только во взаимодействии технико-технологических и организационно-экономических направлений инновационного развития возможно успешное продвижение по пути модернизации АПК

Литература

1. Балацкий Е. Инновационные стратегии компаний на развивающихся рынках // Экономика и общество. – 2014. – № 4. – С. 100.
2. Бартенев С.А. История экономических учений: учебник. – М.: Экономистъ, 2014. – 457 с.
3. Голиченко О. Национальная инновационная система России и основные направления ее развития // Вопросы экономики. – 2013. – № 6. – С. 26–36.
4. Дежина И., Леонов И. Экономико-правовое обеспечение коммерциализации интеллектуальной собственности // Вопросы экономики. – 2013. – № 10. – С. 74.
5. Никифоров Л.В. Социально-экономические системы и инновационный тип развития // Воспроизводственный вектор России. К теории структурного поворота. – М.: Изд-во ИЭ РАН, 2010. – С. 268–269.
6. Кащубо Н. Управление инновационными процессами в АПК // АПК: экономика, управление. – 2011. – № 4. – С. 51–56.
7. Косалс Л. Технологические инновации в России: социально-экономический аспект // Экономика и общество. – 2011. – № 7–8. – С. 78.
8. URL: <http://www.agroru.com/news/krasnoyarskij-kraj-v10zhitsya-v-agrarnyi-sektor18779.htm>.

З.Е. Шапорова, Н.В. Максимова

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Z.E. Shapороva, N.V. Maksimova

METHODS OF ESTIMATION OF INNOVATIVE ACTIVITY OF ECONOMIC SYSTEMS

Ключевым вопросом в понимании эффективности инструментов инновационного развития остается выявление показателей, которые следует измерять. Во многом эмпирический анализ затруднен ввиду отсутствия достоверных данных, характеризующих инновационную активность и конкурентоспособность. Требуемые индикаторы должны отражать эффективность инновационной деятельности экономических систем различных уровней, а также позволять проследить взаимосвязь показателей и проводить последовательное агреги-

рование данных при статистической сводке. Методические трудности количественного измерения результата управления инновационным развитием связаны с невозможностью во многих случаях охарактеризовать результаты деятельности. Инновационные разработки при внедрении в производственный процесс вызывают синергетический эффект. Оторвать инновационные технологии от всего организационно-экономического комплекса и связать рост только с их внедрением невозможно, и несмотря на уже длительную историю существования концепции инновационной деятельности, ее количественные показатели, показатели эффективности, количественные характеристики ее взаимосвязей с конкурентоспособностью компании остаются недостаточно изученными. Целью исследования являлось выделение групп методических подходов к оценке инновационной деятельности экономических систем в зависимости от их масштаба. На основе приведенного анализа существующих методик определены причины, предопределяющие субъективизм получаемых оценок. В статье обоснована необходимость нормативного согласования методических аспектов оценки инновационной деятельности в целях организации мониторинга экономического развития Российской Федерации. Разрабатываемые и реализуемые стратегии развития экономики России нуждаются в современном методическом инструментарии оценки состояния и динамики эффективности инновационных процессов, позволяющем своевременно диагностировать нерешенные ситуации и обеспечивать целенаправленную деятельность руководителей по повышению эффективности работы и достижения нового качественного уровня.

Ключевые слова: инновации, методы оценки, инновационная деятельность, инновационное развитие.

A key issue in understanding of the instruments of innovative development effectiveness is the identification of indicators that should be measured. In many respects the empirical analysis is difficult due to lack of reliable data on innovation activity and competitiveness. Required indicators must reflect the effectiveness of innovation activity of economic systems of different levels, and also allow tracing the relationship between indicators and conducting consistent aggregation of data at the statistical summary. Methodological problems of quantitative measurement of results of innovative development are associated with the inability to characterize the performance in many cases. Innovative developments in the introduction of the production process are called a synergistic effect. To tear innovative technologies from the entire organizational-economic complex and to associate growth with the introduction is impossible, and despite long history of the concept of innovation, its quantitative indicators, performance indicators, quantitative characteristics of its relationships with the company's competitiveness re-

main insufficiently studied. The aim of the study was the identification of groups of methodical approaches to assessment of innovative activity of economic systems depending on their size. Basing on given above analysis of existing methodologies the reasons, which predetermine the bias of the resulting estimates are identified. The article proves the need for regulatory harmonization of methodological aspects of assessment of innovation activity in order to monitor the economic development of the Russian Federation. Developed and implemented strategy of economic development of Russia needs modern methodological tools of assessing the state and dynamics of efficiency of innovative processes, enabling to diagnose unresolved situation, and to provide purposeful activity managers to improve operational efficiency and achieve new qualitative level.

Keywords: *innovation, evaluation methods, innovative activity, innovative development.*

На сегодняшний момент осуществляется достаточно активная работа в области прикладных исследований по оценке инновационной деятельности, разработан существенный методический материал по вопросам анализа инновационных процессов на макро- и микроуровнях. В то же время остается нерешенным вопрос о единой методике оценки инновационной деятельности какого-либо объекта. Система индикаторов инновационной сферы не дает удовлетворительного объяснения инновациям, экономическому росту и производительности. Как известно, инновационное развитие достигается вследствие эффективного взаимодействия единой производственной цепи: наука – инновации – производство. Каждое из звеньев, выполняя отдельные и присущие только ему функции (разработка, освоение и распространение инноваций), решает общую задачу достижения роста экономики и конкурентных преимуществ в мировом и экономическом пространстве.

Проведенное в 90-е годы в России нерациональное дробление производственных сфер привело к разрыву научно-инновационного звена от производственного сектора. Таким образом, каждое из звеньев в цепи постепенно стало функционировать обособленно друг от друга. Научный сектор стал формировать инновационные разработки, которые теряют свой прогрессивный потенциал из-за несвоевременного их освоения производством, а производство, ориентированное на обслуживание экономической ниши, старается создавать инновации за счет усовершенствований, инженерных разработок и организационных изменений, – то есть без проведения НИОКР и без получения патентов. Но даже если говорить только о технологических инновациях, то большие расходы на исследования не гарантируют их успешность, а наличие большого числа патентов у компании не является залогом высокого спроса на ее продукцию [1].

Анализ отечественных публикаций по вопросам методического обеспечения оценки инновационной деятельности позволяет отметить разнообразие подходов, методик, систем показателей, аналитических процедур формирования оценок уровня развития инновационной деятельности экономических систем.

Одним из значимых классификаторов методик оценки инновационной деятельности является масштаб анализируемой экономической системы. На макроуровне анализируются общероссийские показатели инновационной деятельности, проводится международное сравнение. Информационной базой этих методических подходов служит статистика Росстата, Банка России, базы данных международных организаций и рейтинговых агентств.

Следующая группа методов ориентирована на исследование уровня развития инновационной деятельности на территории России по субъектам, федеральным округам, регионам. Формируются рейтинговые оценки, позволяющие оценить темпы развития отдельных регионов РФ относительно общероссийского уровня. На основе общедоступной информационной базы статистических показателей Росстата формируются различные методические подходы к оценке инновационной деятельности, которые получают расходящиеся итоги ранжирования регионов. Из чего следует, что при анализе инновационной деятельности регионов отсутствует четкая система показателей, что приводит к субъективности и несопоставимости полученных результатов при применении ряда методических подходов.

Группа методов оценки инновационной деятельности муниципальных районов, образований или города использует в своем анализе показатели соответствующего территориального органа Федеральной службы. Выделяются кластеры и пропульсивные сферы народного хозяйства, являющиеся локомотивом развития конкретной территории. Проводится сравнение региональных показателей с общероссийским уровнем.

На основе анализа схемы уровней агрегирования информации (рис.) отметим, что аналитикам вполне доступна статистика инновационной деятельности субъектов и Российской Федерации в целом. На этих уровнях можно отследить последовательное агрегирование информации и вклад отдельных территорий в общероссийские показатели. Информационная база Росстата формируется на основе показателей инновационной деятельности организаций, содержащихся в формах государственной статистической отчетности.

На уровне компаний предлагаются модели, позволяющие сравнить собственные результаты инновационной деятельности с результатами аналогичных организаций с целью самоусовершенствования и развития. При этом обосновываются различные критерии (группы критериев), с помощью которых можно разносторонне оценить уровень инновационной деятельности в организации с позиции существующих стратегий, планов, ресурсов или процессов. Такие оценки проводятся на основании самооценки организации.

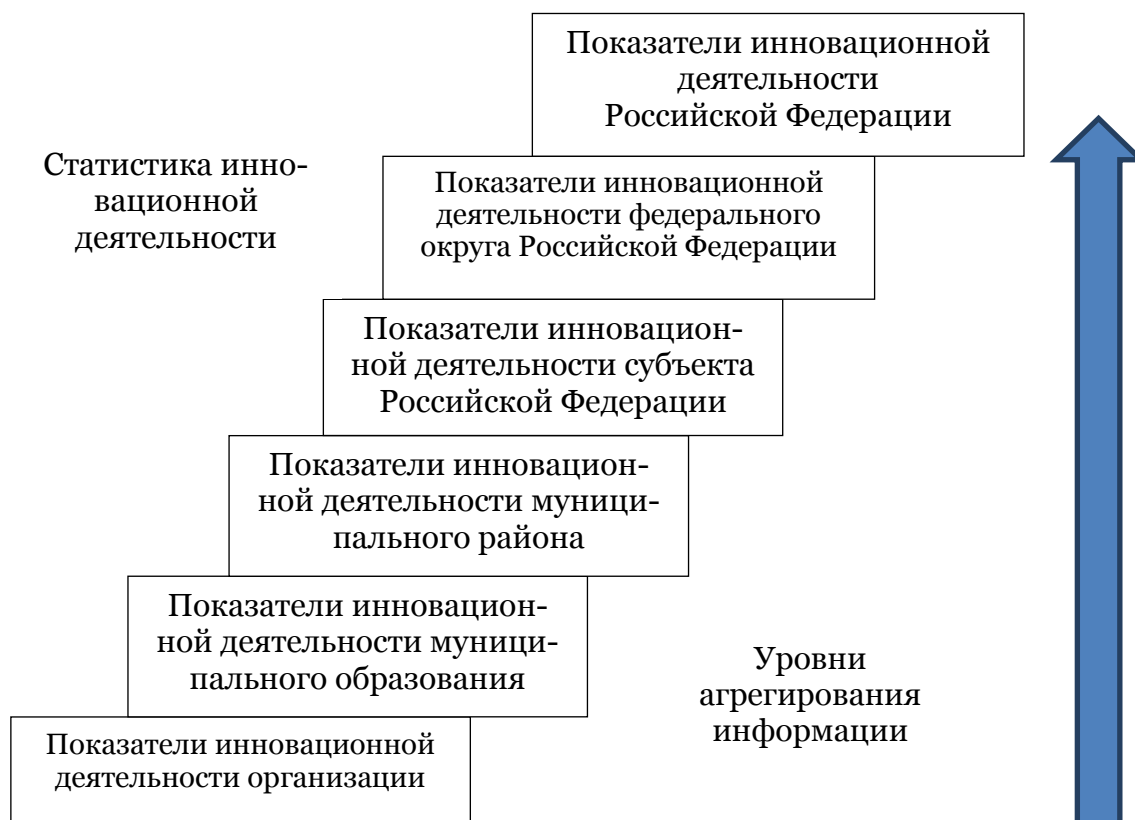

Схема уровней оценки инновационной деятельности
экономических систем

Развитие инновационной сферы требует финансового обеспечения, в связи с этим отметим группу методов оценки инновационных проектов. Для оценки инновационных проектов применимы методы оценки и управления инвестиционными проектами, дополненные оценкой возможностей нового продукта и доходов от него. При управлении инновационно-инвестиционными проектами происходит расширение охватываемых стадий жизненного цикла товаров, услуг и технологий от момента их возникновения до стадий роста и начала зрелости. Проводится более развернутая оценка рисков. В ряде работ при оценке инновационной активности экономической системы в качестве основного показателя выбирается доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме производства организации, или ВВП. Этот показатель позволяет судить об инновационности структуры продукции, однако никак не отменяет основного условия максимизации доходов. При рассмотрении отношения объема инновационных продуктов, услуг к общему объему производства показатель можно увеличивать при сокращении знаменателя этого отношения. Показатель относительный, и у одного предприятия при объеме выпуска в 100 000 руб. может быть 10 %, а у другого предприятия при объеме выпуска в 100 000 млн руб. он так же будет 10 %. Суть этих выводов заключается в невозможности отделения показателей инновационной деятельности от основных показателей хозяйственной

деятельности предприятий. Для продукции основной параметр не ее инновационность, а конкурентоспособность по сравнению с аналогами. В конечном счете, потребительский интерес, продажи и востребованность товара определяют успех. Согласно данным, у ведущих стран мира значение показателя доли инновационных товаров, работ и услуг в ВВП – в пределах 10–15 %.

Согласно М. Портеру, национальное благосостояние создается, а не наследуется, причем создается не на основе обеспеченности природными и трудовыми ресурсами, а также не на основе уровня процентных ставок или валютных курсов: конкурентоспособность страны зависит от способности ее промышленности внедрять инновации и улучшения [4]. Ряд исследователей предпринимали попытки оценки взаимосвязи между инновационной активностью и конкурентоспособностью на уровне компаний. Вопрос о наличии такой взаимосвязи был сформулирован в мировой экономической литературе еще в 1980-е гг. Однако такие эмпирические исследования давали смешанные результаты [5]. Авторы ряда работ приходят к выводу, что инновация слабо влияет на работу компании [6], не влияет на нее вообще [3] или даже сказывается на ней негативно [7]. В других исследованиях были найдены положительные эффекты научно-исследовательской работы [2]. Обзоры работ, описывающих влияние инноваций на конкурентоспособность компаний, характеризуют обобщенные результаты как неопределенные [1]. Н. Розенбуш, Я. Бринкманн и А. Бауш сделали вывод, что противоречивые результаты эмпирических исследований указывают на существование дополнительных факторов, которые воздействуют на взаимосвязь инновационной активности и конкурентоспособности компаний [5]. К таким факторам относятся прочие, не связанные с инновациями особенности функционирования компаний и характеристики окружающей их деловой среды. В том числе, на характер взаимосвязи между инновационной активностью и конкурентоспособностью компаний оказывает влияние размер компаний и типов инноваций, которые осуществляют эти компании. Методические трудности количественного измерения результата управления инновационным развитием предприятия связаны, в частности, с невозможностью во многих случаях охарактеризовать результаты деятельности. Инновационные разработки при внедрении в производство вызывают синергетический эффект от комплексного использования производственной базы предприятия, ресурсов, технологических решений, человеческого капитала, потенциала коммуникаций и т. д. Оторвать инновационные технологии от всего организационно-экономического комплекса и связать рост только с их внедрением – не обоснованно. В связи с этим основными показателями оценки деятельности предприятия являются темп роста доходов и факторы, его определяющие. Следовательно, при оценке инновационной деятельности компаний применимы все существующие методики оценки хозяйственной деятельности предприятия, дополненные оценкой эффекта от внедрения новых технологий. При рассмотрении методик оценки инновацион-

ной деятельности следует учитывать, что инновационность системы – это не самоцель, важнее доходность, благосостояние и рост.

Проведенный анализ современных методических подходов позволяет отметить субъективизм оценки инновационной деятельности экономических систем.

Заключение. Таким образом, несмотря на уже длительную историю существования концепции инновационной деятельности, ее количественные показатели, показатели эффективности, количественные характеристики ее взаимосвязей с конкурентоспособностью компаний и так далее остаются недостаточно исследованными. Национальное благосостояние создается на уровне компаний (частных или государственных), в связи с этим их устойчивое развитие является одной из стратегических задач управления деятельностью экономического субъекта. Разрабатываемые и реализуемые стратегии развития промышленности России нуждаются в современной методической инструментарию оценки состояния и динамики эффективности инновационных процессов, позволяющем своевременно диагностировать нерешенные ситуации и обеспечивать целенаправленную деятельность руководителей по повышению эффективности работы предприятий и достижении ими нового качества роста.

Литература

1. Ланьшина Т.А. Проблемы развития национальной инновационной системы США в начале XXI века: дис. ... канд. экон. наук. – М., 2014 – 237 с.
2. DeCarolis D., Deeds D. The Impact of Stocks and Flows of Organizational Knowledge on Firm Performance: an Empirical Investigation of the Biotechnology Industry // Strategic Management Journal. – 1999. – Vol. 20 (10). – P. 953–968.
3. Heunks F. Innovation, creativity and success // Small Business Economics. – 1998. – Vol. 10 (3). – P. 263–272.
4. Porter M. The Competitive Advantage of Nations, New York: Free Press, MacMillan, 1990. – 896 p.
5. Rosenbusch N., Brinckmann J., Bausch A. Is innovation always beneficial? A meta-analysis of the relationship between innovation and performance in SMEs // Journal of Business Venturing. – 2011. – Vol. 26. – P. 441–457.
6. Thornhill S. Knowledge, Innovation and Firm Performance in High and Low Technology Regimes // Journal of Business Venturing. – 2006. – Vol. 21. – P. 687–703.
7. Vermeulen P, De Jong J., O'Shaughnessy K. Identifying key determinants for new product introductions and firm performance in small service firms // Service Industry Journal. – 2005. – Vol. 25 (5). – P. 625–640.

**О НЕКОТОРЫХ МНОГОКРИТЕРИАЛЬНЫХ МЕТОДАХ
ВЫБОРА ПЛАНОВЫХ РЕШЕНИЙ**

M.P. Svitacheva

**ABOUT SOME MULTICRITERIA METHODS OF THE CHOICE
PLANNED DECISIONS**

Проблема планирования маркетинговой деятельности фирмы заключается в определении различных альтернатив действий и выборе оптимальной альтернативы, то есть такой, которая дает возможность получить наилучший результат в достижении поставленной цели. Современный экономический рынок нуждается в квалифицированных специалистах в области применения новых методов управления, базирующихся на теории принятия решений с использованием математического моделирования в среде информационных технологий. В научной литературе теория экономико-математических моделей достаточно освещена, чего нельзя сказать о практике их применения. Значительную долю управленческих решений можно рассматривать как решение задач оптимизации. В достаточно большом числе практических ситуаций принятия решений при планировании маркетинговых действий приходится учитывать не один, а несколько критериев. Среди однокритериальных и многокритериальных методов выбора плановых решений наибольшее применение находят последние. Цель исследования – осветить некоторые методы решения многокритериальных задач в планировании и показать их применение на практике. К задачам исследования можно отнести: 1) рассмотрение методов многокритериальной оптимизации, таких как методы равномерной оптимальности, справедливого компромисса, свертывания критериев, главного критерия; 2) применение этих методов к конкретной многокритериальной проблеме планирования работы фирмы. Методы исследования – методы многокритериальной оптимизации, такие как методы равномерной оптимальности, справедливого компромисса, свертывания критериев, главного критерия. Вывод – лицо, принимающее решение (ЛПР), делает рекомендации о планировании работы фирмы, применяя к одной и той же проблеме различные методы многокритериальной оптимизации, основанные на моделях теории игр, и сравнивая полученные результаты.

Ключевые слова: *принцип оптимальности, нормализация векторного критерия, оптимальность по Парето, ЛПР, модели теории игр, чистые стратегии, равномерная оптимальность, методы справедливого компромисса, свертывания критериев, главного критерия.*

The problem of marketing activity of firm planning consists in definition of various alternatives of actions and a choice of optimum alternative, i.e. such which gives the chance to receive the best result in achievement of a goal. The modern economic market needs qualified specialists in a scope of the new methods of management which are based on the theory of decision-making with the use of mathematical modeling in the environment of information technologies. In scientific literature the theory of economic-mathematical models is rather deeply interpreted that it is impossible to tell about practice of their application. The considerable share of administrative decisions can be considered as the solution of problems of optimization. In rather large number of practical situations of decisions making when planning marketing actions it is necessary to consider not one, but more criteria. Among one-criteria and multicriteria methods of a choice of planned decisions the greatest application is found by the last. The research objective is to interpret some methods of the multicriteria decision of the tasks in planning and to show their practical application. It is possible to formulate research problems: 1) consideration of methods of multicriteria optimization such as, methods of a uniform optimality, fair compromise, folding of criteria, main criterion; 2) application of these methods to a specific multicriteria problem of scheduling of firm. Research methods are methods of multicriteria optimization, such as, methods of a uniform optimality, a fair compromise, folding of criteria, the main criterion. Conclusions are applying various methods of multicriteria optimization based on models of the theory of games to the same problem and comparing the received results, the person making the decision (PMD) does recommendations of firm scheduling.

Keywords: *the principle of optimality, normalization of vector criterion, an optimality according to Pareto, decision-maker(DM), models of game theory, pure strategies, a uniform optimality, methods of a fair compromise, folding of criteria, the main criterion.*

Современный экономический рынок нуждается в квалифицированных специалистах в области применения новых методов управления, базирующихся на теории принятия решений с использованием математического моделирования в среде информационных технологий. [1]. В научной литературе теория математических моделей достаточно глубоко освящена, что нельзя сказать о практике их применения. Значительную долю управленческих решений можно рассматривать как решение задач оптимизации. Среди однокритериальных и многокритериальных методов выбора плановых решений наибольшее применение находят последние.

Цель исследования: освещение некоторых методов решения многокритериальных задач в планировании и их применении на практике.

К задачам исследования можно отнести:

- рассмотрение методов многокритериальной оптимизации, таких как методы равномерной оптимальности, справедливого компромисса, свертывания критериев, главного критерия;
- применение этих методов к конкретной многокритериальной проблеме планирования работы фирмы.

Выделение существенных для модели рассматриваемой экономической системы показателей качества альтернатив выбора, соответствующих поставленным целям, приводит к задаче векторной оптимизации, которая заключается в нахождении максимума вектор-функции:

$$F(x) = (f_1(x), f_2(x), \dots, f_n(x)) \rightarrow \max, x \in D,$$

где D – область допустимых решений модели.

При многокритериальной оптимизации возникают три проблемы:

- первая – выбор принципа оптимальности;
- вторая – нормализация векторного критерия $F(x)$;
- третья – приоритет частных критериев.

В задаче многокритериального выбора решение почти всегда ищется в области компромиссов или в области решений, оптимальных по Парето. Известен целый ряд методов решения многокритериальных задач, которые можно разбить на 4 группы:

1. Сведение многих критериев к одному путем введения весовых коэффициентов для каждого критерия (более важный критерий получает больший вес).

2. Минимизации максимальных отклонений от наилучших значений по всем критериям.

3. Оптимизация одного критерия, а остальные критерии принимаются как дополнительные ограничения.

4. Упорядочение множества критериев и последовательная оптимизация по каждому из них.

К методам многокритериальной оптимизации при решении задач планирования в системе управления фирмой относятся методы:

- равномерной оптимальности;
- справедливого компромисса;
- свертывания критериев;
- главного критерия и др.

Любое решение многокритериальной задачи должно начинаться с нормализации критериев (приведения их к безразмерному виду) [2].

Чаще всего используется следующий способ получения безразмерной формы критериев:

$$f_j^0(x) = \frac{f_j(x) - f_j^{\min}}{f_j^{\max} - f_j^{\min}}, j = \overline{1, n}, \quad (1)$$

где $f_j^{\max} = \max_{x \in D} f_j(x)$, $f_j^{\min} = \min_{x \in D} f_j(x)$, $f_j^{\min} \neq f_j^{\max}$.

Как пример, приведем многокритериальную задачу планирования с тремя целями: минимизация затрат на рекламу, завоевание максимальной доли рынка, максимальный объем продаж рассмотрены для фирмы «Успех», которая имеет возможность реализовывать свои товары на четырех различных рынках (альтернативы A_1, A_2, A_3, A_4). Доля рынка должна быть не меньше 45 %, а объем продаж – не меньше 85 тыс. ден. ед. Какие рекомендации можно дать фирме о планировании работы на рынках с исходными данными, приведенными в таблице 1?

Таблица 1

Исходные данные

Рынок	Критерий		
	f_1 – затраты на рекламу, тыс. ден. ед.	f_2 – доля рынка, %	f_3 – объем продаж, тыс. ден. ед.
A_1	7	45	90
A_2	5	40	85
A_3	9	50	80
A_4	6	45	83

Значения критериев даны в различных единицах измерения, потому согласно формуле (1) они приведены к безразмерному виду:

$$f_1^0(A_1) = \frac{7-5}{9-5} = 0,5; f_2^0(A_1) = \frac{45-40}{50-40} = 0,5; f_3^0(A_1) = \frac{90-80}{90-80} = 1.$$

$$\begin{aligned} f_1^0(A_2) &= 0; & f_2^0(A_2) &= 0; & f_3^0(A_2) &= 0,5; \\ f_1^0(A_3) &= 1; & f_2^0(A_3) &= 1; & f_3^0(A_3) &= 0; \\ f_1^0(A_4) &= 0,25; & f_2^0(A_4) &= 0,5; & f_3^0(A_4) &= 0,3. \end{aligned}$$

В силу минимизации критерия f_1 необходимо умножить его безразмерные величины f_1 на (-1) . Тогда можно сформировать таблицу 2.

Преобразованные исходные данные

Альтернатива	Цель (критерий)		
	f_1	f_2	f_3
A_1	-0,5	0,5	1
A_2	0	0	0,5
A_3	-1	1	0
A_4	-0,25	0,5	0,3

Решение проблемы рассмотрим несколькими методами.

Метод равномерной оптимальности:

$$f(x) = \sum_{j=1}^n f_j(x) \rightarrow \max, x \in D. \quad (2)$$

Он применяется, если глобальное качество альтернативы представляет собой сумму локальных (частных) качеств и, кроме того, все критерии имеют одну и ту же единицу измерения, например денежное выражение либо безразмерные величины. Главный недостаток метода – это возможность компенсации малых значений некоторых критериев достаточно большими значениями других.

В соответствии с (2) будем иметь

$$\max\{-0,5 + 0,5 + 1; 0,5; 0; -0,25 + 0,5 + 0,3\} = \max\{1; 0,5; 0; 0,55\} = 1.$$

Тогда, согласно принципу равномерной оптимальности, предприятию выгоднее работать на рынке A_1 .

Метод справедливого компромисса:

$$f(x) = \prod_{j=1}^n f_j(x) \rightarrow \max, x \in D. \quad (3)$$

Он применяется, потому что существуют разнообразные схемы, приводящие к такому методу, и существует тесная связь с решением в некооперативных играх.

Прежде всего, необходимо избавиться от отрицательности критерия f_1 , добавив константу, например 1. Тогда значения первого критерия будут равны:

$$f_1^H(A_1) = 0,5; f_1^H(A_2) = 1; f_1^H(A_3) = 0; f_1^H(A_4) = 0,75.$$

На основании (3) имеем

$$\max\{0,5 \cdot 0,5 \cdot 1; 1 \cdot 0 \cdot 0,5; 0; 0,75 \cdot 0,5 \cdot 0,3\} = \max\{0,25; 0; 0; 0,1125\} = 0,25.$$

Результат получился аналогичный предыдущему, а именно: выгоднее работать на рынке A_1 .

Метод свертывания критериев:

$$f(x) = \sum_{j=1}^n \alpha_j f_j(x) \rightarrow \max, x \in D, \sum_{j=1}^n \alpha_j = 1, \alpha_j > 0. \quad (4)$$

Здесь каждому из критериев приписываются весовые коэффициенты α_j , определяющие предпочтения ЛПР.

Возьмем следующие значения весовых коэффициентов для каждого критерия, учитывая предпочтения ЛПР: $\alpha_1 = 0,2$; $\alpha_2 = 0,3$; $\alpha_3 = 0,5$. Тогда функции свертки в соответствии с (4) будут равны:

$$\begin{aligned} f_1 &= 0,5 \cdot 0,2 + 0,5 \cdot 0,3 + 1 \cdot 0,5 = 0,55; \\ f_2 &= 0 \cdot 0,2 + 0 \cdot 0,3 + 0,5 \cdot 0,5 = 0,25; \\ f_3 &= -1 \cdot 0,2 + 1 \cdot 0,3 + 0 \cdot 0,5 = -0,2 + 0,3 + 0 = 0,1; \\ f_4 &= -0,25 \cdot 0,2 + 0,5 \cdot 0,3 + 0,3 \cdot 0,5 = 0,25; \\ &\text{и тогда } \max\{0,55; 0,25; 0,1; 0,25\} = 0,55. \end{aligned}$$

При таком назначении коэффициентов значимости критериев выгоднее всего работать на рынке A_1 .

Если положить $\alpha_1 = 0,1$; $\alpha_2 = 0,7$; $\alpha_3 = 0,2$, то

$$\begin{aligned} f_1 &= -0,5 \cdot 0,1 + 0,5 \cdot 0,7 + 1 \cdot 0,2 = 0,5; \\ f_2 &= 0 + 0 + 0,5 \cdot 0,2 = 0,1; \\ f_3 &= -1 \cdot 0,1 + 1 \cdot 0,7 + 0 = 0,6; \\ f_4 &= -0,25 \cdot 0,1 + 0,5 \cdot 0,7 + 0,3 \cdot 0,2 = 0,385; \\ &\text{тогда } \max\{0,5; 0,1; 0,6; 0,385\} = 0,6. \end{aligned}$$

Таким образом, если приоритет отдается доле рынка $\alpha_1 = 0,7$, то фирме имеет смысл работать на рынке A_3 .

Если же фирма находится в затруднительном положении с точки зрения средств, выделяемых на рекламу, то есть для нее в данный момент самым важным является минимизация затрат на рекламу, то коэффициенты значимости могут быть, например, следующие:

$$\alpha_1 = 0,8; \alpha_2 = 0,1; \alpha_3 = 0,1, \\ \text{тогда } \max\{-0,25; 0,05; -0,7; -0,12\} = 0,05.$$

Следовательно, в такой ситуации лучше всего работать на рынке A_2 . Если задать весовые коэффициенты $\alpha_1 = 0,3$; $\alpha_2 = 0,4$; $\alpha_3 = 0,3$, то

$$f_1 = 0,35; f_2 = 0,15; f_3 = 0,1; f_4 = 0,215, \\ \text{тогда } \max \{0,35; 0,15; 0,1; 0,215\} = 0,55.$$

При таких значениях весовых коэффициентов выгоднее работать на рынке A_1 .

Метод главного критерия. Пусть главный критерий f_1 – затраты на рекламу, а остальные критерии выступают в роли ограничений, причем доля рынка должна быть не меньше 45 %, а объем продаж – не меньше 85 тыс. ден. ед. Тогда в соответствии с тем, что по методу главного критерия

$$f_1(x) \rightarrow \max, x \in D, f_j(x) \geq d_j, j = \overline{2, n},$$

где $f_1(x)$ – главный, наиболее важный из всех для ЛПР критерий, d_j – нижняя граница j -го критерия, устанавливаемая ЛПР. Минимальное значение главного критерия; f_1 равно 5 тыс. ден. ед. и соответствует альтернативе A_2 , однако с учетом ограничения на долю рынка следует выбрать альтернативу A_4 , но так как еще требуется, чтобы объем продаж был не меньше 85 тыс. ден. ед., то наилучшей альтернативой в этом случае будет рынок A_1 .

Учитывая результаты всех рассмотренных методов, следует рекомендовать фирме «Успех» планировать работу на рынке A_1 .

Таким образом, принятие решения на основе теории игр – выбор оптимальной альтернативы, так как позволяет получить наилучший результат в достижении поставленной цели.

Литература

1. *Бажин И.И.* Информационные системы менеджмента. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. – 688 с.
2. *Бережная Е.В., Бережной В.И.* Математические методы моделирования экономических систем: учеб. пособие. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 368 с.

ПРАВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 349.4

М.В. Григорьева

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

M.V. Grigorieva

SOME LEGAL PROBLEMS OF TRADITIONAL ENVIRONMENTAL MANAGEMENT BY INDIGENOUS NOT NUMEROUS PEOPLES OF THE NORTH, SIBERIA AND FAR EAST

В статье рассматриваются наиболее важные проблемы коренных малочисленных народов Крайнего Севера, такие как механизм организации территорий традиционного проживания коренных малочисленных народов, система и виды прав на земельные участки, правовое регулирование традиционного природопользования. Целью исследования является анализ правового режима территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также выявление недостатков правового регулирования и выработка рекомендаций по их устранению путем внесения изменений в действующее законодательство. При написании статьи применялись диалектический, системный, функциональный методы научного исследования. Результатом проведенного исследования явились предложения по совершенствованию правового регулирования порядка образования территорий традиционного природопользования путем образования территорий федерального уровня в приоритетном порядке; по модификации упорядочиванию видов прав на землю, в том числе предложение по увеличению сроков безвозмездного пользования для оленьих пастбищ до 25 лет; предложение по упрощению порядка лицензирования традиционного природопользования или полной его отмене, кроме особо охраняемых видов объектов животного и растительного мира. Проведенное исследование позволяет сделать следующий вывод: многие проблемы в области традиционного природопользования связаны с тем, что формальное признание правового обычая источником права не делает его таковым

фактически. В связи с этим требуются дальнейшие теоретические исследования о роли и месте правового обычая в системе источников российского права и о его соотношении с нормативными правовыми актами и другими источниками права, а также о признании правового обычая правоприменительной практикой.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Крайнего Севера, традиционное природопользование, охрана окружающей среды.

The article considers the most important problems of indigenous peoples of the far North, such as the mechanism of the territories of traditional residence of indigenous minorities' organization, the system and the types of land rights, legal regulation of traditional nature use. The aim of the study is the analysis of the legal regime of traditional nature use territories by indigenous not numerous peoples of the North, Siberia and the Far East, as well as identification of shortcomings of the legal regulation and elaboration of recommendations to eliminate them through amendments to existing legislation. While writing the article dialectic, system, functional methods of research were used. The result of this study was proposals for improving the legal regulation of the procedure for the formation of territories of traditional nature use by education areas at the Federal level as a matter of priority; modifying the ordering types of land rights, including a proposal to increase term of uncompensated use of reindeer pastures for up to 25 years; a proposal for simplifying the procedure of licensing of traditional nature use or the abolition, except for specially protected species of flora and fauna. In conclusion one can say that many problems in the field of traditional nature use are related to the fact that formal legal recognition of customary rights does not make it actual. In this regard, further theoretical research on the problem of role and place of legal custom in system of sources of Russian law and its correlation with the normative legal acts and other sources of law, and the legal recognition of customary law enforcement practices is required.

Keywords: indigenous, not numerous peoples of Far North, traditional natural resources use, environment protection.

Различные аспекты правового статуса коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока¹ неоднократно исследова-

---

¹ Литвякова А.Б. Правовое регулирование статуса коренных малочисленных народов / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2006.

лись в специальной научной литературе. Не остается без внимания этот вопрос и на законодательном уровне. Уже приняты и реализуются в данной области общественных отношений специальные федеральные законы (от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»²; от 20.07.2000 № 104-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»³).

Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока урегулировано отдельным Федеральным законом от 07.05.2001 № 49-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»⁴, а также положениями отраслевого законодательства (ЗК РФ, ЛК РФ, ВК РФ, ФЗ РФ «О животном мире», ФЗ РФ «О рыболовстве и сохранении водных биоресурсов», ФЗ РФ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов»).

Предполагается также дальнейшее развитие федерального законодательства в данной области. Так, распоряжением Правительства РФ от 04.02.2009 утверждена Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации⁵, в соответствии с которой осуществляется реализация комплекса первоочередных мер, предусматривающих совершенствование нормативной правовой базы в области защиты прав малочисленных народов Севера, в том числе в части упорядочения терминологии, используемой в нормативных правовых актах, регулирующих вопросы гарантии прав и традиционного природопользования; совершенствования разграничения предметов ведения и полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления; обеспечения приоритетного доступа малочисленных народов к рыбопромысловым участкам и охотничьим угодьям, водным биологическим ресурсам и охотничьим животным; безвозмездного пользования земельными участками для традиционного природопользования малочисленными народами Севера; утверждения перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, а также традиционных видов хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера, разработки и утверждения методики расчета ущерба, наносимого исконной среде обитания малочисленных народов Севера хозяйствующими субъектами.

---

² Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2208.

³ Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 30. – Ст. 3122.

⁴ Российская газета. – 2001. – № 88.

⁵ Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 7. – Ст. 876.

Предполагается внести изменения в Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» с целью создания в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера модельных территорий традиционного природопользования федерального значения.

В Красноярском крае коренные малочисленные народы проживают на территории Северо-Енисейского, Туруханского, Таймырского и Эвенкийского муниципальных районов. В настоящее время на территории Красноярского края проживают следующие представители коренных малочисленных народов Севера: долгане, эвенки, ненцы, якуты, кеты, нганасаны, селькупы, энцы (URL: <http://www.krskstate.ru>).

В Красноярском крае также действует ряд краевых законов: Закон Красноярского края от 01.07.2003 № 7-1215 (ред. от 25.11.2010) «Основы правовых гарантий коренных малочисленных народов Севера Красноярского края»⁶; Закон Красноярского края от 25.11.2010 № 11-5343 (ред. от 06.10.2011) «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Красноярского края» (подписан губернатором Красноярского края 06.12.2010) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2012),

Продолжают действовать законы Эвенкийского автономного округа: (Закон Эвенкийского автономного округа от 22.11.2006 № 660 «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Эвенкийского автономного округа» (принят Законодательным собранием (Сугланом) ЭАО 20.11.2006), Закон Эвенкийского автономного округа от 16.10.2000 № 178 «Об общинах коренных малочисленных народов Севера в Эвенкийском автономном округе» (принят Законодательным собранием (Сугланом) ЭАО 27.09.2000)⁷.

В Красноярском крае также принята Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Красноярского края на 2010–2015 гг., утвержденная распоряжением правительства Красноярского края от 06.07.2010 № 602-р, а также Долгосрочная целевая программа «Коренные малочисленные народы Севера» на 2009–2011 гг., утвержденная Постановлением правительства Красноярского края от 25.02.2009 № 87-п (ред. от 09.09.2011)⁸.

На территории края функционирует специально уполномоченный орган – Агентство по делам Севера и поддержке коренных малочислен-

---

⁶ Красноярский рабочий. – 2003. – № 109.

⁷ Эвенкийская жизнь. – 2002. – № 27.

⁸ Красноярский край // Консультант+. – URL: consult.ru.

ных народов Красноярского края, Положение о нем утверждено постановлением правительства края от 15.07.2010 г.

Анализ всего действующего законодательства позволяет выявить ряд проблем, которые требуют незамедлительного решения.

Так, проблематичным является сам порядок образования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов. В соответствии с требованием ФЗ территории традиционного природопользования могут быть как федерального, так и регионального и местного значения. Образование территорий традиционного природопользования осуществляется решением соответствующего органа государственной власти на основании обращения лиц, относящихся к малочисленным народам, общинам малочисленных народов или их уполномоченных представителей. При этом самим этим лицам может быть неизвестно, какого уровня должна быть эта территория и, соответственно, в какой орган власти необходимо обращаться. Зачастую это не понятно и самим органам государственной власти, так как критерии отнесения территорий традиционного природопользования к соответствующему уровню на сегодняшний день отсутствуют, что, безусловно, тормозит процесс их создания.

Одной из самых злободневных проблем в данной области является определение вида права на земельные участки, относящиеся к территориям традиционного природопользования⁹. Долгое время дискутировался вопрос о том, должно ли это быть право частной собственности (индивидуальная или общинная) или иной вид права, предусмотренный земельным законодательством (безвозмездное пользование, аренда). Исторический опыт свидетельствует о нецелесообразности передачи земельных участков коренным малочисленным народам на праве частной собственности в связи с кочевым образом жизни. Представляется, что арендные отношения в данном случае также не совсем уместны, так как требуют четкой индивидуализации земельного участка как объекта права, в то время как в отношении оленьих пастбищ это вряд ли возможно. Кроме того, аренда по своей природе является платной, что не вписывается в концепцию традиционного природопользования.

Виды прав на земельные участки на территориях традиционного природопользования определены в Земельном кодексе РФ. Это может быть право безвозмездного пользования для размещения зданий, сооружений, необходимых в целях сохранения и развития традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов на срок не более десяти лет

---

⁹ *Минченко Н.В.* Правовое регулирование традиционного природопользования коренных малочисленных народов в РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 20.

(ст. 30.10, п. 2 ЗК РФ) или использование земельных участков без их предоставления и без установления сервитута на основе специально выдаваемых разрешений (ст. 39.33 ЗК РФ). Однако действие такого разрешения прекращается со дня предоставления земельного участка гражданину или юридическому лицу, поэтому и срок такого использования может оказаться очень кратким.

В настоящее время в литературе высказывается мнение, что безвозмездное пользование в отношении оленьих пастбищ должно устанавливаться на срок до 25 лет (по аналогии с законодательством периода социализма, так как 25 лет – это срок восстановления популяции ягеля, являющегося основной кормовой базой северных оленей). С таким предложением, на наш взгляд, можно согласиться, в этой связи необходимо внести очередные изменения в ЗК РФ, так как перечень случаев предоставления земельных участков на праве безвозмездного пользования является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

Наконец, существуют правовые проблемы реализации прав на традиционное природопользование коренных малочисленных народов (охота, рыболовство, сбор дикорастущих растений). В соответствии с ФЗ РФ «О территориях традиционного природопользования» традиционное природопользование коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации – это «исторически сложившиеся и обеспечивающие неистощительное природопользование способы использования объектов животного и растительного мира, других природных ресурсов коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». В свою очередь обычаи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации – «традиционно сложившиеся и широко применяемые коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации правила ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни». Таким образом, традиционное природопользование – это природопользование, которое базируется на традициях и обычаях, является наиболее экологичным и не может наносить ущерба окружающей природной среде.

Исторически традиционное природопользование являлось комплексным, не требовало специальных разрешений и не подвергалось жесткому нормированию¹⁰. Действующее же природоресурсное законодательство, хоть и содержит общие положения о традиционном использо-

---

¹⁰ Минченко Н.В. Правовое регулирование традиционного природопользования коренных малочисленных народов в РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 21.

вании природных ресурсов коренными малочисленными народами, тем не менее требует получение специальных разрешений, лицензирования (в т. ч. и нормирования), причем в отношении каждого из видов природных ресурсов. Следует поддержать имеющиеся в литературе положения об упрощении порядка лицензирования традиционного природопользования или о полной его отмене.

И в заключение хотелось бы остановиться на общетеоретической проблеме соотношения правового обычая как важного и значимого источника российского права и нормативного правового акта как основного вида источников права. Многие проблемы в области традиционного природопользования как раз связаны с тем, что формальное признание правового обычая источником права не делает его таковым фактически. Зачастую действующее законодательство не учитывает обычаи и традиции и не дает возможности им реализовываться. Не использует обычаи и правоприменительная практика, в том числе судебная. В связи с этим требуются дальнейшие научные исследования о роли и месте правового обычая в системе источников российского права и о его соотношении с нормативными правовыми актами и другими источниками права.

Литература

1. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федер. закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2208.
2. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: федер. закон от 20.07.2000 N 104-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 30. – Ст. 3122.
3. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: федер. закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 20. – Ст. 1972.
4. Основы правовых гарантий коренных малочисленных народов Севера Красноярского края: закон Красноярского края от 01.07.2003 № 7-1215 (ред. от 05.12.2013) // Красноярский рабочий. – 2003. – № 109.
5. О государственной поддержке северного оленеводства в Красноярском крае: закон Красноярского края от 11.12.2012 № 3-868 (ред. от 12.02.2015) // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. – 2012. – № 62 (574).

6. О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Красноярского края: закон Красноярского края от 25.11.2010 № 11-5343 (ред. от 19.12.2013) // Наш Красноярский край. – 2010. – № 89.
7. Литвякова А.Б. Правовое регулирование статуса коренных малочисленных народов / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2006.
8. Минченко Н.В. Правовое регулирование традиционного природопользования коренных малочисленных народов в РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.

УДК 349.6

Гринберг С.Н.

**ПРАВОВОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ
ОЛЕНЬИХ ПАСТБИЩ**

S.N. Grinberg

**LEGAL AND ECOLOGICAL SUPPORT OF RATIONAL USE
AND PROTECTION OF CERVINE PASTURES**

Основой развития оленеводства является естественная кормовая растительность, произрастающая в арктических широтах. Оленьи пастбища являются дифференцированными угодьями и как всякий объект специфического использования обладает естественно-научными и правовыми признаками. В связи с этим возникает необходимость определения места пастбищ в составе единого земельного фонда страны. Целью исследования являлся анализ значения северного оленеводства для Красноярского края и состояния законодательства по понятию оленьих пастбищ и их сезонности, использованию в соответствии с зонированием территорий, пригодных для использования коренными малочисленными народами для поддержания развития традиционных видов деятельности. В Красноярском крае на законодательном уровне с принятием Закона «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Красноярского края» и Закона Красноярского края «О государственной поддержке северного оленеводства в Красноярском крае» урегулированы вопросы охраны и защиты исконной среды обитания

коренных малочисленных народов и установлен порядок образования территорий традиционного природопользования.

Ключевые слова: оленье пастбище, северное оленеводство, север, сезонность оленьих пастбищ.

The basis of development of reindeer breeding is the natural fodder vegetation growing in the Arctic latitudes. Reindeer pastures are differentiated grounds and as any object of specific use possess natural scientific and legal signs. In this regard there is a need for definition of a place of pastures as a part of uniform land fund of the country. The research objective was the analysis of northern reindeer breeding value for Krasnoyarsk region and the condition of the legislation on the concept of cervine pastures and their seasonality, using according to zoning of the territories suitable for using by indigenous ethnic groups for maintenance of development of traditional kinds of activity. In Krasnoyarsk region at the legislative level with adoption of the law "About protection of primordial habitat and traditional way of life of indigenous ethnic groups of Krasnoyarsk region" and the law of Krasnoyarsk region "About the state support of northern reindeer breeding in Krasnoyarsk region" questions of protection and protection of primordial habitat of indigenous ethnic groups are settled and the order of formation of territories of traditional environmental management is established.

Keywords: reindeer pastures, northern deer pastures, north, seasonality of reindeer pastures.

Север – крупнейший регион России, занимающий около 50 % ее территории, освоение которого имеет серьезное общегосударственное значение. Дальнейшее развитие экономики России во все большей степени будет опираться на использование природных объектов и природных ресурсов арктических и субарктических районов.

В настоящее время в Красноярском крае центральным промышленным объектом, имеющим градообразующий фактор, является ГМК «Норильский никель», разрабатывающий месторождения руд цветных металлов, Ванкорское месторождение углеводородных ресурсов.

Предполагается, что в соответствии с долгосрочными правительственными программами будет активно заселяться территория северных и восточных районов РФ.

Современное природно-ресурсовое состояние этих районов показывает необходимость серьезного учета земель, пригодных для развития всех отраслей хозяйственной деятельности, в том числе и северного до-

машнего оленеводства, которое является серьезным продовольственным ресурсом не только для коренных народов, но и другого населения, постоянно прибывающего в эти районы для осуществления производственной деятельности.

Действующее федеральное законодательство по охране естественной среды обитания коренных малочисленных народов и государственной поддержке по развитию северного оленеводства [1] указывает на несколько важных правовых аспектов в северном оленеводстве и на возможность использования земель различных категорий для этих целей. Это говорит о необходимости закрепления границ земельных участков, предоставленных для ведения оленеводческой деятельности, которая осуществляется с использованием оленьих пастбищ.

Для полного уяснения понятия оленьих пастбищ как угодий, прежде всего, необходимо определить их место в составе единого земельного фонда страны.

Земельным кодексом Российской Федерации (ст. 7) земельный фонд подразделяется на семь категорий в соответствии с их основным целевым назначением [2].

Состав отдельных категорий земель не статичен, так как развитие различных отраслей хозяйства обуславливает процессы постоянного перераспределения земель. Но, как бы часто земли не перераспределялись, деление их на семь основных категорий остается неизменным.

Подразделение земельного фонда, как уже указывалось, производится законодателем по принципу основного целевого назначения. Вместе с тем практика показывает, что в связи с требованиями рационального использования земли большое количество земель, представленных для той или иной основной цели, используется и для различных других хозяйственных целей с тем, чтобы не допускать пустующих или не полностью используемых земель.

В правовой литературе уже давался анализ практики использования различных категорий земель в сельскохозяйственных целях, где это возможно и не мешает основному целевому их использованию. Такое землепользование вполне сочетается с другими видами хозяйственной деятельности. Необходимо только добавить, что земельное законодательство и допускает, и поощряет такой порядок использования земель в сельскохозяйственных целях [3, с. 540].

При этом использование земель для других целей не обязательно приводит к прекращению использования площадей для основных нужд, а, следовательно, не влечет за собой исключение этих угодий из состава тех категорий земель, в которых они находятся, т. е. не всегда сопровождается непременным исключением участников из состава категорий зе-

мель основного назначения. Так, например, Лесным кодексом РФ разрешается сенокосение и пастьба скота на землях лесного фонда [4].

Следовательно, законодательство, с одной стороны, совершенно определено делит весь земельный фонд на семь четко очерченных категорий земель с соответствующим правовым режимом использования, а с другой стороны – внутри этих категорий допускает изменение этого порядка таким образом, который дает разумное сочетание различных целей использования земель в соответствии с экономическими требованиями отраслей хозяйства.

Законодательством установлены строгий порядок использования земель по основному целевому назначению, перевода земель из одной категории земель в другую, временного использования, изъятия для государственных и муниципальных надобностей, условия и правовые последствия совершения этих действий. Все это обеспечивает устойчивость права землепользования и возможность использовать земельный фонд рационально. Вместе с тем принятая семичленная структура земельного фонда дополняется внутренней классификацией по угодьям, т. е. по целям непосредственного использования отдельных участков в качестве средства производства, в какой бы категории земель они не находились.

Пастбище – особое сельскохозяйственное угодье в категории земель сельскохозяйственного назначения. Если пашня – это связь «земля-почва», то пастбище – это связь «земля-почва-травостой». Как видно, в содержание этих агрономических понятий добавляется еще важнейший элемент биосферы – кормовая растительность, часто специфическая. Это указывает на возможность иного характера использования таких земель, т. е. на наличие специальных целей хозяйственного использования – выпас животных, а значит и особый порядок регулирования такого использования земель. Таким образом, пастбище – это особый объект права.

Основой развития оленеводства является естественная кормовая растительность, произрастающая в арктических широтах.

Ошибки и просчеты в вопросах рационального использования и охраны оленьих пастбищ приводят к снижению их оленеемкости, общему снижению уровня развития этой важной местной отрасли хозяйства. Дело в том, что северный олень в любое время года довольствуется естественной северной растительностью, которой является ягель (олений мох, олений лишайник). Он служит основным пищевым ресурсом для северных оленей в течение 8–10 месяцев в году. Только северный олень способен питаться этой естественной растительностью в условиях снежного покрова и низких температур. Именно поэтому основой развития северного оленеводства является особая естественная кормовая база. Повреждение ягельников лишает северных оленей основного корма в

течение большей части года и существенно снижает производительность оленеводства.

Опасность благоприятному состоянию оленьих пастбищ возникает из двух основных источников.

Во-первых, это повреждение ягельников в процессе промышленного освоения земель в северных территориях.

Во-вторых, это нередко возникающая конкуренция в использовании пастбищ домашними и дикими оленями.

Проблема организации рационального использования земель в северных районах страны и, в частности, оленьих пастбищ, включает различные аспекты экономического, организационного, технического и правового характера. В правовом аспекте решение этой проблемы касается и вопросов, связанных с деятельностью государства как собственника земли, его органов, осуществляющих функции государственного управления земельным фондом, и вопросов землепользования, прав и обязанностей землепользователей.

Главная роль в механизме правового регулирования использования и охраны земель принадлежит земельному праву, поскольку нормы именно этой отрасли определяют основы правового режима всех земель. Однако в земельном законодательстве отсутствуют специальные нормы, регулирующие порядок предоставления и использования оленьих пастбищ, закрепляющие приемы их рационального использования и охраны, т. е., пока можно отметить, что вопросы технологии использования земель тундры, лесотундры и северной тайги в оленеводстве исследовались только в работах биологов и представителей сельскохозяйственной науки.

В теории земельного права вопрос о необходимости определения конкретных прав и обязанностей землепользователей на отдельные сельскохозяйственные угодья поставлен давно. Однако, хотя в теоретических работах нет недостатка в напоминании о том, что важнейшая функция земли – это выполнение ею роли главного средства производства в сельском хозяйстве, исследования посвящаются в основном таким темам, как правовой режим земель сельскохозяйственного назначения. В целом автором исследуется право землепользования различных сельскохозяйственных предприятий. При этом, не все земли сельскохозяйственного назначения и земли сельскохозяйственных организаций в целом выполняют роль главного средства производства. Эту роль выполняют только сельскохозяйственные угодья. Получается, что при исследовании правового режима земель сельскохозяйственного назначения или правового режима земель сельскохозяйственных организаций в целом правовое регулирование использования земли в качестве

главного средства производства растворяется среди других земельных прав и обязанностей.

В последние годы наметилось определенное повышение внимания к вопросам правового режима сельскохозяйственных угодий. Правовой режим оленьих пастбищ в научной земельно-правовой литературе почти не исследовался.

Анализ практики использования земель на севере показывает, что большая доля оленьих пастбищ предоставляется из земель государственного запаса, много земель выделяется из земель лесного фонда, земель промышленности и транспорта. Дефицит оленьих пастбищ, который ощущается все острее, диктует необходимость предоставления пастбищ из многих категорий земель, исходя только из условия достаточного запаса кормов и доступности их для животных в разное время года. Все это говорит о своеобразном положении оленьих пастбищ в составе земельного фонда.

Оленьи пастбища являются дифференцированными угодьями и как всякий объект специфического использования обладают естественно-научными и правовыми признаками.

С естественно-научной точки зрения – это земельный массив, расположенный в северных территориях, на котором имеется достаточный ассортимент мхов и лишайников – специфический растительный корм северных оленей. Эта растительность представляет собой мозаичный покров тундры и лесотундры, который, к тому же, в силу естественных и антропогенных факторов воздействия на природу севера быстро меняет свой качественно-количественный состав и местоположение, почему и возникают трудности в определении оленьих пастбищ как совокупного и самостоятельного объекта права, с особенностями, проистекающими из природно-географических условий.

Оленьи пастбища, как и всякое используемое земельное угодье, имеет свою цель использования – развитие оленеводческого производства. Эти земли используются в основном оленеводческими хозяйствами под выпас оленьих стад и являются здесь основным средством производства. Как и на любом ином пастбище в животноводстве, здесь также используется в первую очередь, правда специфический и произрастающий на почвах с вечной мерзлотой, травостой. Отсюда и природно-историческая специфика производства выпаса. Во-первых, надо указать на меридиональное кочевание, а во-вторых, на смену пастбищ в зависимости от сезона года. Тут же нужно заметить, что специфика сезонного использования земель сложилась и на пастбищах для отгонного животноводства, которые официально признаны земельными сельскохозяйственными угодьями.

Использование земельных пастбищных массивов в оленеводстве происходит в рамках организации колхозного и совхозного производства, так же, как это сделано в других отраслях сельскохозяйственного производства. Оленеводческое производство как подотрасль животноводческого хозяйства страны планируется Министерством сельского хозяйства субъектов Российской Федерации.

Все это указывает на то, что олени пастбища – это базис для развития оленеводческого производства как специфической отрасли сельского хозяйства в нашей стране и, стало быть, должны иметь статус сельскохозяйственного угодья, как и другие пастбища животноводческих хозяйств.

Природной особенностью оленьих пастбищ является то, что на всей значительной территории используется, прежде всего, наиболее ценный компонент – ягельники, олени мхи. В отличие от зеленых кормов (трав, кустарников), они используются только в течение трех-четырех месяцев в году, а нарастают в течение ряда лет. Вот поэтому система использования оленьих пастбищ в основном и определяется биологией развития ягеля.

Кормовые лишайники в своем развитии проходят три стадии:

– формирование подеция (кустистого слоевища) происходит в течение 8–14 лет. За это время ежегодно увеличиваются его размеры;

– обновление подеция и одновременный прирост. В то же время происходит его отмирание снизу, причем оба процесса одновременно уравнивают друг друга, и размер живой части подеция почти не увеличивается;

– отмирание подеция на перестойных ягельниках, где скорость отмирания превышает прирост.

А это значит, что ягельники следует использовать после завершения первой стадии роста. Отсюда нужно устанавливать строгие сроки использования пастбищ, так как периоду формирования подеция соответствуют и сроки восстановления кормовой емкости пастбища после стравливания. Отсюда же вытекает и еще одна правовая особенность: установление сроков и периодов отдыха пастбищ для восстановления кормового запаса.

Ученые-аграрники заметили, что олень скусывает, особенно летом, только вершину ягельного куста. В таком случае восстановление идет быстрее, в течение 2–3 лет. Но при стравливании трех верхних слоев восстановительный период занимает более 10 лет. Из этой особенности следует вывод – использование кормовых запасов оленьих пастбищ должно исходить из оптимального сочетания использования и воспроизводства их кормовой емкости [5, с. 148–150].

Таким образом, организация территории оленьих пастбищ, в ходе которой определяются маршруты кочевания и допустимая нагрузка на пастбища, диктует необходимость введения научно-обоснованных пастбищеоборотов.

Уже говорилось о необходимости учитывать, что Север, с экологической точки зрения, представляет собой особый регион, биосфера которого отличается особой степенью ранимости при воздействии на нее хозяйственной деятельности человека и вместе с тем ограниченностью или крайней замедленностью естественных восстановительных процессов. Вместе с тем, многоцелевое и крупномасштабное освоение Севера сопровождается все увеличивающимися разнообразными антропогенными воздействиями на природные комплексы, особенно биологические. Бесконтрольное движение транспорта, особенно летом, строительство и эксплуатация промышленных объектов – это далеко не полный перечень такого рода воздействий. Они влекут за собой уплотнение, разрыв и уничтожение растительного и почвенного покрова. Сильно страдают от этих воздействий оленьи пастбища. Так, по истечении трех лет после прохода гусеничного транспорта в колеях появляются лишь единичные злаки и пушицы. Спустя пять лет на 25 % площади появляется травяное покрытие, к 8–9 годам травяное покрытие увеличивается до 80 % и появляются пятна мхов [5, с. 148–150].

Кроме того, решающее значение имеет правильное применение приемов выпаса оленей: чередование сезонных пастбищ, следование оленьих стад по заранее намеченным маршрутам, недопущение столкновения интересов диких и домашних оленей по маршруту следования, недопущение перегрузки пастбищ.

Так, за последние 20 лет под влиянием неупорядоченного выпаса диких и домашних оленей запасы лишайников на Таймыре снизились на 26 %.

Это говорит о том, что в основе современного оленеводства должны лежать тщательный учет кормовых ресурсов оленьих пастбищ, оценка их состояния, правильное распределение между оленеводческими хозяйствами [5, с. 172–173].

В целях более подробной характеристики особенностей оленьих пастбищ необходимо хотя бы коротко рассмотреть вопрос об их природной сезонной специфике.

Смена времен года имеет для оленеводства огромное значение, так как она определяет естественное состояние пастбищ, состав и питательную ценность кормов, а также их доступность. В зависимости от времен года производится смена пастбищ и перекочевка оленьих стад.

Ранневесенний сезон: май – начало июня. Характеризуется переменной погодой, чередованием оттепелей со значительными заморозками. Появляется первая зелень. В это время в оленьих стадах проис-

ходит первый отел. Основным кормом оленей, как и зимой, продолжает оставаться ягель. В связи с меньшей подвижностью стада из-за новорожденных телят пастбища используются более интенсивно. Наиболее ценна для ранневесеннего сезона богатая кормами лишайниковая и кочкарниковая тундра.

Поздневесенний сезон: начало июня – до июля. Характеризуется установлением температур выше нуля. Идет массовое развитие осоковых кормов, которые составляют половину суточного рациона оленей. Другую половину составляет ягель. Происходит переход оленьих стад к летовкам с мест отела. В это время особенно важно использовать те пастбища, которые в летний сезон становятся недоступными.

Летний сезон: начало июля – конец августа. Характеризуется полным развитием разнообразных летне-зеленых кормов. Стада оленей используют часто пастбища, наиболее благоприятные для выпаса в жаркую погоду. Олени в этот период могут обходиться без ягеля, только зелеными кормами. Летний выпас оленей возможен во всех подзонах тундры и лесотундры, но наиболее эффективно использование под летние пастбища северной субарктической и южной арктической тундры, так как здесь больше зеленых кормов из-за близости океана. Такими же преимуществами обладают высокогорные пастбища Урала, горы Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Раннеосенний сезон: середина августа – до начала октября. В этот период производится нагул оленей. Корм на пастбищах смешанный – зеленые корма и ягель. Большую ценность в этот период представляют шляпочные грибы, которые отличаются высоким содержанием белков, жиров, витаминов. Важной задачей выпаса в этот период является максимальное использование запасов зеленых кормов и грибов.

Позднеосенний сезон: октябрь – ноябрь. Корма смешанные, но с преобладанием ягеля. Очень важное значение в этот сезон имеет продление использования зеленых кормовых растений. Источники зеленых кормов – те же виды пастбищ, что и ранней осенью.

Зимний период: с ноября – по апрель включительно. Основной корм – ягель. В декабре становится доступным только 70 % пастбищ, 30 % – недоступны, в феврале – до 40 %, в марте и апреле в тундре недоступны для использования более 60 % пастбищных угодий. А к концу зимнего сезона нередко доступными бывают только до 10 % пастбищ [6, с. 79–81].

Итак, особенностью оленьих пастбищ является наличие специфической растительности – ягельников, которые в отличие от зеленых кормов используются только 3–4 месяца в году, а нарастают в течение ряда лет. Наличие вечной мерзлоты, малый световой период определяют особую степень ранимости и трудность восстановления их от любых видов повреждения: нормальное ли стравливание, перевыпас

или механическое повреждение почв. Особенность биопроцесса развития лишайникового растения и крайняя замедленность восстановительных процессов, а также ограниченность ягельных массивов по территории и слабая их доступность диктуют особые задачи в установлении систем организации рационального использования и охраны оленьих пастбищ.

При существующем положении очень важно правильное построение годового маршрута кочевки в оленеводстве, а оно может быть выполнено при наличии геоботанической карты, материалов инвентаризации пастбищ и хорошего знания всей пастбищной территории. Одновременно необходима организация чередования пастбищ в зависимости от времени суток и характера погоды.

Из всего сказанного следует вывод, что специфика порядка использования оленьих пастбищ диктуется спецификой самого объекта землепользования, которая в основном определяется биологией развития ягеля.

Несмотря на такую специфическую черту оленьих пастбищ, как сезонность использования, что предполагает предоставление их из различных земельных категорий, технология и цель использования остаются неизменными. Это указывает на необходимость унификации понятия оленьего пастбища на всех северных территориях нашей страны и определения понятия, исходя из естественно-научных признаков сельскохозяйственных угодий в нашей стране, определенных земельным законодательством. Без точного юридического определения «оленьи пастбища» невозможно установить их юридическую классификацию, особенности режима использования, содержания землепользования и круга субъектов этого права, а также пути рационального использования и их охраны. Слово «пастбища», как таковое, означает «земельные угодья, покрытые растительностью, используемой животными в виде подножного корма». В этом кратком определении подчеркиваются два момента. Во-первых, это земельное угодье, а во-вторых, указывается на целевое назначение этих земель – обслуживание животноводства – одной из ведущих отраслей сельского хозяйства. Растительный покров природных пастбищ состоит главным образом из многолетних дикорастущих трав, иногда из лишайников (тундра), полукустарников и кустарников (тундра, пустыня).

Видно, что все кормовые угодья отличаются большим разнообразием. Кормовые угодья, используемые в оленеводстве, также – в силу различных природных условий.

Хотя оленьи пастбища, как кормовые угодья, очень отличаются составом растительного покрова и биологической продуктивностью от других сельскохозяйственных пастбищ, но наравне с другими являются

земельным фондом оленеводческого производства. Этим диктуется необходимость их правового определения.

Надо сказать, что использование оленьих пастбищ в советское время не регулировалось основными нормативными земельными актами, поэтому даже сам термин не упоминался в основах земельного законодательства. Земельный кодекс РСФСР употреблял этот термин единственный раз в ст. 11 в связи с указанием сроков землепользования в РСФСР. Пятый абзац этой статьи гласил: «Пастбища для отгонного животноводства и олени пастбища могут предоставляться в долгосрочное пользование колхозам, совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям, организациям и учреждениям на срок до 25 лет» [7]. В настоящее время в соответствии с п. 13 ст. 39.10 ЗК РФ лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и их общинам в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности для размещения зданий, сооружений, необходимых в целях сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, предоставляются пастбища на срок не более чем десять лет.

Таким образом, в отличие от советского периода сроки использования земельных участков в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности установлены всего до десяти лет, что, как очевидно, не соответствует биологическим законам восстановления мхов и лишайников как основного корма для домашних и диких северных оленей.

Исходя из законов развития природы Севера, было бы целесообразно вернуться к ранее установленным срокам использования земель для нужд домашнего северного оленеводства и установить их не менее чем на двадцать пять лет.

Согласно ЗК РФ п. 7 ст. 13, охрана земель, занятых оленьими пастбищами в районах Крайнего Севера, отгонными, сезонными пастбищами, осуществляется в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

По п. 1. ст. 79 ЗК РФ сельскохозяйственные угодья – пашни, сенокосы, пастбища, залежи, земли, занятые многолетними насаждениями (садами, виноградниками и другими), – в составе земель сельскохозяйственного назначения имеют приоритет в использовании и подлежат особой охране.

Примером может служить практика, сложившаяся в Мурманской области в вопросах охраны оленьих пастбищ и в содержании прав и обязанностей пользователей оленьими пастбищами [8].

Надо отметить, что на федеральном уровне была предпринята попытка урегулирования множества вопросов по северному оленеводству. В июле 2011 г. было осуществлено первое чтение законопроекта № 220824-3 Федеральный закон «О северном оленеводстве» [9]. Было предусмотрено следующее.

Государственная поддержка северного оленеводства осуществляется за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и внебюджетных источников на соответствующий год и предусматривает: ежегодную субсидию на поддержку сохранения и развития северного оленеводства в размере, обеспечивающем его ведение как традиционно сложившееся использование северных оленей, являющееся основой традиционного кочевого и полукочевого образа жизни и культуры коренных малочисленных народов и этнических групп, проживающих в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и обеспечение его рентабельности; установление и поддержание щадящего режима природопользования, обеспечивающего сохранность оленьих пастбищ, отличающихся повышенной уязвимостью экологических систем; финансирование охраны оленьих пастбищ от пожаров и техногенного воздействия, охраны оленьих стад от хищников; финансирование землеустроительных, геоботанических, зоотехнических и других работ, направленных на изучение оленьих пастбищ, оценку их качества, ресурсного потенциала и экологического состояния, а также разработку землеустроительной документации, необходимой для организации рационального использования и охраны оленьих пастбищ; возмещение стоимости кормов и кормовых добавок для домашних северных оленей в случае стихийных бедствий (гололеда, наста и других), а также бескормицы; компенсацию затрат оленеводов и оленеводческих хозяйств на обязательное страхование домашних северных оленей.

Государственные гарантии и компенсации оленеводам и оленеводческим хозяйствам устанавливаются Трудовым кодексом Российской Федерации, Федеральным законом «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации», Законом Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», настоящим Федеральным законом, другими законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Основным документом, в котором могут быть определены границы используемых оленьих пастбищ, является кадастровый план территории.

В соответствии со ст. 1 ФЗ № 221 от 24.07.2007 г. «О государственном кадастре недвижимости» [10] государственному кадастровому учету подлежат границы, в том числе границы территориальных зон и зон с особыми условиями использования территорий. Территориальная зона представляет собой часть территории, которая характеризуется особым правовым режимом использования земельных участков и границы которой определены при зонировании земель в соответствии с земельным законодательством, лесным, градостроительным, водным законодательством, законодательством об охране окружающей среды.

Уже указывалось о необходимости установления территорий, пригодных для осуществления деятельности коренными малочисленными народами, зонирования таких территорий и проектирование маршрутов оленьих стад с установлением местоположением оленьих пастбищ соответственно их сезонам. Неясно, целесообразно ли определять границы оленьих пастбищ, если природная особенность расположения ягельников такова, что после их стравливания множеством тысяч голов оленей, специфический корм восстанавливается в течение 8–15 лет.

Действующее земельное законодательство устанавливает необходимость на кадастровом плане территории определять земельные участки для использования с обязательной подготовкой схем расположения таких участков на кадастровых планах территорий.

На схеме расположения участков показана их конфигурация проектной границы, рассчитаны площади. Схемы расположения земельных участков утверждаются решениями органов местного самоуправления и сохраняют свою силу в течение 2 лет (ст. 11.10 ЗК РФ).

В Красноярском крае на законодательном уровне с принятием Закона «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Красноярского края» и Закона Красноярского края «О государственной поддержке северного оленеводства в Красноярском крае» урегулированы вопросы охраны и защиты исконной среды обитания коренных малочисленных народов и установлен порядок образования территорий традиционного природопользования [11, 12].

Литература

1. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: федер. закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ (ред. от 31.12.2014). – М., 2014.

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 13.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015) // СЗ РФ. – 2001. – № 44.
3. *Крассов О.И.* Комментарий к земельному законодательству Российской Федерации. – М.: Юристъ, 2002.
4. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2015) // СЗ РФ. – 2006. – № 50. – Ст. 5278.
5. *Щелкунова Р.П.* Антропогенные воздействия на растительный покров Таймыра // Проблемы рационального природопользования и контроля качества природной среды севера Сибири: сб. науч. тр. – Якутск, 1979.
6. *Емельянова Т.А.* Организация рационального использования и охраны земельных ресурсов северных территорий Российской Федерации. – М., 2004.
7. Закон РСФСР от 01.07.1970 об утверждении Земельного кодекса РСФСР (вместе с Земельным кодексом РСФСР) с изм. и доп., внесенными Указом президиума ВС РСФСР от 12.03.1980. – М., 1980.
8. О северном оленеводстве Мурманской области: закон Мурманской области от 26.12.2006 (в ред. от 20.12.2013) № 380-01. – Мурманск, 2013.
9. Проект Федерального закона № 220824-3 «О северном оленеводстве» (ред., внесенная в ГД ФС РФ). – URL: http://www.sejchas.ru/law_project/20349.
10. О государственном кадастре недвижимости: федер. закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ. – М., 2007.
11. О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Красноярского края: закон Красноярского края от 25.11.2010 г. (в ред. от 19.12.2013) № 11-5343. – Красноярск, 2013.
12. О государственной поддержке северного оленеводства в Красноярском крае: закон Красноярского края от 11.12.2012 (в ред. от 12.02.2015) № 3-868. – Красноярск, 2015.

УДК 008.009

Н.В. Фомина, А.И. Виноградова

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ НОРМЫ КАК МЕРА
УПОРЯДОЧЕННОСТИ В ДУХОВНОЙ СФЕРЕ ОБЩЕСТВА**

N.V. Fomina, A.I. Vinogradova

**SOCIO-CULTURAL NORMS AS A MEASURE
OF ORDERLINESS IN THE SOCIETY SPIRITUAL SPHERE**

Социокультурные нормы в упорядоченной (космической) духовной сфере разверстываются как общественные отношения, в которых пребывают и в соответствии с которыми получают возможность действовать, а также совершенствуют их наряду с другими общественными отношениями социальные субъекты. Осуществление связи социокультурных явлений выражается в том, что изменение одних социокультурных элементов, например социальных норм, вызывает изменение других социальных элементов, например социальных институтов. Именно в непосредственном (социальная связь) и опосредованном (социальное отношение) виде реализуется противоречивость бытия социокультурных норм. Из этого следует, что при нарушении данных связей и отношений в определенном государстве и обществе происходит дисгармония, разрыв данных связей, что приводит к состоянию социального хаоса. Согласно принципу социального порядка, гармония общественных отношений предполагает многообразие связей и отношений социокультурных норм, которое актуально настолько, насколько оно способно давать возможность развития социальных отношений и опосредствующих данные отношения социальных институтов. При этом необходимо иметь в виду определенное соотношение институтов общества и государства, обеспечивающее жизнеспособность социокультурных норм, т. е. всего того, что пребывает в данном отношении и раскрывает себя в качествах, соответствующих данному отношению. Социокультурные нормы, будучи определенным общественным отношением, выступают как следствие снятия социальной неопределенности, поэтому социокультурные нормы требуют соответствующего освещения, требуют соответствующей теории и адекватных понятий. Поскольку социальные нормы, согласно принципу социального порядка, неотделимы от других общественных отношений, то развитие социокультурных норм осуществляется в процессе развития и совершенствования общественных отношений. Процесс развития общественных отношений происходит как последовательный процесс диалектического снятия одной совокупности упорядоченных социальных отношений другой совокупностью упорядоченных социальных отношений.

Ключевые слова: *социокультурные нормы, диалектика, общественные отношения.*

Socio-cultural norms in a regulated (space) spiritual realm are imposed as social relationships in which social actors reside, and whereby given a chance to act, as well as improving them along with other social relations. The communication of socio-cultural phenomena reflected in the fact that the change in some socio-cultural elements such as social norms, causes a change in the other social elements such as social institutions. It is in direct (social communication) and indirect (social relation) is realized in consistency of the existence of sociocultural norms. This implies that if you violate these connections and relationships in a particular state and society there is disharmony, rupture of these linkages, leading to a state of social chaos. According to the principle of social order, harmony of social relations involves a variety of relationships and socio-cultural norms attitudes, which is relevant in so far as it is able to make space for the development of social relations and mediate the relationship of social institutions. However, you must keep in mind certain ratio of the institutions of society and the state, ensuring the viability of socio-cultural norms, i.e. what is in this attitude and reveals itself in qualities relevant to this relation. Socio-cultural norms, defined as social attitudes that act as a result of the withdrawal of social uncertainty, therefore, socio-cultural norms require appropriate illumination and appropriate and adequate theory of concepts. Thus, as social norms according to the principle of social order, inseparable from other social relations, the development of social and cultural norms are in the process of development and improvement of social relations. The process of development of social relations occurs as a serial process of removing one dialectical totality of social relations ordered another set of organized social relations.

Keywords: socio-cultural norms, society, dialectics, social relations.

В современных общественных реалиях, в связи с очевидными процессами глобализации, остро встает вопрос о культуре, о месте социальных норм в духовной сфере общества. В значимом исследовании «Плоский мир» Т. Фридмана, посвященного новейшей истории XXI века, проводится параллель между культурными особенностями конкретных обществ и стран, с одной стороны, и их возможностью подстраиваться под современные требования глобализационных процессов, быть конкурентоспособными в этом мире, с другой: «...чем более плоским становится мир, чем более дешевыми и доступными становятся инструменты взаимодействия и сотрудничества, тем большее значение будет иметь разрыв между культурами, которые будут иметь желание и умение их осваивать и применять, и культурами, которые не имеют ни того ни другого. Разница между этими странами будет только усиливаться» [1].

Далее автор доказывает, что огромными преимуществами обладают та страна и то общество, в которых культура «впитывает лучшие иностранные идеи, достижения и методы работы и соединяет их со своей традицией» [1]. С автором трудно не согласиться. Но при этом Т. Фридман не говорит, что происходит с теми государствами и обществами, которые активно впитывают в себя иностранные идеи и особенно идеи «вестернизма», идеи американизированной глобализации, ломая при этом устоявшиеся социокультурные нормы, выходя из состояния социального порядка и впадая в состояние так называемого «социального хаоса».

Согласно диалектике развития социокультурных норм, они (нормы) рассматриваются без отрыва от принципа единства мира и принципа всеобщей связи явлений, в том числе всеобщей связи духовных (культурных) явлений наличных общественных отношений.

Данный принцип можно выявить уже в трудах древнегреческих мыслителей, когда возникает и развивается теория социального порядка (космоса) и теория социального беспорядка (хаоса). В трудах Платона мы видим становление данной теории: «Мудрецы учат..., что небо и землю, богов и людей объединяют общение, дружба, порядочность, воздержанность и высшая справедливость; по этой причине они и зовут нашу вселенную "космосом", а не "беспорядком"» [2].

Платон, раскрывая диалектику всеобщей связи социальных явлений как органическое единство противоположных сил и явлений в духовной сфере, показывает, что культурные и духовные противоположности могут выступать условием существования и функционирования порядка, так как в своем высказывании он отождествляет понятия «космос» и «порядок». При этом имеется в виду не только порядок в расположении небесных тел, но и в социокультурной сфере. По этому поводу И.Д. Рожанский пишет: «В сущности, идея космоса – это не идея, а целое миропонимание. Это представление о мире как об упорядоченной и завершенной в себе структуре, отнюдь не сводящейся к простой сумме отдельных элементов – Неба, Земли, Солнца, Луны и прочих компонентов Вселенной, а образующей некое целостное единство, подобное органическому единству живого существа» [3]. Данная целостность обеспечивается единством и борьбой противоположностей, что является одним из основополагающих законов всеобщей связи явлений. В свою очередь, целостность в устройстве космоса может быть охарактеризована таким свойством, как гармония, которая подразумевает согласованность, соразмерность, взаимообусловленность отдельных элементов, в том числе отдельных социокультурных элементов.

Гармония элементов космоса (порядка) предполагает диалектику единства отношения и связи, где имеет место единство социокультурных норм и социокультурных, духовных институтов. Если такое единство отсутствует, то согласно логике изучения космоса (порядка, упорядоченности), имеет место несовершенство, дисгармония наличной духовной сферы и ее социокультурных норм.

Аристотель прямо указывает на то, что понятие «отношение» является существенной категорией, отображающей движение и взаимную зависимость всех видов бытия: «Отношение является то отношением двойного к половинному, тройного к третьей части и вообще кратного к кратной части, превосходящего к превосходимому..., далее отношение измеряющего к мере, познающего к познанию...» [4]. По Аристотелю категория «отношение» – это способ существования бытия, в том числе способ бытия социокультурных норм.

Социокультурные нормы в упорядоченной (космической) духовной сфере разверстываются как общественные отношения, в которых пребывают социальные субъекты, что и получают возможность действовать в соответствии с этими отношениями, а также совершенствовать их вместе с другими общественными отношениями.

Д.А. Антонов пишет: «Во-первых, существование общества естественным образом предполагает наличие общественных отношений; во-вторых, общественные отношения предполагают объективный характер; в-третьих, общественные отношения устанавливают взаимную зависимость социальных явлений и процессов. Следовательно, совершенство общественных отношений предполагает совершенствование не отдельно взятых отношений (к примеру отношения распределения и потребления), а совокупных общественных отношений, устанавливающих единство и связь социальных явлений и процессов» [5]. Таким образом, претворение в жизнь социокультурных норм в космической (упорядоченной) духовной сфере возможно лишь при условии реализации всеобщей связи, в том числе всеобщей связи социальных явлений, определяющей гармоничное взаимодействие между субъектами общества и теми экономическими, политическими и так далее реалиями, в которых данное общество воспроизводит самое себя.

Принцип всеобщей связи предполагает отношения. А.Я. Райбекас отмечает, что диалектика единства связи и отношения характеризуется рядом существенных черт: «Первая черта относится к объективности связи. Поскольку связь представляет собой особый случай отношений между явлениями, то объективность связи, в конечном счете, определяется объективностью отношений... Эти отношения могут носить как не-

посредственный, так и опосредованный характер (два соотносящихся объекта соотносятся друг с другом через третий объект). Соответственно этому связь вещей также может носить как непосредственный, так и опосредованный характер. Отношение, стало быть, осуществляет связь, а связь суть отношение» [6]. В этом смысле отношения всегда опосредованы, связь непосредственна. Осуществление связи социокультурных явлений выражается в том, что изменение одних социокультурных элементов, например социальных норм, вызывает изменение других социальных элементов, например социальных институтов: «Ибо те или иные связи существуют при одних условиях и не существуют при других. Связь же представляет собой завершенное и вместе с тем в нашей терминологии "внешнее" отношение» [6].

С точки зрения диалектики как науки о всеобщей связи явлений, данная связь конечна и бесконечна, непосредственна и опосредствована, определена и неопределена и т. д. Согласно принципу упорядоченности, диалектике всеобщей связи, «...человеческое общество само по себе представляет собой отношение, вернее, особый вид отношений между людьми как явлениями частными, индивидуальными, но в то же время и социальными в том смысле, что они не могут существовать без общественных связей» [7]. Именно в непосредственном (социальная связь) и опосредствованном (социальное отношение) виде реализуется противоречивость бытия социокультурных норм. Из этого следует, что при нарушении данных связей и отношений в определенном государстве и обществе происходит дисгармония, разрыв данных связей, что приводит к состоянию социального хаоса, последствия которого в полном объеме не в состоянии прогнозировать ни одна социальная наука.

Отечественный мыслитель, общественный деятель и историк М.В. Буташевич-Петрашевский пишет: «Ряд творческих преобразований может и быть незаметен взгляду близорукого наблюдателя, но закон постепенности и логической связи везде повторяется. Уподобимся же мы в отношении к несозданной массе нашего быта общественного живой и творческой силе природы, вдохнем в него жизнь, и тогда дотоле разрозненные члены быта общественного будут являть гармоничность в своих движениях и явлениях общественной жизни, не будут, как доселе, поражать нас нестройностью» [9].

Общественное целое – это тождество различий социокультурных норм, раскрывающих полноту общественных отношений в духовной сфере. М.И. Туган-Барановский отмечает, что «общественность есть необходимое условие индивидуальной жизни человека» [10]. Таким же образом и социокультурные нормы являются одним из условий сущест-

вованя человека в обществе и общества в целом. И эта данная определенность задается характером общественных отношений, в которых пребывают социокультурные нормы, в частности, они выступают в непосредственном (социальная связь) и опосредствованном (социальные отношения) виде. Социокультурные нормы «не имеют специфически предметно или пространственно обособленных сфер общественных отношений, а действуют в едином поле социальных связей» [10].

Безусловно, в теории социального порядка раскрытие социокультурных норм в непосредственном (социальная связь) и опосредствованном (социальные отношения) виде предполагает, что отдельные социокультурные нормы разверстываются как части целого, порождают как возможность, так и необходимость совершенствования социальных и духовных отношений. Логика изучения теории социального порядка предполагает целое не как абстрактное единство, а как единство многообразия, обладающее богатым содержанием, т. е. многообразием связей и отношений социокультурных норм, пребывающих в различных общественных отношениях. Как отмечает Н.М. Чуринов, все это составляет: «объективная диалектика, диалектическое противоречие, всеобщая связь, красота, гармония, непосредственность связи, опосредованность отношения, объективный закон, временной ряд, рост энтропии, антиэнтропийный процесс и ряд других не надуманных, умозрительных, но имеющих место в сознании, а также вне и независимо от сознания, оформлений совершенства» [11].

Согласно практике социального порядка, в общественных отношениях социокультурные нормы выступают как исторически связанные и взаимодействующие социокультурные отношения, хотя особенности их соотношения определяются на каждом этапе, временном отрезке условиями, объективно наличествующими в данный период. Эти условия актуализируют реальное состояние экономики, политики, науки, культуры, права, морали, социальной структуры общества и многое другое.

Советский исследователь Г.М. Гак, выделяя основные формы социокультурных норм – мораль и право, подчеркивает, что изначально существуя в состоянии единства, социокультурные нормы проходят со временем процесс обособления. Необходимо отметить, что о полном разделении социокультурных норм говорить не представляется возможным, так как они функционируют в сфере общественных отношений и взаимно дополняют друг друга: «активно воздействуя на мораль, право способствует более глубокому ее укоренению в обществе, в то же время оно само под влиянием морального фактора постоянно обогащается:

расширяется его нравственная основа, повышается авторитет, возрастает его роль как социального регулятора общественных отношений» [12].

Принцип социального порядка предполагает, что социокультурные нормы в рамках развития социальных отношений не могут существовать независимо от обуславливающих данные нормы социальных институтов: политических, экономических и т. д. Социокультурные нормы, действуя в сфере общественных отношений, развиваются вместе с социумом, а их соотношение и взаимодействие приобретает в различные периоды различные формы, содержание и значение. При этом под взаимодействием понимаются не только взаимные связи, воздействие рассматриваемых норм друг на друга, но и любые отношения между ними, в том числе согласование, гармония, развитие, завершенность и т. д. В результате взаимодействия социальных норм происходит возникновение системы связей, утрата некоторых свойств части при вхождении в целое, появление новой целостности новых свойств, обусловленных как свойствами основных частей, так и возникновением новых связей между ними.

Социокультурные нормы – это развивающееся явление, оно раскрывается все новыми и новыми сторонами. При этом они (социокультурные нормы) развертываются во все более широкое многообразие социальных отношений, раскрывая все более широкий спектр социальной теории социального порядка, все более богатое ее содержание. При этом возникновение каждого нового типа социокультурных норм означает, что произошло очередное диалектическое снятие одного единства определенности и неопределенности связей и отношений социокультурных норм и социальных институтов другим единством определенности и неопределенности связей и отношений социокультурных норм и социальных институтов.

Возникновение новых качеств отношений социокультурных норм является результатом развития социума. Действенность этих социальных норм необходимо защищать средствами соответствующих этим нормам социальных институтов. В этом смысле важно отметить:

1) диалектика развития социокультурных норм – источник установления как социальных отношений, так и социального порядка;

2) установление порядка пребывания социокультурных норм – одно из проявлений социального порядка, поэтому в данном значении социокультурные нормы предполагают определенное оформление гармонии. Многообразие же видов социокультурных норм выступает как многообразие оформлений порядка общественных отношений;

3) многообразие социокультурных норм определяет: гармонизацию общественных отношений, порядок общественных отношений, поскольку возникновение нового общественного отношения влечет за собой усовершенствование других общественных отношений, заставляет их подтягиваться к уровню других общественных отношений.

Согласно принципу социального порядка, гармония общественных отношений предполагает многообразие связей и отношений социокультурных норм, которое актуально настолько, насколько оно способно давать простор развитию социальных отношений и опосредствующих данные отношения социальных институтов. При этом необходимо иметь в виду определенное соотношение институтов общества и государства, обеспечивающее жизнеспособность социокультурных норм, т. е. всего того, что пребывает в данном отношении и раскрывает себя в качествах, соответствующих данному отношению. Социокультурные нормы, будучи определенным общественным отношением, выступают как следствие снятия социальной неопределенности, поэтому социокультурные нормы требуют соответствующего освещения, требуют соответствующей теории и адекватных понятий. Изучая социокультурные нормы, мы используем категории диалектики связи и отношения, конечного и бесконечного, определенного и неопределенного, сущности и явления, общего и отдельного, общественного и индивидуального, раскрывающие объективную и субъективную диалектику развития социокультурных норм.

Из этого следует:

1. Поскольку социальные нормы, согласно принципу социального порядка, неотделимы от других общественных отношений, то развитие социокультурных норм осуществляется в процессе развития и совершенствования общественных отношений.

2. Процесс развития общественных отношений происходит как последовательный процесс диалектического снятия одной совокупности упорядоченных социальных отношений другой совокупностью упорядоченных социальных отношений.

Литература

1. Фридман Т. Плоский мир: Краткая история XXI века / пер. с англ. М. Колопотина. – М.: АСТ, 2006. – 601 с.
2. Платон. Сочинения: в 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990.
3. Рожанский И.Д. Развитие естествознания в эпоху античности. – М.: Наука, 1979.
4. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1976.

5. Антонов Д.А. Социально-философский анализ общественного прогресса. – Красноярск: Изд-во СибГТУ, 2005.
6. Райбекас А.Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. – Томск, 1977.
7. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978.
8. Тойнби А.Дж. Постижение истории: пер. с англ. / сост. А.П. Огурцов. – М.: Прогресс, 1991.
9. Буташевич-Петрашевский М.В., Володин А.И., Шахматов Б.М. Наброски речей // Утопический социализм в России: хрестоматия / общ. ред. А.И. Володина. – М.: Политиздат, 1985.
10. Тутов Л.А. Философия хозяйства: пространственно-временной аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. «Философия». – 2002. – № 5.
11. Чуринов Н.М. Виды социального прогресса // Культура информационного общества: сб. науч. тр. – Красноярск, 2003. – С. 38–51.
12. Гак Г.М. Диалектика коллективности и индивидуальности. – М.: Мысль, 1967.

ИСТОРИЯ

УДК 339.16.

С.Н. Орловский

РУССКИЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ ОТРЯД КРАСНОГО КРЕСТА ПОД РУКОВОДСТВОМ Н.И. КУСКОВА НА АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЕ

S.N. Orlovsky

RUSSIAN VOLUNTARY AMBULANCE DETACHMENT UNDER COMMAND OF N.I. KOUSKOV DURING THE ANGLO-BOER WAR

Цель данной работы – проследить историю русского санитарного отряда Красного Креста на Англо-бурской войне, определить мотивы выбора жизненного пути потомков Николая Ивановича Кускова и его родственников в период происходивших в России революционных изменений. Задача исследований – определить по архивным данным мотивы создания русского санитарного отряда, назначения его руководителя и списочный состав врачей, медсестер и фронтовых санитаров, критерии их подбора, места дислокации отряда и итоги его работы, а также проследить жизненный путь участников. В статье определен состав отряда, перечислено его снаряжение и оборудование, рассмотрены трудности на пути следования из Санкт-Петербурга на Англо-бурскую войну, прием отряда президентом Бурской республики Паулем Крюгером; выбор места дислокации основной части русского отряда своего отряда, расположения госпиталя и военно-полевых госпиталей, их численный состав; причины продления командировки отряда доктора Кускова, возвращение на Родину и награждение участников; официальный отчет о командировке в Южную Африку. Прослежена история знакомства Н.И. Кускова с Анной Тумановой, жизненный путь ее брата князя Язона Константиновича Туманова, его участие в войне Парагвая с Боливией. Изучен жизненный путь брата Николая Кускова Владимира Ивановича, судьба которого после революции была неизвестна.

Ключевые слова: Н.И. Кусков, Англо-бурская война, санитарный отряд, Трансвааль, разведка.

The purpose of this work is to trace the history of Russian sanitary detachment of the Red Cross in the Anglo-Boer War, to determine the motives of choice of life descendants of Kuskov Nikolai Ivanovich and his relatives in the period when the Russian revolutionary changes took place. Research task is to determine the motive for the archive data creating Russian sanitary unit, the appointment of its head and a payroll of doctors, nurses and front-line nurses, the criteria for their selection, place the order and deployment of the results of its work, as well as trace the way of life of participants. The article defines the squad, transferred its equipment and equipment, and discusses the difficulties on the route from St. Petersburg to the Anglo-Boer War, the reception unit president Paul Kruger, the Boer republics. Selecting the location of the deployment of the main Russian detachment of his party, the location of the hospital and the military-field hospitals, the quantity of members is studied. The reasons for extending the travel doctor Kuskov squad return to their homeland and rewarding participants, the official report on the trip to South Africa are given in the study. We trace the history of dating N.I. Kuskov, Anna Tumanova, her brother Jason Prince Tumanov's life, his participation in the war of Paraguay with Bolivia. He studied the life brother Nicholas Kuskov, Vladimir Ivanovich, whose fate was unknown after the revolution.

Keywords: *N.I. Kuskov, Anglo-Boer war, ambulance detachment, Transvaal, reconnaissance.*

В работе [1] рассматривалась история переселения крестьян из европейской части Российской империи на свободные земли Сибири, в частности на примере родов Смирновых и Кусковых, в дальнейшем работа была продолжена в направлении исследований судеб их потомков до наших дней.

Цель данного исследования – проследить историю русского санитарного отряда Красного Креста на Англо-бурской войне, определить мотивы выбора жизненного пути потомков Н.И. Кускова и его родственников в период происходивших в России революционных изменений.

По некоторым сведениям, Корней Чуковский в качестве прообраза Айболита использовал доктора Н.И. Кускова. Пафос всей сказки – в героическом путешествии доктора, который из сострадания к больным мужественно преодолевает преграды, встающие у него на пути.

Главное здание Мариинской больницы

Но автором и организатором поездки в Трансвааль русского санитарного отряда являлся не доктор Кусков [1]. Идея родилась в более высоких сферах. С ней выступил тогдашний военный министр генерал-адъютант А.Н. Куропаткин. 1 октября 1899 года он подал идею сформировать два санитарных отряда: один отправить на помощь бурам, второй – англичанам. Главное управление Российского общества Красного Креста оперативно рассмотрело это предложение и поддержало его большинством голосов. Но вспомнили, что во время последней русско-турецкой войны «туманный Альбион» не принимал участия в оказании медицинской помощи русским воинам, а оказывал такую помощь только туркам, и решили послать один отряд – к бурам.

Главным местом работы доктора Н.И. Кускова являлась Мариинская больница. Она являлась структурным подразделением учреждений ведомства императрицы Марии (жены Павла I). Тезка той Марии – вдовствующая императрица Мария Федоровна, мать Николая II, руководила работой этого ведомства, и доктор Кусков, как заместитель директора и главного врача Мариинской больницы, был тесно связан с ней. Последняя, помимо прочего, была также покровительницей Российского общества Красного Креста. К ней и обратился за разрешением об отправке санитарных отрядов генерал-адъютант О.К. Кремер, которому император Николай II поручил решать все организационные вопросы, связанные с гуманитарной помощью сторонам.

Вдовствующая императрица в середине октября 1899 года дала свое согласие. С этого момента закрутилась бюрократическая машина Российской империи. К решению организационных вопросов, помимо руководителя Российского Красного Креста В.В. Сахарова, подключились Министр иностранных дел граф В.Н. Ламсдорф и главный военно-медицинский инспектор генерал-адъютант А.А. Реммерт.

Российским дипломатам было поручено изучить опыт других стран по отправке санитарных отрядов на помощь воюющим сторонам в других военных конфликтах. Такие отряды уже были сформированы и в ряде случаев отправлены: три голландских, швейцарский, австрийский, американский, германский, шведский, бельгийский добровольческие санитарные отряды по линии Красного Креста [2]. Изучался собственный опыт посылки таких отрядов в Абиссинию и Грецию в 1896 и 1897 годах. Сначала планировалось послать во главе отрядов офицеров. Однако сообразили, что не следует смешивать армию и добровольный Красный Крест. Кто предложил назначить главным доктора Н.И. Кускова, не установлено, однако в итоге он был назван уполномоченным РОКК (Российское общество Красного Креста) и начальником врачебно-санитарного отряда РОКК.

О формировании отряда стало широко известно в империи. Тысячи добровольцев просили зачислить их в этот отряд. Работала своего рода конкурсная комиссия. Родилась песня: «Трансвааль, Трансвааль, страна моя! Ты вся горишь в огне». Численность отряда предполагалось ограничить 80 сотрудниками. Затем ее довели до 33 человек, причем двое были сверхштатными. Деньги на посылку отряда собирались по всей России по подписке. РОКК выделил со своих счетов около 100 тысяч рублей.

В итоге организационной работы врачебно-санитарный отряд приобрел следующую структуру и персональный состав [3]:

1. Начальник отряда Кусков Николай Иванович, приват-доцент Императорской ВМА, старший врач и помощник директора Мариинской больницы, 1850 г.р.

2. Хирург Чистович Сергей Яковлевич, младший врач Гренадерского полка, надворный советник, 1867 г.р.

3. Полевой хирург Садовский Антон Осипович из Гельсингфорского госпиталя, надворный советник, 1865 г.р.

4. Хирург Давыдов Василий Иванович из Мариинской больницы, надворный советник, 1863 г.р.

5. Хирург Гольбек Оттон Маркович, лекарь больницы в г. Рига, 1871 г.р.

6. Младший врач, хирург Эбергардт Александр Карлович, надворный советник, 1871 г.р.

7. Провизор Людвиг Карл Августович, г. Пернова Эстляндской губ., 1861 г.р.

8. Административный секретарь отряда Потапов Алексей Степанович, якобы отставной капитан (есть основания полагать, что он являлся профессиональным офицером разведки Российского Генштаба), 1872 г.р.

9. Сестра милосердия из общины св. Георгия в Санкт-Петербурге Тауц Амалия Фридриховна, незамужняя мещанка г. Юрьева (Дерпта), 1868 г.р.

10. Сестра милосердия из общины св. Георгия в Санкт-Петербурге Адель-Елизавета Каролина Аль, дочь купца из Риги, незамужняя, 1871 г.р.

11. Сестра милосердия из общины св. Георгия в Санкт-Петербурге Баумгартен Ольга Александровна, дочь генерал-адъютанта, 1877 г.р.

12. Сестра милосердия из Александровской общины в Санкт-Петербурге Стаховская Любовь Михайловна, дочь действительного статского советника из г. Олонца, 1874 г.р.

13. Сестра милосердия из Александровской общины в Санкт-Петербурге Тихомирова Ольга Клавдиевна, дочь губернского секретаря, 1860 г.р.

14. Сестра милосердия из Александровской общины в Санкт-Петербурге Зандина Феодосия Ивановна, мещанка с Охты, 1871 г.р.

15. Сестра милосердия из Александровской общины в Санкт-Петербурге Онкочева Наталья Богдановна, крестьянская девица, 1877 г.р.

16. Сестра милосердия из Александровской общины в Санкт-Петербурге Макарова Вера Николаевна, дочь коллежского асессора, сирота, 1869 г.р.

17. Сестра милосердия из Александровской общины в Санкт-Петербурге Соловьева Татьяна, дворянка, доброволица.

18. Фельдшер Николаевского военного госпиталя в Санкт-Петербурге Иванов Павел.

19. Фельдшер Николаевского военного госпиталя в Санкт-Петербурге Назаров Владимир.

20. Фельдшер Николаевского военного госпиталя в Санкт-Петербурге Павлов Федор.

21. Фельдшер Константиновского артиллерийского училища Маслов Флегонт.

Кроме того, в состав отряда были откомандированы от войск Гвардии и Петербургского военного округа в качестве санитаров следующие нижние чины и унтер-офицеры:

22. Грабовский Марцель, рядовой л. гв. Преображенского полка, 1874 г.р.

23. Стефанович Иосиф, ефрейтор л. гв. Семеновского полка, 1874 г.р.
24. Севрук Викентий, рядовой л. гв. Измайловского полка, 1873 г.р.
25. Головлев Павел, унтер-офицер л. гв. Егерского полка, 1880 г.р.
26. Каведа Феоктист, унтер-офицер л. гв. Московского полка, 1875 г.р.
27. Соболев Михаил, ефрейтор л. гв. Гренадерского полка, 1875 г.р.
28. Ерохин Василий, рядовой л. гв. Павловского полка, 1873 г.р.
29. Шитик Конон, фельдшерский ученик л. гв. Финляндского полка, 1874 г.р.
30. Карабухин Федосей, ефрейтор 145 Новочеркасского пехотного полка, 1874 г.р.
31. Дерябин Кирилл, ефрейтор 198 пехотного Резервного полка, 1874 г.р.

(Отчества простолюдинам в Российской империи были не положены.)

Все доктора отряда являлись действующими военными служащими [3]. Однако в числе подавших прошения о зачислении в отряд оказались двое, которым нельзя было отказать. Первым был граф Павел Алексеевич Бобринский. Он являлся прямым потомком императрицы Екатерины II от ее связи с Григорием Орловым. Граф обязался ехать за свой счет в качестве «агента». Вторым – фронтовым санитаром – по родственному был зачислен сын начальника отряда студент-юрист Санкт-Петербургского Императорского университета Николай Кусков, взявший академический отпуск. Его поездку финансировало РОКК.

Главное управление снабдило отряд всем необходимым, и в ходе практической деятельности в Трансваале никаких проблем применительно к материальному и техническому, а также медицинскому обеспечению не возникло. Подготовка отряда шла оперативно. К началу третьей декады ноября 1899 г. подготовительная работа была завершена, о чем доложили императрице Марии Федоровне. 25 ноября в 2 часа 15 минут она приняла отряд в Аничковом дворце на Невском проспекте. Прием освещала пресса, знаменитый питерский фотограф Карл Булла запечатлел отряд перед аудиенцией. Эта фотография была помещена в очередном номере журнала «Нива».

На переднем плане – бравые фронтовые санитары, принаряженные в кожаные куртки и брюки, хромовые сапоги. Все они были подобраны из гвардейских частей по следующим критериям: ростом не менее 190 см и 70-й размер в плечах. Это были не санитарки второй мировой. Во втором ряду сестры милосердия: все в белых платках, передниках с большими красными крестами на груди. На заднем плане сгрудились хирурги, доктора, фельдшеры. Среди них Н.И. Кусков. Императрицы среди позирующих нет. Ранг не позволил! 27 ноября 1899 г. был отслужен молебен об успехе предприятия.

*Врачебно-санитарный отряд Российского общества Красного Креста,
отправившийся в Трансвааль для помощи раненым бурам
(по фот. К. Булла, автотипия «Нивы»)*

После всех церемоний отряд погрузил свой багаж в поезд, следовавший до Одессы. Багаж отряда состоял из 351 ящика с медицинским имуществом, продуктами питания, спиртными напитками (общий вес около 14 тонн), а также 9 госпитальных палаток. «Всеобщий наркоз» состоял из 300 бутылок вина, 300 бутылок водки, 600 бутылок коньяка. Вероятно, он расходовался для снятия стресса во фронтовой обстановке [4].

В начале декабря отряд в полном составе прибыл в Одессу, где для его транспортировки до порта Лоренцо-Маркеш был зафрахтован пароход «Королева Ольга». На нем отряд по Черному морю проследовал до Босфора без захода в Стамбул. Бункеровались углем в порту Пирей. Пока шла эта работа, добровольцы познакомились с Афинами и другими достопримечательностями Эллады. Далее путь отряда лежал до Порт-Саида у входа в Суэцкий канал. Пока шла бункеровка, доктор и его спутники осмотрели Каир, долину фараонов, позировали на фоне пирамид и сфинкса, охранявшего покой монархов. Судя по снимкам, доктора охранял египетский мамлюк верхом на коне. Стояли долго, поэтому проживали в Каирской гостинице. У доктора в номере имелась шикарная кровать с балдахином.

Следующая остановка в порту Аден. Не обошлось без осмотра достопримечательностей. Затем был Джибути. Там студент Кусков, ставший штатным фотографом отряда, успел сделать только шесть снимков. За время экспедиции он наснимал фотографий на два альбома. На горизонте маячил Занзибар, в то время самый крупный город Восточной Африки. Его также бегло осмотрели. После него «Королева Ольга» зашла в Бейру, расположенную у входа в Мозамбикский пролив. Там мелководье и местные крепкие ребята местной породы подрабатывали переноской туристов на берег из шлюпок и катеров на своих плечах. Доктор Кусков, внук крепостного, также проследовал на заливке у чернокожего парня до сухого места, что и было запечатлено его сыном, фотографом-любителем [5].

Бейра. Перемещение начальника отряда доктора Кускова на берег с шлюпки (фото Н.Н. Кускова)

Впереди французская колония Мадагаскар. В его порту Диего-Суареш опять остановка для бункеровки и променада. Бывший сибирский парень приобрел там колониальный пробковый шлем, украсил его знаком Красного Креста и в таком «прикиде», как говорит нынешние сибирские парни, был запечатлен на причале этого порта. Другие добровольцы также украсили себя такими шлемами. И, наконец-то, достигли Лоренцо-Маркеша. В ожидании поезда до Претории Н.Н. Кусков сделал много снимков местных аборигенов и аборигенок. Экзотика неопишуемая. Красотки одеты только в набедренные повязки и браслеты. После неприятной таможенной процедуры наконец сели в поезд на Преторию. На границе с Трансваалем снова таможня, снова проверка (станция Коматиепорт). Приезд русских в Преторию ознаменовался бурной встречей, что видно по фотографии. Ходили среди местных слухи, что царь следом им в помощь отправил 10 тысяч казаков, но это были только беспочвенные мечты.

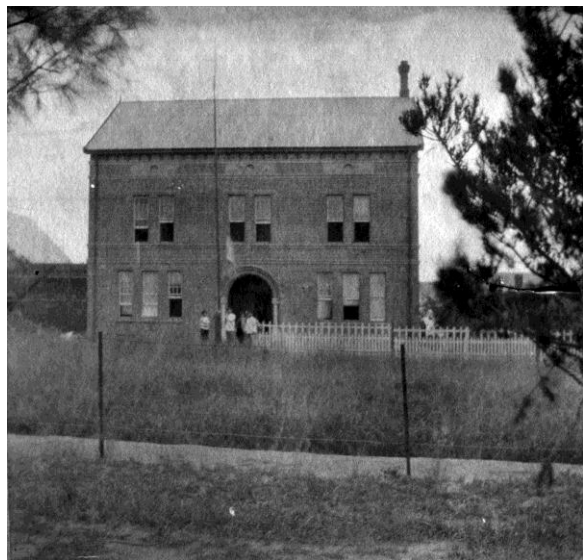
Отряд разместили в гостинице до решения вопросов о месте дислокации походного госпиталя. Хозяйка гостиницы и ее дочка с охотой позировали студенту-юристу. Доктор Н.И. Кусков снялся на галерее здания с хозяйкой и ее собачкой. На той же галерее сфотографировались граф Бобринский и студент Кусков, а также сестры милосердия. В ожидании аудиенции у президента республики Пауля Крюгера отряд провел в этой гостинице около 10 дней. За это время Н.Н. Кусков успел сфотографировать местные достопримечательности: гостиницу, здание парламента, дом генерала Жубера, здание школы, где держали пленных англичан и из которого 13 декабря 1899 г. юный У. Черчилль ушел, чтобы больше не возвращаться.

Заснял Н.Н. Кусков также кафедральный собор, дом президента Крюгера, здание суда, которое по монументальности, красоте и размерам превосходило даже здание Парламента Трансвааля [5]. Президент Пауль Крюгер принял доктора Кускова и его отряд только 15 января 1900 г. [4]. В ходе приема Н.Н. Кусков умудрился сфотографировать президента и его супругу. Организацией санитарной помощи раненым и больным ведала медицинская комиссия, назначенная правительством. Во главе ее был статс-прокурор Якобс. Этой комиссии подчинялась вся медицина, как бурская, так и добровольческая. Местные врачи порой не имели специального образования. Все вольнопрактикующие врачи были в основном в госпиталях, а в войсках на передовой врачей не хватало. Отряды добровольцев, приехавшие из Европы, организовали походные лазареты (амбулансы).

Встреча отряда РОКК на вокзале в Претории

Русский отряд Кускова (второй русско-голландский прибыл только в начале февраля) был «нарасхват» [2]. Его желали заполучить главные бурские военачальники Кронье и Жубер. Переговоры о месте дислокации русского отряда и его задачах затянулись до конца января 1900 г.

Госпиталь русского отряда Красного креста в Ньюкастле

Добровольцы «загорали» в упомянутой выше гостинице. Все расходы по их проживанию взяло на себя правительство Трансвааля. Доктор Кусков выбрал местом дислокации основной части своего отряда г. Ньюкастль, который был расположен на занятый бурами английской территории.

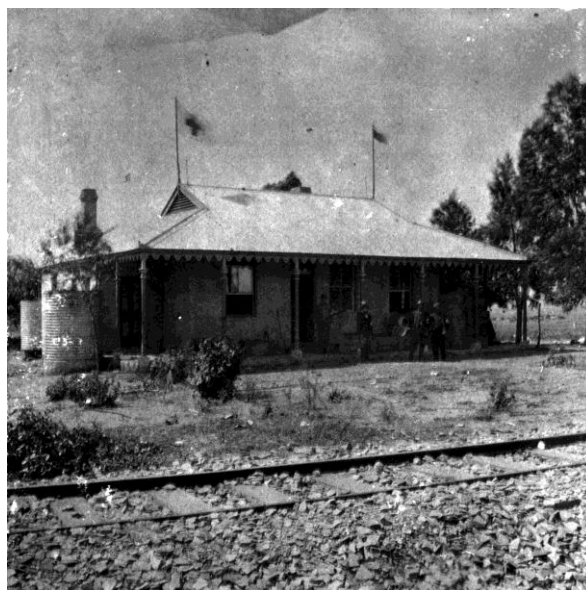
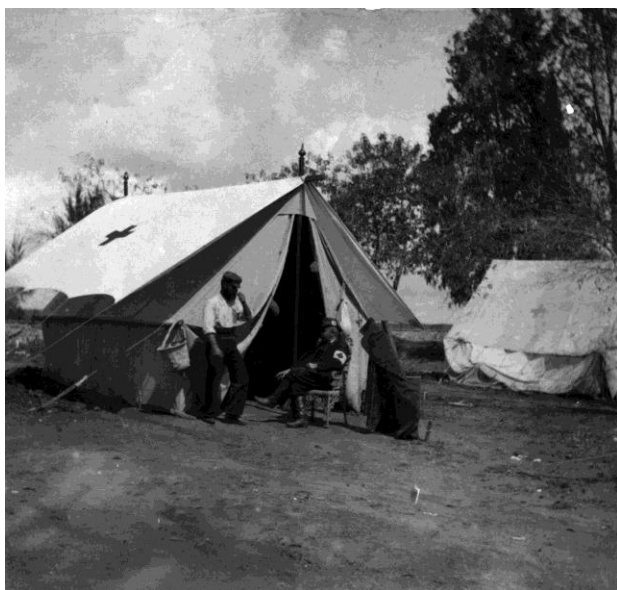

Доктор Кусков в своем кабинете в госпитале Ньюкастля

Это было сделано им вопреки мнению правительственной комиссии, желавшей размещения отряда в центральном правительственном госпитале в г. Фольксрусте, находящемся в тылу, на границе Наталя и Трансвааля. Дело в том, что раненые и больные буры не желали лечиться на вражеской территории. Только 8 февраля отряд доктора Кускова прибыл в Ньюкастль, где открыл госпиталь на 80 коек. Для этого использовалось помещение бывшего монастыря.

В этой части отряда состояли помимо самого Кускова четыре врача, четыре фельдшера, семь сестер и десять санитаров. Вторая группа в составе одного врача, двух сестер и двух санитаров была размещена в Фольксрусте, в здании гостиницы. Остальной персонал этого госпиталя состоял из местных медиков и гражданских лиц. Третья группа расположилась в Гленко, расположенном ближе к передовой. Эта группа состояла из одного врача, одного фельдшера, двух санитаров. Там был развернут приемный покой и амбуланжи. Позже это назвали военно-полевыми госпиталями. Сюда поступали раненные с фронта, оперировались или отправлялись в Ньюкастл.

Срок командировки отряда изначально планировался как трехмесячный. Много времени ушло на переговоры и организационные вопросы. В начале войны, благодаря бурской тактике, раненых было мало. Основной госпиталь в Ньюкастле поначалу пустовал. Это потом и вызвало критику доктора Кускова в медицинских кругах как бюрократа и формалиста. Затем начался неудачный для буров период войны. Пришлось произвести рокировку лечебных учреждений и специалистов русского врачебно-санитарного отряда. Число больных и раненых увеличилось. Госпиталь в Ньюкастле уже не пустовал. В конце марта 1900 г. срок командировки отряда доктора Кускова истекал.

Амбуланжи отряда РОКК в прифронтовой полосе и в Гленко

Российский военный агент полковник Румейко-Гурко написал донесение в Петербург о целесообразности возвращения отряда на Родину. Николай II на сопроводительной записке начертал: «Я не допускаю и мысли, чтобы наш санитарный отряд покинул Трансвааль, пока война еще не окончена. Напишите в этом смысле председателю Общества Красного Креста. Николай» [4]. Срок пребывания отряда был продлен до окончания военных действий. Однако военное счастье оказалось не на стороне буров. Англичане смогли создать мощную военную группировку и начали теснить буров по всему фронту. Буры уже не могли держать сплошной фронт и постепенно перешли к тактике партизанской войны. В таких условиях иметь стационарные госпитали стало невозможно. 27 июля 1900 г. из Петербурга от Председателя РОКК пришла телеграмма, отзывающая отряд в Россию, и первого августа отряд покинул Трансвааль. Проводы его вылились в теплую и грустную картину. Отряд за шесть с половиной месяцев оказал амбулаторную помощь 5 716, стационарную – 1 090 больным и раненым [4].

Обратно возвращались в Россию тем же путем. На место прибыли в последних числах сентября. Председатель Главного управления РОКК 25 сентября 1900 г. письмом за № 4396 доложил начальнику Главного штаба о том, что врачебно-санитарный отряд доктора Н.И. Кускова из Трансвааля возвратился. Все входившие в его состав военнослужащие (включая и штабс-капитана А.С. Потапова) откомандированы в свои воинские части.

По представлению доктора Н.И. Кускова восемь сотрудников его отряда были отмечены Золотой Анненской медалью. Одна сестра милосердия была награждена Серебряной Анненской медалью. Доктор К.А. Людвиц награжден орденом Анны 2-й степени. Доктор О.М. Гольбек – орденом Станислава 3-й степени.

Сам доктор Н.И. Кусков никакими наградами отмечен не был. Он получил повышение по службе, стал директором Мариинской больницы. Надо отметить, что некоторые сотрудники доктора Кускова написали воспоминания о поездке в Трансвааль. Это доктора С.Я. Чистович [6], А.К. Эбергардт [7], А.И. Садовский [8], медсестра О.А. Баумгартен [9].

Доктором Н.И. Кусковым был написан официальный отчет о командировке под названием «Отряд Российского общества Красного Креста в Южно-Африканской республике Трансвааль. Отчет уполномоченного общества Н.И. Кускова». Он имеется в Российском Государственном военно-историческом архиве [4]. Многие материалы по отряду Кускова хранятся там же.

Упомянутый выше военный агент полковник Ромейко-Гурко написал огромный документ под названием «Война Англии с южно-африканскими республиками 1899–1901 гг. Отчет командированного к

войскам южно-африканских республик Генерального штаба полковника Ромейко-Гурко» СПб 1901 г. (более 300 страниц).

Кто на самом деле руководил отрядом РОКК? С.В. Малышев заподозрил, что административный секретарь в отряде доктора Н.И. Кускова, отставной штабс-капитан Потапов Алексей Степанович являлся разведчиком, и не ошибся. 10 мая 1885 г. по указу императора Николая II было создано Осведомительное агентство (ОСВАГ) с подчинением непосредственно императору «для выполнения разведки и борьбы за российские интересы за рубежом». Директором этой «конторы» был назначен старший сын героя Русско-турецкой войны фельдмаршала Иосифа Владимировича Ромейко-Гурко Владимир Ромейко-Гурко. Официальным военным агентом при войсках южно-африканских республик состоял младший сын фельдмаршала подполковник Василий Ромейко-Гурко.

«Добровольцем» воевал в армии Трансвааля и подполковник «в отставке» Евгений Яковлевич Максимов. На самом деле он являлся штатным начальником контрразведывательного отдела Оперативного управления упомянутого выше Осведомительного агентства. И Василий Ромейко-Гурко, и штабс-капитан Алексей Потапов незадолго до начала событий в Южной Африке закончили Академию Генерального штаба. Потапов для маскировки был зачислен в списки лейб-гвардии Волынского полка.

Перед включением в отряд Российского Красного Креста от Потапова потребовали фиктивный рапорт «об увольнении в отставку», как и прочих действующих офицеров императорской армии. После чего скромный «административный секретарь» убыл с гуманитарной миссией в Трансвааль. Ромейко-Гурко, Максимов, Потапов, фон Зиген Корн распоряжением Николая II были обязаны подавать свои отчеты о проделанной работе, минуя своих непосредственных начальников, прямо государю императору. Первый из них был легальным военным агентом, остальные нелегальными. То есть отряд РОКК являлся «крышей» для одного из офицеров российской военной разведки.

Один из принципов военного строительства, существовавший как в Советской армии, так и в императорской: не допускается передавать в подчинение гражданским лицам военнослужащих. Это было определено еще Петром I.

Изначально при подготовке санитарного отряда стоял вопрос о назначении начальником данного формирования Красного Креста офицера. Однако дипломаты подсказали, что это будет нарушать нормы международного права. Тогда уполномоченным Красного Креста – начальником отряда и был назначен действительный статский советник

Н.И. Кусков. С учетом всего сказанного выше, вопрос: «Кто фактически был начальником врачебно-санитарного отряда РОКК?» для С.В. Малышева, как военного юриста, однозначен. Однако в истории военно-полевой хирургии доктор медицины Н.И. Кусков навсегда останется главой этого отряда.

История знакомства Н.И. Кускова с Анной Тумановой.

В морском училище, двумя курсами младше Алексея Кускова, учился юнкер флота князь Язон Константинович Туманов. Он был досрочно выпущен из училища в январе 1904 г. и без экзаменов произведен в мичманы, как и все его однокурсники, в связи с началом Русско-японской войны. В Цусимском сражении Туманов был тяжело ранен, но продолжал службу в составе флота. В гражданскую войну у белых командовал Каспийской флотилией, затем соединением кораблей на Черном море, далее служил начальником Особого отдела контрразведки флота в Крыму. После сдачи Крыма Туманов ушел в Бизерту. Далее он с товарищами оказался в Парагвае (флаг Парагвая очень похож на Российский, тоже бело-сине-красный, только с гербом в центре), который уже 30 лет вел вялотекущую войну с Боливией. Солдаты ходили босиком, дисциплина была на крайне низком уровне, о тактике и стратегии вообще не было представления. Воевали долго и безрезультатно. Русские офицеры, прошедшие первую мировую и гражданскую войны, возглавили армию Парагвая. Обучили войска, привили в них дисциплину. В стране по их настоянию была объявлена мобилизация, и численность вооруженных сил увеличилась в 20 раз – с 3 до 60 тыс. человек.

Генеральный штаб возглавил генерал Иван Тимофеевич Беляев. Вместе с ним в боях за свободу Парагвая участвовали и другие русские, в том числе генерал-лейтенант князь Туманов. Среди них трое были начальниками штабов армий, один командовал дивизией, двенадцать – полками, а остальные – батальонами, ротами, батареями. Всего в парагвайской армии служило 80 русских офицеров. Только участие русских офицеров смогло превратить десятки тысяч мобилизованных неграмотных крестьян в настоящую армию, способную защитить свою страну. Парагвайцы не остались неблагодарными – со времен Чакской войны и до сих пор русская община занимает важное место в жизни страны, в честь отличившихся русских офицеров названы многие улицы Аунсьона и даже населенные пункты.

Князь Туманов скончался в 1955 году в Асунсьоне [10]. В Судаке была дача князей Тумановых. Юнкера А.Н. Кусков и Язон Туманов были хорошо знакомы. Не через сына ли старый доктор нашел молодую красавицу-княжну? И не эти ли люди помогли А. Кускову уйти в мир иной?

Кусковы и Савинков. На эту тему С.В. Малышев пишет следующее. Борис Викторович Савинков родился в Харькове в январе 1879 г. в семье товарища военного прокурора Виктора Савинкова, подполковника, уволенного с военной службы за свободомыслие.

Летом 1897 г. Борис Савинков поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета. Тем же летом на тот же факультет поступил сын доктора Кускова – Николай Николаевич Кусков. Следовательно, Борис Савинков и Николай Кусков были знакомы.

Видимо, уже тогда между Савинковым и детьми Н.И. Кускова установилась связь, что и привело к женитьбе Юрия Борисова на Татьяне Борисовне Савинковой. В 1899 году студентов Б.В. Савинкова и Н.Н. Кускова отчислили с факультета. Из автобиографии Савинкова известно, что он отчислен за участие «в беспорядках», т. е. за политику. Кроме Бориса Савинкова однокурсником Н.Н. Кускова был Иван Каляев. Оба были исключены с юридического факультета 4 апреля 1905 г. Каляев бомбой взорвал московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Организовал это убийство Б.В. Савинков. 2 апреля 1902 г. студент Степан Балмашов, однокурсник Н.Н. Кускова, переодевшись в форму флигель-адъютанта, проник в Мариинский дворец – в Санкт-Петербургскую резиденцию министра внутренних дел Дмитрия Сипягина и застрелил последнего несколькими выстрелами из револьвера. Следующего министра внутренних дел Плеве убил также исключенный из Санкт-Петербургского университета Игорь Созонов, однокурсник Кускова. В ходе обструкции учебного процесса из Московского университета был исключен юрист-студент Лев Каменев (Розенфельдт), а из Казанского университета – студент-юрист Алексей Рыков. Они пошли в эсэры, а стали лидерами в РСДРП (б).

Исключенные из университета в 1899 году имели право с учетом «вины» каждого восстанавливаться только через установленное ректором количество лет. Вот почему, оказывается, Николай Кусков был «вечным» студентом.

Кусков Владимир Иванович. В работе [1] отмечалось, что после революции его судьба неизвестна. Однако в источнике [10], с. 665 написано: «Кусков Владимир Иванович, р. в Енисейской губернии. Капитан Бакинской инженерной дистанции. Полковник. В Вооруженных силах Юга России. Взят в плен. В начале 1922 г. на особом учете в Горском ОВК». Тогда ему было 69 лет. Если Владимир Иванович не умер своей смертью вскоре после «постановки на особый учет», то не позднее 1932 г. он мог быть ликвидирован НКВД.

Интересно, что в роду Кусковых не было «серых» личностей. На эту тему мой дед, Сергей Константинович Кусков написал моей бабушке в

последнем письме из лагеря: «Что у Маруси сын талантливый, не удивительно: наши дети. Не наши только дети, а многих поколений. Евгеника учит, что признаки чередуются в нисходящих поколениях по известным законам, т. е. белые и черные кружки (признаки) могут выпадать то одному, то другому. Ему, очевидно, попал счастливый кружок».

Николаю Ивановичу Кускову, его детям, внукам и правнукам тоже «попали счастливые кружки». Так заканчивается история рода Кусковых, которая переходит в род Орловских.

Литература

1. Орловский С.Н. История переселения в Енисейской губернии // Вестн. КрасГАУ. – 2013. – № 10. – С. 287–293.
2. Изъединова С. Несколько месяцев у буров (воспоминания сестры милосердия). – М.: Рипол, 1992. – С. 305–349.
3. АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Ст. 1–5. Оп. 959, д.б.л. 73.73 об.
4. Кусков Н.И. Отрядъ Россійскаго общества Краснаго Креста въ Южно-Африканской республике Трансвааль въ 1900 г. Отчётъ Уполномоченнаго Общества Н.И. Кускова. – СПб., 1901. – 63 с.
5. Краеведческий музей г. Боровичи (Наб. Октябрьской революции, дом 17). Семейный альбом Николая Ивановича Кускова.
6. Чистович С.Я. Медицинская помощь в Трансваале. – СПб., 1901. – 276 с.
7. Эбергарт А.К. О командировке на театр военных действий в Трансваале // Военно-медицинский журнал. – 1902. – № 11. – С. 78–99.
8. Садовский А.И. Воспоминания о Трансваале и путевые впечатления // Военно-медицинский журнал. – 1902. – № 5. – С. 37–58.
9. Баумгартен О.А. Воспоминания о Трансваале сестры милосердия общины св. Георгия. 1899–1900 гг. – СПб., 1901. – 145 с.
10. Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. Т. 1. – М.: ФИВ, 2012. – 976 с.

УДК 94(571.51)

Ю.В. Карюкина

**МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПОДДЕРЖКЕ СЕМЕЙ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ, 1941–1945 гг.**

Y.V. Karyukina

**MILITARY FAMILIES SUPPORT MEASURES
IN KRASNOYARSK REGION, 1941–1945**

В статье рассматриваются проблемы организации материальной поддержки семей военнослужащих в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны. Целью исследования является изучение социальной политики государства в отношении семей военнослужащих в Красноярском крае в 1941–1945 гг. Основная задача – получение комплексного представления о государственных мероприятиях, направленных на поддержку членов семей военнослужащих, призванных по мобилизации, и оценка степени их эффективности. Основным методом исследования является принцип историзма. Рассматриваются принимаемые в хронологическом порядке законодательные акты и практическая реализация их на примере Красноярского края. Рассмотрен порядок назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих, другие социально-экономические мероприятия по материальному обеспечению семей военнослужащих, показана работа органов советской власти, местных парторганизаций и отдела социального обеспечения по оказанию помощи семьям военнослужащих. Так, например, представителями крайкома ВКП(б), исполкома Краевого совета депутатов трудящихся, Краевого отдела социального обеспечения и активом жен военнослужащих было проведено 33 125 обследований семей мобилизованных на дому. В результате было выявлено 1 307 семей крайне нуждающихся, которым была оказана единовременная денежная помощь на сумму 70 222 рубля, отремонтировано квартир 675 и т. п., кроме того, установлено, что общая сумма выданных пособий семьям военнослужащих по Красноярскому краю на 1 января 1942 года составила 32 415 000 рублей. Однако реализация мер по социальной поддержке населения сопровождалась такими трудностями, как задержка выдачи пособий, недочеты и ошибки со стороны сотрудников отделов социальной защиты на местах. Вывод: с одной стороны, стоит отметить положительный момент в стремлении государства поддержать семьи красноармейцев в непростое военное время, с другой стороны, в силу сложившихся обстоятельств, реализация на практике мер социальной поддержки не всегда являлась качественной и своевременной.

Ключевые слова: инвалиды Великой Отечественной войны, Красноярск, материальная поддержка военнослужащих.

The article considers the problems of organization of military families' material support in Krasnoyarsk region during the great Patriotic war. The purpose of the study is to examine the social policy of the state towards military families in Krasnoyarsk region in 1941–1945. The main objective is to obtain a comprehensive view on the state measures aimed at supporting family members of military men, designed to mobilize and assess their effectiveness. The Main research method is the principle of historicism. In chronological order the legislation and its practical implementation are considered on the example of Krasnoyarsk region. The order of assignment and payment of allowances to families of military men, other socio-economic measures of material support of military families, the work of the organs of Soviet power, the local party organizations and the Department of social welfare to assist the families of military personnel are shown. For example, representatives of the regional Committee of the CPSU (b), the Executive Committee of Regional Council of people's deputies, the regional Department of social welfare and asset wives was 33 conducted 125 surveys at home families mobilized. The survey revealed 1 307 families in need, who were granted one-time cash assistance amounting to 70 222 rubles, renovated apartments to 675, etc. in addition, it was found out that the total amount of issued allowances to families of servicemen in Krasnoyarsk region on 1 January 1942 was 32 415 000 rubles. However, the implementation of measures for social support of population was accompanied by such problems as delay in giving benefits, shortcomings and mistakes on the part of employees of departments of social protection on the territory. Conclusion: on the one hand it should be noted the positive moment in the state's desire to support the families of red army soldiers in a difficult war time. On the other hand, in the given circumstances, the implementation of measures of social support in practice were not always of high-quality and timely.

Keywords: *invalids of the Great Patriotic war, Krasnoyarsk, material support for military families The main objective - receiving complex idea of the governmental activities directed on support of members of families of the military personnel called on mobilization and an assessment of degree of their efficiency.*

Введение. В 1941–1945 годах особое место в социальной политике страны занимали проблемы участников войны и членов их семей, которые составляли весьма значительную часть советского общества. Советский Союз, несмотря на финансовые и экономические трудности, взял на себя значительные расходы по содержанию миллионов людей.

Цель исследования: изучение социальной политики государства в отношении семей военнослужащих в Красноярском крае в 1941–1945 гг.

Основные задачи: представить комплекс государственных мероприятий, направленных на поддержку членов семей призванных по мобилизации, и дать оценку их эффективности.

26 июня 1941 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время [1, с. 318–320].

В Указе прописывалось, что пособие назначается по месту жительства семьи фронтовика. В городе сумма составляла от 100 до 250 рублей, в зависимости от числа нетрудоспособных в семье, и 50 % этой суммы – в сельской местности. Нетрудоспособными считались состоящие на иждивении дети моложе 16 лет; братья и сестры моложе 16 лет, если они не имели трудоспособных родителей; отец старше 60 лет, мать и жена старше 55 лет; жена и родители – инвалиды I и II групп независимо от возраста. Если в составе семьи происходили изменения, то размеры пособия увеличивались или уменьшались в зависимости от числа нетрудоспособных и трудоспособных родственников [1, с. 318–320].

До января 1943 года назначения и выплаты пособий и пенсий семьям воинов рядового и младшего начальствующего состава Красной армии и Военно-морского флота производились органами социального обеспечения. В январе 1943 года в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) «О мерах улучшения работы советских органов и местных парторганизаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» были созданы специальные органы – отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих с целью усиления заботы о семьях военнослужащих, защиты их прав и интересов [1, с. 146].

Только начиная с января 1943 года через эти отделы семьям военнослужащих, проживающих на территории РСФСР, было выплачено пособий и пенсий на сумму 25 112 млн рублей [1, с. 146].

С выходом данного постановления на местах стали конкретнее заниматься вопросами материального обеспечения и бытового устройства родственников участников войны. За счет местных ресурсов изыскивали новые возможности для усиления снабжения их товарами повседневного спроса, топливом. Отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих помогали в решении житейских проблем, следили за правильностью назначения и выплаты пенсий и пособий. Так, в 1943 году в результате проверки, проведенной в стране этими отделами, было взято на учет 112 тыс. семей, которые по различным причинам не получали финансовую помощь из государственного

бюджета и выявлено 63 тыс. семей [2, с. 12], которым выплачивались заниженные пенсии и пособия.

Помимо пенсий и пособий семьи военнослужащих получали государственную поддержку в виде:

- единовременной денежной помощи;
- ссуды на приобретение скота;
- сверхпланового снабжения питанием;
- развития подсобного хозяйства;
- предоставления жилой площади и помощь по ремонту квартир;
- трудового устройства членов семей военнослужащих, помощи в приобретении производственной квалификации;
- поддержки детей военнослужащих: содействие при устройстве в детские сады и учебные заведения.

Созданная в СССР система социального обеспечения населения прежде всего включала в себя социально-экономические мероприятия по материальному обеспечению семей военнослужащих, как в центре, так и в регионах.

Например, при администрации Красноярского края действовал отдел социального обеспечения, который занимался вопросами обеспечения населения края льготами, субсидиями, пенсиями, стипендиями, выплатами единовременной помощи [1, с. 320–321].

Советское государство заботилось о том, чтобы дети семей воинов меньше чувствовали тяготы войны. Постановлением Совнаркома СССР от 2 июля 1941 года дети рядового и младшего начальствующего состава Красной армии и Военно-морского флота освобождались от оплаты за обучение в 8–10 классах средней школы, техникумах и вузах [2, с. 12]. Позднее, в 1944 году, от оплаты за обучение в вузе освобождались дети офицеров-инвалидов, офицеров, погибших при защите Родины, пропавших без вести, умерших от ранений и заболеваний, полученных на фронте.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года и постановлению крайкома ВКП (б) от 19 сентября 1941 года «О назначении и выплате пособий и оказании помощи семьям призванных в ряды Красной армии по мобилизации», на территории Красноярского края было объявлено о постановке на учет семей военнослужащих.

В результате проведенной разъяснительной работы в органы социального обеспечения с заявлениями на получение денежного пособия обратились 99 583 человека – члены семей, призванных по мобилизации. Большая часть граждан получила государственную поддержку государства, всего 99 518 человек; остальным – 9 065 гражданам было отказано, «как не имеющим права на получение пособия» [3].

Общая сумма выданных пособий семьям военнослужащих по Красноярскому краю на 1 января 1942 года составила 32 415 000 рублей [4].

Помимо денежных выплат нуждающимся семьям была оказана помощь в материальном и бытовом плане. Представителями крайкома ВКП (б), исполкома крайсовета депутатов трудящихся, Краевого отдела социального обеспечения и активом жен военнослужащих проведено 33 125 обследований на дому семей мобилизованных. В результате чего выявлено 1 307 семей крайне нуждающихся, которым оказана единовременная денежная помощь на сумму 70 222 рубля, отремонтировано 675 квартир, многие обеспечены топливом, продуктами питания и теплой одеждой [5].

Основные мероприятия, проводившиеся местными властями по оказанию помощи семьям красноармейцев, и их результаты освещались на страницах краевой газеты «Красноярский рабочий». Так, в одной из статей газеты «Помощь семьям призванных в ряды РККА» рассказывалось о содействии администрации семье красноармейца Дмитрова, находящегося в армии. «Квартира, где проживали родственники бойца, отремонтирована и отоплена, приобретено 100 килограмм картофеля. Двое детей устроены в детский сад. Жена устроена в институт» [6].

В статье «Забота о семьях красноармейцев» говорится, что «более 130 жен красноармейцев обучаются на различных курсах и успешно заменяют мужчин, ушедших на фронт. Кроме того, было отремонтировано 16 квартир, заготовлено 70 кубометров дров и планируется ремонт еще 16 квартир» [7].

К сожалению, нередко реализация мер по социальной поддержке населения сопровождалась такими трудностями, как задержка выдачи пособий, недочеты и ошибки со стороны сотрудников отделов социальной защиты на местах, что, в свою очередь, негативно сказывалось на населении. Например, в отдельных районах Красноярского края комиссиями по социальному обеспечению неправильно назначались пособия семьям красноармейцев, также были выявлены случаи, когда пособия получали лица, не имеющие на то права [5].

Одной из причин неудовлетворительной работы отделов социальной защиты являлась неаккуратность в ведении делопроизводства. Оформление документов по назначению пособий производилось в хаотичном состоянии, то есть документы оформлялись на клочках бумаги, часто не подписывались и не подшивались в дела. При проверке подобные нарушения были выявлены в Козульском, Тасеевском, Казачинском, Канском и других районах Красноярского края [5].

В общероссийском масштабе помимо нарушений установленных законоположений, несвоевременного разбора заявлений и недобросовестной работы служащих М.С. Зинич отмечает, что отрицательную роль сыграл и приказ Ставки Верховного главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 года, подписанный И.В. Сталиным. Приказ предписывал лишать льгот, предоставляемых семьям военнослужащих, родственников солдат, командиров, политработников, попавших в плен и считав-

шихся предателями Родины. О негативных последствиях этого документа М.С. Зинич говорит следующее: «Такой подход, когда еще ничего конкретно и точно не было известно о поведении этих людей в плену, ни в моральном, ни в юридическом смысле нельзя оправдать» [2, с. 10].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, с одной стороны, стоит отметить положительный момент в стремлении государства поддерживать семьи красноармейцев в непростое военное время. С другой стороны, в силу сложившихся обстоятельств, реализация на практике мер социальной поддержки не всегда являлась качественной и своевременной.

Литература

1. РСФСР – фронту. 1941–1945: документы и материалы / сост. *Н.П. Беликова*. – М., 1987.
2. *Зинич М.С.* Будни военного лихолетья, 1941–1945. – М., 1994. – 143 с.
3. ГАКК. Ф. 26. – Оп. 3. – Д. 284. – Л. 44.
4. ГАКК. Ф. 26. – Оп. 3. – Д. 284. – Л. 45.
5. ГАКК. Ф. 26. – Оп. 3. – Д. 284. – Л. 46.
6. *Осипов Е.* Помощь семьям призванных в ряды РККА // Красноярский рабочий. – 1941. – № 242. – С. 2.
7. *Иванов А.* Забота о семьях красноармейцев // Красноярский рабочий. – 1941. – № 251. – С. 2.

УДК 908.332.02

Р.В. Павлюкевич

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРАСНОЯРСКОГО СОВНАРХОЗА

R.V. Pavlukevich

HISTORIOGRAPHY PROBLEMS OF THE KRASNOYARSK ECONOMIC COUNCIL

В статье анализируется историография проблем создания и деятельности совета народного хозяйства Красноярского экономического района, действовавшего в 1957–1965 гг. Целью исследования является освещение основных этапов и тенденций в истории изучения реформы управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. Историографический анализ работ охватывает период с начала проведения реформы до наших дней. В основе работы лежит

принцип историзма и специальная историографическая методология. В историографии исследуемого вопроса в рамках всей страны можно условно выделить три этапа: 1957–1965, 1965–1987 гг. и современный – 1987–2013 гг. Первый из них совпал со временем проведения самой реформы. Второй этап охватывает период от ликвидации советов народного хозяйства (СНХ) до начала перестройки. Третий этап связан с деидеологизацией исторической науки и переосмыслением советского наследия. Анализ историографии реформы управления промышленностью и строительством свидетельствует, что изучение этой проблемы, как на общероссийском, так и на региональном уровне, находится на начальной стадии. Недостаточно исследована история создания Красноярского совнархоза, формирования структуры органов его управления, их работы по развитию основных отраслей промышленности и строительства. Требуется изучение деятельности совнархоза по решению социальных проблем Красноярского экономического района. Исследование этих проблем поможет лучше понять функционирование советской экономической системы на разных этапах развития страны и роль Красноярского края в решении проблем экономического и социального развития в общесоюзном разделении труда и международном экономическом сотрудничестве.

Ключевые слова: историография, Красноярский совнархоз, Красноярский экономический район, реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг.

The article examines the historiography of problems of creation and activity of the economic council of Krasnoyarsk economic region which was in force in 1957–1965. The main objective of the study is to highlight the main stages and trends in the history of the study of the industry management and construction reforms of 1957–1965. Historiographical analysis of work covers the period from the beginning of the reform to the present day. The basis is the principle of historicism and special historiographical methodology. In the historiography of the issue under study throughout the country can be divided into three stages: 1957–1965, 1965–1987 and 1987–2013. The first of these coincided with the timing of the reform itself. The second stage covers the period from the elimination of the economic councils (CHX) to the beginning of perestroika. The third stage involves the de-ideologization of history and re-interpretation of the Soviet legacy. Historiography analysis of industry and construction management reform suggests that the study of this issue, as on the national and at the regional level at an early stage. It is not enough studied history of the Krasnoyarsk Economic Council, forming the structure of its governing bodies, their work on the development of basic industries and construction. The activity by the decision of the Krasnoyarsk Economic Council Economic Area social problems requires studying. The

study of these problems will help to understand the functioning of the Soviet economic system at different stages of development of the country and the role of Krasnoyarsk region in solving the problems of economic and social development in the country's division of labor and international economic cooperation.

Keywords: *historiography, the Krasnoyarsk Economic Council, Krasnoyarsk Economic Area, reform of industry management and construction in 1957–1965.*

Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. оставила значительный след в истории Красноярского края, но количество трудов, посвященных реформе управления промышленностью и строительством, немногочисленно, региональный аспект проблемы, судя по имеющимся публикациям, недостаточно изучен.

В историографии исследуемого вопроса в рамках всей страны можно условно выделить три этапа: 1957–1965 гг., 1965–1987 гг. и современный – 1987–2013 гг. Первый из них совпал со временем проведения самой реформы. Второй этап охватывает период от ликвидации советов народного хозяйства (СНХ) до начала перестройки. Третий этап связан с деидеологизацией исторической науки и переосмыслением советского наследия.

На первом этапе большинство опубликованных работ носило преимущественно публицистический характер. В работах Н.Ф. Колбенкова, С.Р. Гершберга, И.А. Кулева, Н.Ю. Петрова подчеркивалась преемственность реформы 1957 г. с идеями В.И. Ленина, разъяснялась официальная позиция ЦК КПСС и Совета министров СССР и показывались положительные аспекты реализации самой реформы [1–4]. Но в них практически не рассматривалось проведение реформы в конкретных экономических районах.

Среди монографий данного периода выделяется экономическое исследование Е.М. Кудзи «Специализация и кооперирование в Восточно-Сибирском экономическом районе» [5], в котором автор проанализировал проблемы складывания хозяйственной специализации Восточной Сибири в условиях работы Иркутского, Читинского и Бурятского СНХ. В данной работе содержится богатый фактический материал по работе вышеуказанных совнархозов в первые годы проведения реформы. Но материалы по работе Красноярского СНХ Е.М. Кудзи практически не были использованы.

В работе Э.Ю. Локшина дана одна из первых попыток объяснить проведенное в 1963 г. укрупнение совнархозов [6]. В ней также не использовались материалы по работе совнархозов Сибири.

В 1966 г. была издана работа В.А. Цикулина по истории государственных учреждений СССР [7]. Особенностью работы было то, что она была подготовлена в период проведения реформы, а издана уже после ликвидации совнархозов. Автор сделал акцент на роли партийных организаций в проведении реформы управления промышленностью и строительством. Он с поправкой на уже происшедшие изменения особое внимание уделил рассмотрению негативных аспектов проведения реформы и сделал вывод о ее неэффективности.

Таким образом, на первом этапе исследования проблемы проведения реформы управления промышленностью и строительством не было проведено собственно исторических исследований и работа совнархозов, в том числе и красноярского, практически не исследовалась.

Второй этап историографии проблемы связан с отставкой Н.С. Хрущева, который официально был обвинен в субъективизме и волюнтаризме. Поэтому исследование реформы 1957 г., скорее всего, было признано нецелесообразным. Политика хрущевского периода, в том числе по выращиванию кукурузы, разделению партийных, советских и других органов, в последующие годы подвергалась критике. Проблема работы совнархозов не рассматривалась в качестве самостоятельной.

В изданной в 1969 г. под руководством академика А.П. Окладникова «Истории Сибири» [8] говорится о поступательном развитии в 1957–1965 гг. производительных сил Сибири и в том числе Красноярского края, но это развитие не увязывается с деятельностью совнархозов. Реформа управления промышленностью и строительством в ней квалифицируется как в целом ошибочная, несмотря на некоторые позитивные явления, приведшая к отходу от единой экономической и научно-технической политики в рамках страны в целом [8, с. 321].

Отсутствие научных исследований по истории региональных совнархозов, содержащих обоснованные выводы об их работе, привело к тому, что критическое отношение к совнархозам стало доминировать в исследованиях по истории управления экономикой и по истории развития народного хозяйства страны.

В семитомной «Истории социалистической экономики СССР» [9], изданной в 1980-е гг., также не были рассмотрены вопросы работы региональных совнархозов и был сделан акцент на ошибки и просчеты реформирования. Взгляды, изложенные в «Истории СССР», «Истории Коммунистической партии Советского Союза» и «Очерках истории Красноярской краевой партийной организации КПСС. 1895–1980» [10], в основном совпадают со взглядами предыдущей работы.

Многочисленные исследования по истории различных отраслей экономики как страны в целом, так и Сибири в частности в хрущевский период, как правило, сосредоточены на изучении роли КПСС в их развитии. В них на основе впервые введенных в научный оборот архивных материалов хорошо показано развитие конкретных отраслей промышленности. Однако работа совнархозов при этом, как правило, не рассматривалась. Это было характерно и для исследований историков Восточной Сибири.

В монографии И.И. Комогорцева [11] проанализировано развитие промышленности Сибири в период построения коммунизма, М.И. Капустин [12] провел исследование проблем развития черной металлургии Восточной Сибири, Г.М. Макиевский [13] выявил тенденции развития рабочего класса Сибирского региона. В его работе показаны проблемы функционирования отраслевой модели управления и складывания в Сибири некоторых предпосылок реформы 1957 г. Новосибирский историк И.М. Савицкий сделал анализ истории формирования промышленных кадров Сибири и на материалах Красноярского края показал развитие движения рационализаторов и изобретателей в рассматриваемый нами период [14].

Важное место в историографии проблемы данного периода занимают труды крупного исследователя проблем промышленности В.В. Алексеева. Под его руководством вышла коллективная монография об истории рабочего класса в Сибири [15]. В ней содержится анализ развития положения рабочего класса в изучаемый период, а также отмечается влияние на это преобразований Н.С. Хрущева.

Особый интерес представляет монография иркутского исследователя А.Е. Погребенко «Деятельность КПСС по развитию лесохимии РСФСР (1950–1975)», вышедшая в 1981 г. В ней автор проанализировал роль партийных организаций в становлении и развитии новой для страны отрасли экономики и рассмотрел ее развитие в Восточной Сибири. А.Е. Погребенко сделал вывод, что укрупнение совнархозов, проведенное в 1962 г., привело к усилению ведомственности и разбуханию управленческого аппарата, но управленческие реформы пятидесятых–шестидесятых годов лишь в незначительной степени повлияли на эффективность работы отрасли. Ее проблемы и недостатки существовали на всех этапах реформирования [16, с. 80–87].

В целом для второго этапа историографии исследуемого вопроса характерно то, что проблема СНХ не рассматривалась в качестве самостоятельной. В исследованиях экономического и исторического характера, посвященных развитию различных отраслей народного хозяйства, можно встретить те или иные оценки реформы 1957 г., однако сами исследования реализации реформы не на союзном, не на региональном уровне не проводились.

Качественно новый этап в изучении проблемы совнархозов начался с 1987 г., когда в условиях перестройки историческая наука получила возможность начать переосмысление устоявшихся взглядов и по-новому взглянуть на процессы советского периода. Но отсутствие исследований по проведению реформы управления промышленностью и строительством, как на союзном, так и региональном уровне, не позволило специалистам исторического профиля провести квалифицированный анализ реализации результатов и последствий реформы управления промышленностью и строительством.

В монографии Р.А. Белоусова «Исторический опыт планового управления экономикой», изданной в 1987 г., из 20 печатных листов содержательного текста менее двух страниц посвящено изложению этой реформы. Вместе с тем автор указывает на наличие позитивных для экономического развития моментов в ее проведении и в частности на создание объединений (фирм), но заявленный тезис Р.А. Белоусов не стал подтверждать фактическим материалом [17].

Тем не менее, среди специалистов разных отраслей знаний в начале девяностых годов развернулась дискуссия по поводу хрущевских преобразований. Часть специалистов из-за отсутствия исследований по проблеме проведения реформы и работы советов народного хозяйства сосредоточили критический потенциал на политических аспектах советской истории. Реформа 1957 г. в их работах, как правило, не рассматривалась отдельно от деятельности Н.С. Хрущева по другим направлениям внутренней и внешней политики. Некоторые исследователи в силу малоизученности проблемы давали оценку прошедшим в хрущевский период преобразованиям, не вникая в деятельность самих совнархозов.

Один из либеральных реформаторов – Е.Т. Гайдар [18] в конце восьмидесятых годов указывал, что, несмотря на ошибочность выбранных советским руководством путей развития, частичная децентрализация управления и расширение хозяйственной самостоятельности регионов несли в себе определенный положительный потенциал развития. Подобные взгляды мы находим в работах Л.А. Опенкина [19] и В.И. Глотова.

Исследователи Ю.В. Аксютин и О.В. Волобуев в отличие от вышеназванных авторов пришли к выводу, что реформа управления промышленностью и строительством представляет собой реальную попытку преобразования советской экономической системы, а ее неудача была обусловлена неготовностью господствующей номенклатуры к радикальным изменениям [20].

Таким образом, несмотря на появление разных точек зрения на реформу управления промышленностью и строительством, они были выполнены без глубокого анализа непосредственной деятельности совнархозов, как и в стране в целом, так и в Сибири и конкретно Красноярском экономическом районе, поэтому они представляют собой более теорети-

ческий интерес, так как имеют оценочный характер, неподкрепленный исследованием конкретно-исторических процессов.

В девяностые и последующие годы в Сибири вышло немало исторических работ, в которых были представлены исследования по различным направлениям деятельности по развитию производительных сил и решению социальных проблем Сибирского региона в рассматриваемый нами период.

В монографии Е.Т. Артемова «Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири. 1944–1980 гг.» [21] исследуются проблемы складывания сети научных учреждений Сибири, дается анализ направлений развития различных региональных центров Академии наук и их взаимодействия с промышленностью. Но роль совнархозов в этих процессах не рассматривается. В последующей монографии «Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации» Е.Т. Артемов приходит к выводу, что в ходе реформы 1957–1965 гг. началось разрушение единой научной политики страны [22].

А.Г. Осипов, который исследовал развитие научно-технической революции в Сибири, показал некоторые направления деятельности сибирских совнархозов, но он считал их создание и деятельность ошибочными и указывал на то, что реформа привела к разрушению единой научно-технической политики страны, росту бюрократии и усилению местных тенденций [23]. Его рассуждения в значительной степени основаны на архивных материалах партийных органов Сибири, но автор абсолютно не использовал материалы фондов Красноярского и других совнархозов Сибири. В силу этого выводы А.Г. Осипова нельзя признать достаточно обоснованными, особенно по ряду проблемных вопросов работы совнархозов.

Историк А.Б. Коновалов, посвятивший исследование роли партийной номенклатуры в системе региональной власти в Сибири, пришел к выводу, что расхождение интересов центральных и региональных органов власти и управления приводило к диктату центра по отношению к регионам и ограничивало возможности регионального руководства в использовании всех возможностей в решении экономических и социальных проблем [24].

Развитие природопользования в рассматриваемый период и их соотношение с системой управления отражены в исследовании красноярского историка С.Т. Гайдина [25].

Исследователь А.А. Долголюк провел анализ кадрового обеспечения строительной индустрии Сибири на протяжении 1946–1970 гг., также было рассмотрено развитие самой индустрии. Автор отмечает, что новая система управления дала толчок для развития отрасли, но привела к нарушению единой политики и распылению средств, но практически не подтверждает данные тезисы фактическими материалами [26].

Следует отметить, что в начале девяностых годов, на третьем этапе историографии появились первые исследования непосредственно по истории проведения реформы управления промышленностью и строительством и работы совнархозов. В 1992 г. была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук А.И. Крецан, посвященная деятельности советов народного хозяйства Сибири [27]. Однако его работа написана на материалах преимущественно Западной Сибири. В ней анализируется история создания Кемеровского, Новосибирского совнархозов, дается анализ их структуры, влияния на развитие региона. Автор разделил реформу на два этапа: первый, когда реформа, по его мнению, давала определенный эффект, и второй, когда стали преобладать ее негативные последствия. Но данное деление, по нашему мнению, нельзя считать полностью обоснованным.

В.В. Ковалев, который рассматривал проведение реформы на материалах Ставропольского и Краснодарского краев 1953–1970 гг., дал ее результатам в целом негативную оценку. Он рассматривал ее как несостоятельную и считал, что реформа управления промышленностью и строительством подтолкнула страну к последующей реформе управления, которая связана с именем А.Н. Косыгина [28].

Одним из первых исследователей реформы управления промышленностью и строительством в Восточной Сибири стал В.И. Мерцалов. В своей работе, подготовленной по материалам Восточной Сибири, и в последующих публикациях он проанализировал предпосылки проведения реформы, процесс создания восточно-сибирских совнархозов, деятельность их центрального аппарата. В ней показано нарастание проблем в функционировании новой системы управления, обусловивших ее ликвидацию. Этот труд можно, с полным основанием, назвать одним из самых обстоятельных исследований проблемы реформы СНХ, по сути, завершивших второй этап изучения непосредственно самой реформы [29]. В 2015 г. В.И. Мерцаловым была издана монография «Происхождение и эволюция реформы управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг.». В монографии дается комплексный глубокий анализ истоков реформирования и причины ее дальнейших метаморфоз [30].

Также следует упомянуть группу сургутских исследователей проблем реформы 1957 г. и деятельности совнархозов. В 2012 г. В.Л. Некрасовым, О.Н. Стафеевым и Е.А. Хромовым было издана монография «Нефтегазовый комплекс СССР (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): экономические и институциональные аспекты развития», в которой анализируется влияние реформы управления промышленностью и строительством на развитие топливно-энергетической отрасли Советского Союза [31].

В западной историографии советской истории преобладает тезис об ошибочности советской социалистической системы, тем не менее, в работах разных авторов даются различные оценки причинам и итогам реформы управления промышленностью и строительством. Эти идеи были

отражены в вышедшей в конце 80-х гг. монографии под редакцией М. Макколи [32] «Хрущев и хрущевизм». Французский исследователь Н. Верт, как и некоторые советские и российские историки, считал, что реформа управления промышленностью и строительством была проявлением волюнтаризма Н.С. Хрущева [33]. Историки-эмигранты М. Геллер и А. Некрич также считали, что реформа не могла быть успешной из-за ошибочности направлений развития, реализуемых в Советском Союзе [34]. Историк Дж. Хоскинг объяснял реформу наличием у Советского Союза комплекса неполноценности по отношению к США, который выражался в лозунге «догнать и перегнать Америку» [35]. Итальянский исследователь Дж. Боффа рассматривал реформу управления промышленностью и строительством как попытку советского руководства дать новый импульс экономическому развитию страны и решению социальных проблем на основе децентрализации управления экономикой и повышения роли регионов. Он считал, что разделение партийных и советских органов во время проведения реформы могло со временем создать условия для формирования в стране двухпартийной политической системы [36].

М. Малиа в целом положительно оценивал работу совнархозов, которую квалифицировал как переход к «неонэпу» [37]. Он считал, что единственная причина, по которой совнархозы были ликвидированы, заключалась в том, что они противоречили принципам работы советской экономической системы.

Анализ историографии реформы управления промышленностью и строительством свидетельствует, что изучение этой проблемы как на общероссийском, так и на региональном уровне находится на начальной стадии. Недостаточно исследована история создания Красноярского совнархоза, формирования структуры органов его управления, их работы по развитию основных отраслей промышленности и строительства. Требуется изучение деятельности совнархоза по решению социальных проблем Красноярского экономического района. Исследование этих проблем поможет лучше понять функционирование советской экономической системы на разных этапах развития страны и роль Красноярского края в решении проблем экономического и социального развития в общесоюзном разделении труда и международном экономическом сотрудничестве.

Литература

1. *Колбенков Н.Ф.* Совершенствование руководства промышленностью в СССР (1956–1960 гг.) – М.: Соцэкгиз, 1961. – 256 с.
2. *Гершберг С.Р.* Демократический централизм в хозяйственном строительстве. – М.: Госполитиздат, 1957. – 111 с.
3. *Кулев И.А.* О дальнейшем совершенствовании планирования и руководства народным хозяйством. – М.: Знание, 1957. – 38 с.

4. *Петров Н.Ю.* Советы народного хозяйства. – М.: Гос. изд-во юр. лит., 1958. – 87 с.
5. *Кудзи Е.М.* Специализация и кооперирование в Восточно-Сибирском экономическом районе. – Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1963. – 96 с.
6. *Локишин Э.Ю.* Промышленность СССР 1940–1963. – М.: Мысль, 1964. – 383 с.
7. *Цикулин В.А.* История государственных учреждений в СССР. 1936–1965 гг. – М.: Изд. Москов. гос. историко-архивного ин-та, 1966. – 357 с.
8. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 5. – Л., 1969.
9. История социалистической экономики СССР. Т. 6. – М., 1980.
10. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 11. – М., 1980; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5., кн. 2. – М., 1980; Очерки истории Красноярской краевой партийной организации КПСС (1895–1980 гг.). – Красноярск, 1982.
11. *Колмогорцев И.И.* Промышленность и рабочий класс Сибири в период строительства коммунизма. – Новосибирск: Наука, 1971. – 309 с.
12. *Капустин М.И.* Деятельность КПСС по созданию третьей металлургической базы страны. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. – 639 с.
13. *Макиевский Г.М.* Рабочие Восточной Сибири на пути к развитому социализму. 1945–1960 гг. – Красноярск: Кн. изд-во, 1980. – 206 с.
14. *Савицкий И.М.* Промышленные кадры послевоенной Сибири. 1946–1960 гг. – Новосибирск: Наука, 1984. – 240 с.
15. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма, 1938–1958 гг. – Новосибирск: Наука, 1984. – 274 с.
16. *Погребенко А.Е.* Деятельность КПСС по развитию лесохимии РСФСР (1950–1975). – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. – 271 с.
17. *Белоусов Р.А.* Исторический опыт планового управления экономикой. – М.: Мысль, 1987. – 428 с.
18. *Гайдар Е.Т.* Экономические реформы и иерархические структуры. – М.: Наука, 1989. – 216 с.
19. *Опенкин Л.А.* Оттепель: как это было (1953–1955 гг.). – М.: Знание, 1991. – 63 с.
20. *Аксютин Ю.В., Волобуев О.В.* XX съезд: новации и догмы. – М.: Политиздат, 1991. – 222 с.
21. *Артемов Е.Т.* Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири. 1944–1980 гг. – Новосибирск: Наука, 1990. – 189 с.
22. *Артемов Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. – М.: Роспэн, 2006. – 226 с.
23. *Осинов А.Г.* Сибирь и НТР: исторический аспект. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1989. – 212 с.

24. *Коновалов А.Б.* Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). – Кемерово: Кузбасвухиздат, 2006. – 635 с.
25. *Гайдин С.Т.* Развитие природопользования в Восточной Сибири (1946–1991 гг.). – Красноярск: Изд-во КрасГАУ, 2008. – 428 с.
26. *Долголюк А.А.* Сибирские строители в 1946–1970 гг. – Новосибирск: Парралель, 2013. – 476 с.
27. *Крецан А.И.* Деятельность советов народного хозяйства по управлению промышленностью 1957–1965 гг. (на материалах Сибири): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1992.
28. *Ковалев В.В.* Исторический опыт реформирования форм хозяйствования и методов управления социально-экономической сферой советского общества (1953–1970 гг.) (на материалах Ставропольского и Краснодарского краев): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 1997.
29. *Мерцалов В.И.* Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1964гг. (на материалах Восточной Сибири): дис. ... д-ра ист. наук. – Иркутск, 2001.
30. *Мерцалов В.И.* Происхождение и эволюция реформы управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. – Чита: Изд-во ЗабГАУ, 2015. – 256 с.
31. *Некрасов В.Л., Стафеев О.Н., Хромов Е.А.* Нефтегазовый комплекс СССР (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): экономические и институциональные аспекты развития. – Ханты-Мансийск, 2012. – 136 с.
32. Khrushchev and khrushchevis / Ed. By M. McCoauley. Houndmtlls [et al.]. – Bloomington, 1987.
33. *Верт Н.* История Советского государства. 1900–1991. – 2-е изд. – М.: Прогресс-Академия, 1995. – С. 544.
34. *Геллер М., Некрич А.* История России 1917–1995. Утопия у власти. Т. 2. – М.: Мик-АГАР, 1996. – 432 с.
35. *Хоскинг Дж.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 544 с.
36. *Бобфа Дж.* История Советского Союза: в 2 т. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг. – М., 1990.
37. *Малиа М.* Советская трагедия: История социализма в России 1917–1991. М.: Роспэн, 2002. – 337 с.

УДК 330.19

А.Г. Рогачев

**ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ
И ПРАВОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РУСИ (РОССИИ)
В XIV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI ВЕКА**

A.G. Rogachev

**FEATURES OF PUBLIC, SOCIAL AND LEGAL MODERNIZATION
OF RUSSIA (RUSSIA) IN XIV – THE FIRST
THIRD XVI CENTURIES**

Модернизация – это естественный процесс развития любого общества и государства. Цель данной публикации показать, как он исторически развивался в Руси (России) на протяжении почти двух с половиной веков. При ее подготовке применялись научные методы исследования: исторические и логические. Сравнительный анализ показывает то, что наша страна в рассматриваемый период (XIV – первая треть XVI века) развивалась как средневековое общество с приоритетом религиозных ценностей. Однако эти ценности помогли сохранению русской (российской) духовности и самобытности. Страна и общество встали на путь независимого развития, восприняв и продолжив многие позитивные традиции византийской культуры. Именно необходимость освобождения от власти Орды оказалась важнейшим побудительным мотивом, который формировал модернизационные объединительные процессы в Русском государстве. К концу XV – началу XVI века возникло единое русское государство с соответствующей политикой. Во главе страны стоял «Государь всея Руси». Стало важным закрепить достигнутое и в правовом порядке. Это сделал Иван III, утвердив новый судебник (1497 г.). Этот документ подтвердил более высокий уровень феодализации государственно-общественных отношений. Феодалы получили возможность совершать преступления: «добрые» (феодалы) люди (господа) могли «обликовать» противостоящего им человека. Феодалное право формируется как право-привилегия господствующего сословия. В целом система преступлений значительно усложнилась. В поле внимания феодалных правоохранителей попали более широкие социальные слои (например, холопы). Необходимо учитывать, что на Руси (в России) всегда огромную роль в правоохранительстве играла личность государя. В этом смысле Н.М. Карамзин не случайно подчеркнул позитивную в этом плане деятельность Василия III. В целом важно отметить, что страна в рассматриваемый период продолжала модернизироваться на самобытной основе. Она сохранила и усилила свою пра-

вославленную гражданскую направленность. В условиях централизации успешно преодолевались прежние удельные порядки.

Ключевые слова: модернизация, Византия, Россия, московские князья, Судебник 1497 г., централизованные государства, русская православная церковь.

Modernization is a natural process of development of any society and the state. This publication aims to show how it has historically developed in Russia (Russia) for nearly two and a half centuries. With its preparation scientific methods of research: historical and logical are applied. The comparative analysis shows that our country during the reporting period (XIV – the first third of XVI century) developed as a medieval society with the priority of religious values. However, these values have helped the preservation of Russian (Russian) spirituality and identity. The country and the society on the path of independent development, and continuing apprehended many positive traditions of Byzantine culture. It was the need of liberation from the power of the Horde that had an important incentive, which formed the modernization unification processes in the Russian state. By the end of the beginning of XV–XVI centuries there was a single Russian state with appropriate policies. At the head of the country was now the "Emperor of All Russia." It was important now to consolidate the achievements in the legal order. This made Ivan III adopt a new Code of Law (1497). This document confirmed the higher level feudalization public, i.e. public relations. The feudal lords were able to crime as "Good" (feudal) men (gentlemen) could "obliterate" a person opposing them. Feudal right formed as a right, i.e. a privilege of the ruling class. Overall crime system is much more complex. In the attention of the feudal law enforcement officers hit the broader social layers (such as slaves). It should be borne in mind that in Russian law system a huge role was always played by the sovereign's personality of. In this respect, N.M. Karamzin emphasized the positive in activities of Vasily III. In general, it is important to note that the country in the period under review continued to be modernized in the original basis. It has preserved and strengthened Orthodox civic orientation. The centralization of the conditions successfully overcame previous specific orders.

Keywords: modernization, Byzantium, Russia, the princes of Moscow, the law code of 1497, centralized state, the Russian Orthodox Church.

Традиционная цивилизация России всегда развивалась на собственной почве под воздействием внешних влияний: варягов, Византии, тата-

ро-монголов и Золотой Орды, Ливонского ордена, Швеции, Англии и других народов, стран, культур, религий и цивилизаций.

Между тем в Европе с XII по XVII век шло складывание основ современной цивилизации. Л.И. Семеникова пишет: «В общественно-политической жизни боролись две тенденции.

Первая тенденция – сохранение средневекового общества с приоритетом католических ценностей. Священная Римская империя, или, как было сформулировано в XV веке, «Священная Римская империя германской нации», наиболее ярко представляла эту тенденцию.

Вторая тенденция – образование национальных территориальных государств светского типа с рациональным мировосприятием, автономией личности. Оно было связано с формированием гражданского общества и ограничением прав власти законом. Эту тенденцию олицетворяли Англия, Франция, Швеция. Вторая тенденция побеждала» [1].

В XIV–XV вв. на территории Северо-Восточной Руси складывается централизованное государство. Можно согласиться с Л.И. Семенниковой в том, что становление и дальнейшее развитие русского государства пошло в соответствии с первой, средневековой тенденцией в Европе.

Как отмечает Л.Н. Гумилёв, прежняя Русь окончательно ушла в небытие. Ни политического, ни этнического единства русских больше не существовало. Люди остались, но сама система власти и организации между ними окончательно разрушилась. Единственной связующей нитью для всех русских людей XIV в. осталось православие. Всякий, кто исповедовал православие и признавал духовную власть русского митрополита, являлся своим, русским [2].

Православие оставалось мощным оружием централизации и модернизации русского государства и общества и в дальнейшем. О верности московской власти православию свидетельствует следующий исторический прецедент. Перед своим окончательным падением в 1453 г. Византия предприняла отчаянную попытку опереться в борьбе с турецкой агрессией на поддержку папы римского, христиан-католиков. 5 июля 1439 г. во Флоренции на церковном соборе Папская курия и Константинопольская патриархия согласились на принятие православной церковью католических догматов и верховенства папы при сохранении исполнения православных обрядов и богослужения.

Московский митрополит грек Исидор подписал Флорентийскую унию. В 1442 г. в Москве собор русских церковных иерархов по прямому указу великого князя Василия II сместил «латинского злого прелестника» и назначил митрополита Иону без ведома Константинопольского патриарха. В 1448 г. русская митрополия получила разрешение на самостоятельность (автокефалию) [3].

Ещё в XIV в. в российской модернизации активнейшее участие принимали выдающиеся церковные деятели митрополит Алексий и основатель святой Троицкой обители Сергей Радонежский.

Алексий стал первым в истории русской церкви митрополитом-москвичом. Его правление церковью и фактически государством в малолетство Дмитрия Донского осуществлялось в годы собирания сил перед Куликовской битвой [4].

Повзрослевший Дмитрий продолжил дело Алексия вместе с Сергеем Радонежским. После победы над Мамаем Дмитрий Иванович приезжает к преподобному Сергию помянуть погибших русских воинов. Так была положена традиция знаменитого Троицкого богомолья [5].

Можно с полной уверенностью утверждать: в духовном смысле ни одна русская российская модернизация невозможна без покаяния, иначе модернизация, оторванная от российской души православной, мусульманской, любой другой по вере искренней, в конечном итоге вела к серьезному как общественному, так и правовому провалу.

Православный подъем, поиск духовности в XIV–XV вв. обеспечил модернизационный процесс в обществе прочным идейным фундаментом. Надо заметить, что объединительные тенденции в этот период характерны для очень многих государств, прежде всего Западной Европы. А если совпадают модернизационные процессы, то они имеют и общие причины. Поэтому их сравнение позволяет лучше понять то, что происходило в тот период на Руси. Большинство современных исследователей подчеркивает, что первостепенное значение для объединения западных государств имело формирование национальных рынков в результате быстрого роста городов, производства и торговли. Одновременно отмечается значительная роль внешних угроз, необходимость противостояния которым усиливала стремление к объединению. Обращается внимание и на централизующую деятельность государственной власти. На русском востоке ситуация выглядит уже иначе. Говорить о росте товарного производства, а тем более зарождении национального рынка еще просто рано. Экономические причины к объединению в этот период – это нежелание русской верхушки делиться доходами с Ордой. Опасность растворения русской культуры в чужой среде, участие в решении задач, противоречащих национальным интересам, – всё это явные элементы из разряда внешних угроз.

Ликвидировать эту опасность оказалось невозможно в условиях разрозненности усилий. Лишь при наличии единства всех сил русского народа ордынская зависимость могла быть уничтожена. Поэтому именно необходимость освобождения от власти Орды оказалась тем важнейшим побудительным мотивом, который форсировал объединительные процессы в Русском государстве.

Однако превращение потребности в реальное объединение могло осуществиться лишь при наличии конкретных сил, борющихся за достижение этой цели. К тому же крайне стал необходим объединительный центр, вокруг которого могли бы сгруппироваться эти силы. В исторической литературе роль такого центра закрепляется за Москвой. В доказательства приводятся такие факторы, как центральное положение в рамках Северо-Восточной Руси, защищенность от набегов Орды, высокий уровень хозяйственного развития и гибкость политики московских князей. Но сравнение этих показателей с возможностями других княжеств показывает, что по ряду объективных параметров многие из них не только не уступали, но нередко превосходили Москву и могли так же претендовать на эту роль. Иными словами Москве отнюдь не предопределялось стать центром Русского государства. Эту возможность ей пришлось добывать в сложнейшей и упорнейшей политической и военной борьбе с другими претендентами. Наиболее сильным среди них было Тверское княжество, в течение всего XIV в. боровшееся с Москвой за право возглавить объединительный процесс. Этот процесс затянулся более чем на двести лет, пройдя в своем развитии три основных этапа, в первом этапе (первая половина XIV в.) произошло выделение основных центров притяжения, которыми стали Тверь и Москва. Если Тверь уже концу XIII в. представляла динамично развивающееся княжество, то Москва лишь в середине XIV в. усилиями московских князей, и прежде всего Ивана I (Калиты), проявляя «сверхлояльность» к Орде, сумела получить дополнительные преимущества в соревновании за первенство на Руси. Одним из важнейших среди них стало перенесение в Москву резиденции русского митрополита, что превращало ее в церковный центр Руси.

Все это привело к тому, что главным содержанием второго этапа стала упорная борьба Москвы и Твери, в которой победа осталась за первой. Если на первом этапе успех Москвы во многом обусловила поддержка Орды, то на втором, напротив, именно вступление московского князя Дмитрия в открытое военное противоборство с татарами обеспечило ему широкую социальную и политическую поддержку и в конечном счете победу в споре за лидерство. Успех в Куликовской битве (1380 г.) закрепил за Москвой статус центра национально-освободительной борьбы по освобождению Руси от ордынской зависимости.

Фактически именно это привело к окончательному перемещению объединительного центра в Москву [6].

Успех Дмитрия Донского предопределил основы политики последующих московских князей на третьем этапе (XV в.), который можно охарактеризовать как собирание русских земель Москвой уже в качестве единоличного лидера, не имеющего себе равных противников. На пер-

вый взгляд, этому противоречит разгоревшаяся во второй четверти XV в. феодальная война. Однако если глубже посмотреть на ее истоки, то обнаружится, что война – лишь династический конфликт. В нем решался вопрос о том, какая ветвь московского рода будет возглавлять процесс объединения. После его завершения ход объединения заметно ускорился, особенно после присоединения Новгорода Иваном III. Известное «стояние» на р. Угре (1480 г.) знаменовало переход от оборонительной к наступательной политике в отношении Орды и ликвидации зависимости от нее.

Таким образом, к концу XV – началу XVI в. Русь превратилась в единое государство с соответствующей политической структурой, которая мало чем отличалась от системы управления княжеством. Во главе Русского государства стоял «Государь всея Руси», как стал именоваться Иван III. Он в своей деятельности опирался на совет бояр, получивший название Боярской думы. Усложнение задач государственного управления привело к появлению новых органов – приказов, функциональных исполнительных учреждений, ведавших определенной частью государственных дел. Первые приказы еще мало напоминали учреждения, являясь фактически лишь должностью лица. Распределение должностей в системе государственного управления происходило при помощи весьма своеобразной системы местничества – порядка назначения на должность в соответствии со знатностью боярина, определявшейся сроком его службы московскому князю или родовитостью. Управление на местах передавалось в руки бояр-наместников, которые за осуществление своих обязанностей получали «корм» от населения в натуральной или денежной форме. Такая система, получившая название кормления, приводила к серьезным злоупотреблениям со стороны «кормленщиков» и вызывала протесты населения. Поэтому московские государи стремились ее ограничить. Одним из способов ограничения произвола стало укрепление системы права. В этих целях при Иване III разработали новый Судебник (1497 г.), устанавливающий единые правовые нормы ведения судопроизводства для всего Российского государства [7].

В основном в Судебнике 1497 г. содержатся нормы уголовного и уголовно-процессуального права. Вместе с тем Судебник включал целый ряд норм гражданского права, регулирующих обязательства из договора купли-продажи, займа, найма, порядок наследования, разрешение земельных споров и др.

Источники модернизированного в Судебнике права – Русская правда, Псковская судная грамота, текущее законодательство московских князей и законодательные материалы, накопившиеся в государстве к концу XV в. (указы и инструкции в области суда и управления, издававшиеся как в Московском, так и в других княжествах). Источниками служили также грамоты отдельных княжеств, устанавливавшие сроки отка-

за крестьян (то есть перехода от одного феодала к другому), сроки исковой давности по земельным спорам [8].

В гражданском праве модернизационные изменения коснулись обязательного права. В ст. 55 содержался порядок заключения договора займа. Эта статья вводила новые термины: полетная грамота – договор об уплате долга в рассрочку; истина – стоимость товара или сумма денег, взыскиваемая истцом с несостоятельного должника. Более четко, чем в Русской правде, выделяются обязательства из причинения вреда. Статья 61 предусматривает имущественную ответственность за потраву. В Судебнике содержатся упоминания о договорах купли-продажи (ст. 46 «О торговцах» и ст. 47) и личного найма. Судебник вслед за Псковской судной грамотой предусматривал, что наймит, не дослуживший своего срока или не выполнивший обусловленное задание, лишался оплаты (ст. 54). Вносятся изменения и в наследственное право. Статья 60 устанавливает общую четкую норму наследования. При отсутствии завещания (духовной грамоты) вступало в действие наследование по закону. Наследство получал сын, при отсутствии сыновей – дочь. Дочь получала право наследовать не только движимое имущество, но и земли. За неимением дочерей наследство переходило ближайшему из родственников. В Судебнике по-новому определяется правовое положение феодально-зависимого населения. Статья 57 «О христианском отказе» юридически оформляет прикрепление крестьян к земле, узаконив общий для всего государства срок перехода крестьян от одного владельца к другому.

Уголовное право продолжало дистанцироваться от обычного права в сторону государственного. В отличие от Русской правды преступление понимается уже не как обида, то есть нанесение материального, физического и морального вреда, а как «лихое дело». Это уже совершение деяния, нарушающего интересы господствующего класса и государства. Перечисляя также известные ранее виды преступлений, такие как татьба, разбой, душегубство, лихое дело, ябедничество, ст. 8 Судебника вводит новое понятие – «иное какое лихое дело», предоставляя феодалам право подводить под это понятие любое деяние, посягающее на установленный в государстве порядок.

Ответственности подлежали все лица, совершившие преступление, в том числе и холопы. Если человек не мог сам вести дело, ему предоставляли право нанять наймита, то есть человека, ведущего процесс за него. В Судебнике 1497 г. проводится основной принцип феодального права – права-привилегии. Одно и то же преступление влекло за собой различную степень ответственности в зависимости от того, кем и по отношению к кому оно совершалось. В соответствии с этим в статьях Судебника подчеркивается социальная принадлежность виновного или пострадавшего: «А взыщет боярин на боярина...» (ст. 63).

Судебник вводит понятия «добрых» и «лихих людей». К «добрым» Судебник относит наиболее зажиточных представителей господствующего класса, которым предоставлялось право «облиховать», то есть признать виновным любого. Доказывать виновность оговоренного не требовалось. Человек, признанный добрыми людьми «ведомым лихим человеком», подлежал смертной казни.

В соответствии с изменением понятия преступления усложнялась и система преступлений. Государственным преступлением являлась крамола. Под крамолой понималась измена, заговор, призыв к восстанию и иные действия, направленные против правительства. Статья 9 Судебника, говоря о крамоле, выделяет таких преступников, как подымщик (подметчик) и зажигальник. Подмет означал подбрасывание чужого имущества с целью обвинения в краже. В статьях о государственных преступлениях под подметем понимался шпионаж, разглашение секретных сведений, призыв к заговорам и измене путем распространения «подметных писем». Зажигальниками называли людей, поджигающих города или крепости с целью передачи их неприятелю. Наказанием за государственные преступления являлась смертная казнь.

В Судебнике выделяются следующие преступления: убийство (душегубство), ябедничество, то есть злостная клевета или преступления против чести. Убийство в Судебнике делилось на простое и квалифицированное. К квалифицированному убийству, караемому смертной казнью, относилось убийство крестьянином своего господина и убийство, совершенное «ведомым лихим человеком». Простое убийство наказывалось продажей и наказанием, назначенным судьей.

Преступление против чести включало в себя оскорбление действием и оскорбление словом. Споры по данным искам решались полем и влекли для виновного обязанность уплаты продажи требуемого истцом вознаграждения. В случаях примирения сторон до проведения поля ответчик

освобождался от уплаты продажи, но стороны возмещали судебные издержки.

Судебник предусматривал ряд преступлений против имущественных прав: разбой, похищение чужого имущества (татьба), истребление или повреждение чужого имущества, незаконное пользование чужим имуществом. В XV в. под разбоем понималось открытое нападение, производимое обычно шайкой, но не обязательно сопровождавшееся убийством. Ответственность за разбой оказывалась различной в зависимости от того, совершался ли он «ведомым лихим человеком» или нет. Когда разбой совершал «ведомый лихой человек», он карался смертной казнью. Если обвиняемый в разбое не являлся «ведомым», он возмещал пострадавшему нанесенный ущерб и наказывался «продажей», то есть денежным штрафом. Судебник 1497 г. делил татьбу, то есть кражу, на

простую и квалифицированную. К квалифицированной краже, которая каралась смертной казнью, относилась кража из церкви, повторная кража, кража с поличным, кража людей и кража, совершенная «ведомым лихим человеком».

Кража, совершенная впервые, наказывалась торговой казнью, то есть битьем кнутом на торговой площади, и возмещением убытков истцу. Если обвиняемый не мог возместить убытки потерпевшему, он попадал к нему в зависимость. Большое внимание Судебник уделял охране прав собственности феодалов на землю. Он устанавливал ответственность за повреждение межевых знаков и запашку чужой земли. Наказанием за это преступление являлось битье кнутом и штраф в размере 1 рубля [9].

Судебник 1497 г. стал выдающимся памятником государю Ивану III, которого современники называли Великим. Подчеркивая успехи Иоанновы в российском общественном прогрессе, Н.М. Карамзин называл его героем «не только российской, но и всемирной истории» [10].

Л.И. Семенникова отмечает, что «существенным оказалось влияние Золотой Орды в общественной организации. Уже к концу XV в. (при Иване III) сложилась неограниченная единоличная власть Московского князя. В обществе устанавливались отношения подданства, как на Востоке, а не вассалитета, как на Западе. Западный институт вассалитета предполагал отношения двух договаривающихся сторон, которые обе были связаны взаимными правами и обязанностями» [11].

Она справедливо указывает, что вассальные отношения, утвердившиеся на Руси в древности, постепенно ликвидировались. Отменили привилегию менять сюзерена, упразднили иммунитет (автономию). Бояр, представлявших интересы земель, вытесняли в XV–XVI вв. служилые люди, будущие дворяне. Государственная бюрократия постепенно забирает власть, становится опорой государя. Боярская дума сохранилась до XVIII в., но роль ее в борьбе за автономию боярства постоянно уменьшалась.

Главное отличие модернизации русского общества от Запада: в Российском государстве шел неуклонный процесс нивелирования личности, уничтожения автономии общества и полного подчинения подданных власти великого князя и царя.

Н.М. Карамзин писал: «Ничто не удивляло так иноземцев, как самовластие государя Российского и легкость употребляемых им средств для управления землею. "Скажет, и сделано, – говорит барон Герберштейн, – жизнь, достояние людей, мирских и духовных, вельмож и граждан, совершенно зависит от его воли. Нет противоречия, и все справедливо как в делах божества; ибо русские уверены, что великий князь есть исполнитель воли небесной"» [12].

В своем фундаментальном труде «История государство Российского» Н.М. Карамзин в сравнительном анализе князей Ивана III и Василия III показывает вклад каждого в модернизацию России.

Великий историограф пишет, что при Иване III Россия «как бы вышла из сумрака теней, где еще не имела ни твердого образа, ни полного бытия государственного» [13].

По мнению Карамзина, Россию теперь чтили от Рима до Копенгагена. Этот государь модернизировал всю внешнюю и внутреннюю политику. Иван создал благоразумнейшую систему войны и мира, основанную на дальновидной умеренности. Он искал орудие для решения собственных замыслов и не служил никому инструментом осуществления чужих планов. Иван III, не покидая Кремля, сумел создать прекрасное и сильное войско. «Он родился не воином, но монархом; сидел на троне лучше, нежели на ратном коне, и владел скиптром искуснее, чем мечом» [14].

Творения его и успех, отмечает Н.М. Карамзин, казались медленными, как бы неполными, но явились весьма прочными достижениями в становлении Российского государства.

Иоаннову линию не столько ярко и громко, но твердо продолжил его сын Василий III. В Российской истории он кажется незаслуженно мало заметным между двумя Иванами – его отцом и его сыном. Однако это не соответствует историческим фактам и обстоятельствам.

Н.М. Карамзин прямо утверждает: «Иоанны III творят, Иоанны IV прославляют и нередко губят; Василии сохраняют, утверждают державы и даются тем народам, коих долговременное бытие и целость угодны провидению» [15].

Н.М. Карамзин замечает, что законодательное право и «судная власть», как в самую глубокую древность, принадлежала при Василии III единственно государю. Все другие судьи от великокняжеских думных советников до тиунов сельских являлись лишь только временными или чрезвычайными поверенными. Сам Василий III нередко уничтожал их приговоры, и они не могли никого прямо лишить жизни «ни крестьянина, ни раба, ни холопа» [16].

Н.М. Карамзин отмечал также в это время успехи торговли, развития финансов, культурного заимствования европейских художественных и технических достижений. Москва и в первой трети XVI в. действовала по принципу «хорошее от всякого хорошо». Западные предприимчивые и умелые европейцы находили в российской столице гостеприимство, мирную жизнь и хороший достаток.

В итоге можно утверждать, что русская и российская модернизация в XIV – первой трети XVI в. продолжала развиваться на самобытной основе, сохранила и усилила свою православную, гражданскую направленность. Именно последняя стала главной пружиной в создании нового государства «Россия» с центром в Москве. В условиях централизации

преодолевались прежние удельные порядки, но существенные противоречия в социально политическом строе сохранились и проявили себя в последующий период.

Литература

1. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – 2-е изд., испр. и доп. – Брянск: Курсив, 1996. – С. 108–109.
2. Гумилёв Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. – М.: Экопрос, 1994. – С. 138–139.
3. Рогачёв А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917–1925-е годы) / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск, 2008. – С. 23.
4. Бушуев С.В., Миронов Г.Е. История государства Российского: историко-библиогр. очерки. Кн. 1. IX–XVI вв. – М.: Кн. палата, 1991. – С. 167.
5. Там же. – С. 184–185.
6. Исторические модернизации государства и права в России в IX–XXI веках. – Красноярск: Изд-во КрасГАУ, 2015. – С. 22.
7. Там же. – С. 22–23.
8. История отечественного государства и права: курс лекций: учеб. пособие / И.В. Архипов, Ю.М. Поникидин, О.Ю. Рыбаков [и др.]; под ред. Ю.М. Поникидина. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Проспект, 2009. – С. 63.
9. Там же. – С. 63–65.
10. Карамзин Н.М. Об истории государства Российского. – М.: Просвещение, 1990. – С. 167.
11. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – С. 111.
12. Карамзин Н.М. Об истории государства Российского в 12 т. Т. 1 / под ред. А.Н. Сахарова. – М.: Наука, 1989. – С. 181.
13. Там же. – С. 168.
14. Там же. – С. 169.
15. Там же. – С. 179.
16. Там же. – С. 182.

УДК 94(57).084.9

Н.В. Гонина

**ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО
СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИВНОЙ УРБАНИЗАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО
РЕГИОНА В 1950–1980-е гг.)**

N.V. Gonina

**EDUCATION AS A FACTOR OF MODERNIZATION OF CITY
COMMUNITY IN THE CONDITIONS OF AN INTENSIVE
URBANIZATION (ON MATERIALS OF THE ANGARA-ENISEY
REGION in 1950–1980s)**

Во второй половине XX в. на территории Восточной Сибири начался новый этап индустриализации, сопровождавшейся быстрым ростом городов. Население, особенно его важнейшая составляющая – молодежь до 30 лет, находящееся преимущественно в маргинальном состоянии, быстро урбанизировалось независимо от места проживания – как в городе, так и в деревне. За относительно короткий срок (1950–1980-е гг.) произошло значительное изменение социальной структуры и занятости населения региона, сформировалась иная социокультурная среда. Ключом к пониманию метаморфозы является изучение эволюции системы образования и ее результата – уровня общей грамотности населения. За 30 лет население городов Ангаро-Енисейского региона значительно повысило свой образовательный уровень. В результате рассмотренных процессов четко оформился слой городского населения с полным средним и/или среднеспециальным образованием, который составил 50,5 % горожан и определял облик и потребности города. 35,9 % горожан имели неполное среднее, начальное образование, либо были необразованы. Цифра достаточно велика для городского населения в конце XX века, но в целом типична для индустриального общества, учитывая, что в регионе преобладали сырьевые отрасли, использующие неквалифицированный труд. Достаточно высок процент горожан с высшим образованием – 13,6 %. Однако при сопоставлении с занятостью на производстве получается, что только половина из них работали по специальности.

Ключевые слова: образование, город, урбанизация, модернизация, Ангаро-Енисейский регион.

In the second half of the XX century on the territory of Eastern Siberia began a new phase of industrialization, accompanied by rapid urban growth. The population, especially its most important component – people

under 30 years of age, mostly in marginal condition, quickly started urbanizing, regardless of place of residence both in the city and in the village. In a relatively short period (1950–1980s) there has been a significant change in social structure and employment of the population of the region developed in a different socio-cultural environment. The key to understand metamorphosis is to study the evolution of the education system and its result – the General literacy of the population. For 30 years urban population of the Angara-Yenisey region have significantly increased their educational level. As a result of the considered processes is well established layer of the urban population with completed secondary and/or vocational education, which was 50.5 % of citizens and defined the character and needs of the city, 35.9 % of the people had lower secondary, primary education or were not educated. The figure is large enough for urban population in the late twentieth century, but in general typical for industrial society, given that the region was dominated by raw material industries that use unskilled labor. Quite a high percentage of citizens with higher education is 13.6 %. However, when comparing employment in the production it turns out that only half of them worked according to their speciality.

Keywords: education, city, urbanization, modernization, Angara-Yenisey region.

Введение. Во второй половине XX в. на территории Восточной Сибири начался новый этап индустриализации, сопровождавшейся быстрым ростом городов. Только за время между переписями (1959–1979 гг.) городское население Красноярского края и Иркутской области увеличилось в 1,7 раза и составило в целом 3,3 млн человек. Основным источником увеличения численности горожан стал миграционный приток из сельской местности, который составил 52 % от общего прироста населения. Численность же сельского населения за этот период сократилась на 7 % [12].

Переезд из сельской местности в город сам по себе мог и не вызывать значительных социальных изменений, тем более, что он носил массовый и стремительный характер. В связи с этим специалисты заговорили о рурализации городов [1]. Однако ситуация такова только на первый взгляд. Проникая в суть вопроса с помощью комплексного подхода, используя синтез приемов ряда социогуманитарных наук, мы видим сложную социальную динамику, которая говорит, что процессы урбанизации, охватившие регион, отражались не столько в росте рабочих слобод при предприятиях, как об этом пишет В. Глазычев [9], сколько в глубоких качественных изменениях в самом населении.

Население, особенно его важнейшая составляющая – молодежь до 30 лет, находящееся преимущественно в маргинальном состоянии, быстро урбанизировалось независимо от места проживания – как в городе, так и в деревне. И хотя образ жизни был еще очень долгое время полусельским даже в городах-новостройках (деревянные усадьбы и бараки с многопоколенными семьями, огородами и содержанием скота), мировоззрение населения, его приоритеты и ценности претерпевали модернизационные процессы. За относительно короткий срок (1950–1980-е гг.) произошло значительное изменение социальной структуры и занятости населения региона, сформировалась иная социокультурная среда. Ключом к пониманию метаморфозы является изучение эволюции системы образования и ее результата – уровня общей грамотности населения.

Цель исследования: выявить влияние урбанизации и индустриализации на образовательные интересы населения и их реализацию.

Задачи исследования:

- 1) показать успехи и неудачи образовательной политики;
- 2) выявить региональную специфику;
- 3) определить роль неформальных видов образовательной деятельности;
- 4) оценить результаты роста интереса населения к образованию.

Методы и результаты исследования. Работа основывается на сочетании общенаучных, специально-исторических и социологических методов.

Вызывает закономерное удивление успех советской образовательной политики, который обеспечил в кратчайшие сроки не только сплошную грамотность в разоренном войной обществе, но и достаточный ресурс квалифицированных кадров, позволивший за 12 лет выйти в космос и перегнать США по производству военной техники. При этом мы знаем, что уровень грамотности основной массы населения на 1954 г. был предельно низким, не хватало школ, не была обеспечена материальная база, важнейшим препятствием был недостаток квалифицированных учителей. Еще хуже была ситуация с вузовской сетью, которая испытала на себе и сокращения/слияния 1930-х гг., и сталинские репрессии, и послевоенный спад качества подготовки.

Реформы второй половины 1950-х гг. в области образования, конечно, сыграли свою роль. Отмена оплаты за обучение и обязательное 8-летнее образование открывали возможность учиться как молодым, так и старшему поколению. Положительное влияние оказывали повышение доходов населения и высвобождение личного времени в связи с сокращением рабочего дня и механизацией труда и быта. Однако в Ангаро-Енисейском регионе все это не оказывало такого большого влияния, как

в столице, в силу замедленности процессов развития, обусловленных удаленностью, низкой плотностью населения и малыми доходами.

В связи с необходимостью работать, чтобы обеспечить себя и свои семьи, многие подростки и молодые люди не могли закончить даже положенные 8 классов. Политехнизация образования решала эту проблему только частично. Поэтому достаточно быстро складывается практика вечернего и заочного образования в школах и техникумах (табл. 1). Серьезной проблемой была нехватка квалифицированных преподавательских кадров и ограниченность материальной базы. Тем не менее, поставленная задача перехода ко всеобщему среднему образованию успешно решалась.

Интересна инициатива красноярцев в открытии школ на общественных началах для взрослых. Первая возникла в речном порту под руководством главного диспетчера Ф.И. Титаренко. Всего в городе была открыта 31 такая школа, в них обучались 2 151 рабочий. Преподавателями были инженеры и техники, учителя школ. Общественные школы давали 7-летнее образование по программе вечерней школы, по их окончании можно было поступить в техникум [3].

Таблица 1

**Динамика школьного образования в Красноярском крае
1960–1986 гг. [14–16]**

Показатель	1960/1961	1975/1976	1980/1981	1985/1986
1	2	3	4	5
Все школы				
Численность учителей (включая совместителей), тыс. чел.	25,8	32,1	32,5	32,1
Численность учащихся, тыс. чел.	466,5	548,0	495,6	528,9
В т. ч. 10–11 кл.	-	-	115,9	85,4
В т. ч. в городах и поселках городского типа	-	-	338,3	373,5
Дневные школы				
Численность учителей, тыс. чел.	-	-	26	31
Всего учащихся, тыс. чел.	434,3	482,3	431,3	487,5
В т. ч. в городах и поселках городского типа	204,7	290,8	290,2	314,9
В 9–10 (11) классах	12,5	70,3	55,6	45,8
В т. ч. в городах и поселках городского типа	7,8	42,4	33,9	30,3

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Вечерние школы				
Численность учащихся, включая обучающихся заочно, тыс. чел.	32,2	65,7	64,3	41,4
В т. ч. в городах и поселках городского типа	-	46,3	48,1	28,6
В 1–8 классах	14,5	19,3	13,2	-
В 9–11 классах	17,7	22,7	64,5	-

В рассматриваемый период наибольших успехов достигло среднее специальное образование. Было открыто большое количество учебных заведений, подобраны кадры. Материальную базу и практику давало профильное предприятие. Если в начале периода специалисты со средним техническим образованием составляли менее 10 % городского населения, то к 1989 г. их число выросло в 3 раза и составило более 20 % (см. табл. 5).

По количеству высших учебных заведений Восточная Сибирь значительно отставала от других районов страны. Так, во второй половине 1950-х гг. в Центральном и Северо-Западном районах располагалось 28 % вузов России, в Западной Сибири – 5,5, а в Восточной Сибири – 2,9 %. Отраслевая структура вузов также оставляла желать лучшего. Здесь находился один университет, один финансово-экономический, два сельскохозяйственных, два медицинских, три инженерно-технических и четыре педагогических института – всего 13 вузов [6].

Характерным явлением второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. было расширение набора студентов, открытие новых специальностей, строительство корпусов и общежитий. В 1959 г. в Красноярском крае училось в вузах с отрывом от производства 11,4 тыс. чел., а в 1960 г. – уже 13,3 тыс. чел. В Иркутском политехническом институте обучалось свыше 6 000 студентов, были открыты заочное и вечернее отделения, филиалы в Братске, Ангарске и Черемхово. В Иркутске строились корпуса педагогического, политехнического и сельскохозяйственного институтов, университета и института иностранных языков. Тем не менее, наблюдался недостаток учебных и жилых площадей. В среднем по вузам на 1 студента приходилось 4 кв. м жилой площади, при этом только 63 % студентов были обеспечены общежитием [2].

Еще более значимой проблемой стал кадровый голод. Например, в 1954 г. во всех вузах Красноярска работало 436 сотрудников, недостаток кадров составлял 65 человек. Докторов наук, профессоров было всего 17, кандидатов наук – 110, из них доцентов – 69. В Иркутском политехническом было вакантно 100 рабочих мест профессорско-преподавательского

состава. Наблюдалась текучесть руководства. В вузе работало 7 докторов и профессоров, 76 кандидатов наук, доцентов и 200 (70 %) преподавателей без степени и звания. В аспирантуру было принято 19 человек вместо 29 по плану, закончило 13, а защитили диссертации только 2 [6, 16].

Вторая половина 1950-х – 1960-е гг. стали для Красноярска временем превращения в крупный вузовский центр – в течение десятилетия здесь были открыты Политехнический институт (КПИ, 1956), Институт цветных металлов (КИЦМ, 1958), завод-втуз (1960). В 1969 г. состоялось знаковое событие – был открыт университет. Вузы Красноярска стали быстро расширять набор студентов и в 1980-х гг. обогнали иркутян по выпуску специалистов (табл. 2).

Таблица 2

Основные показатели высшего образования в Красноярском крае (КК) и Иркутской области (ИО) в 1960–1985 гг. [20]

Показатель	1960/61		1965/66		1970/71		1980/81		1985/86	
	КК	ИО	КК	ИО	КК	ИО	КК	ИО	КК	ИО
Число вузов	8	8	9	7	10	7	11	9	12	9
В них студентов, тыс. чел.	20,6	24,1	39,8	48,5	50,0	57,0	60,8	65,6	63,8	66,4
Выпуск специалистов	3,0	3,3	3,4	4,5	5,8	7,6	9,0	8,9	9,9	9,4

Важным аспектом образовательной политики рассматриваемого периода было распространение высшего образования среди рабочих. Так, в документах отмечается, что в 1961 г. в Иркутский политехнический институт было принято 295 производственников [6].

Конец 1950-х – 1960-е гг. явились периодом заметного роста научного потенциала. Важным этапом стало открытие аспирантур при вузах. За это десятилетие в Иркутском университете было защищено 7 докторских и 130 кандидатских диссертаций. Улучшился качественный состав преподавательского корпуса Иркутского педагогического института, особенно после открытия в конце 1950-х гг. собственной аспирантуры [8]. Аналогичные процессы происходили в Красноярском педагогическом институте: к середине 1960-х гг. 20–23 % преподавателей имели ученую степень и звание. Исследователь В.Н. Казарин отмечает практически во всех вузах региона количественный рост педагогических коллективов высшей школы, вызванный резким увеличением потребности в подготовке специалистов различных отраслей экономики и культуры [10]. Это обусловило появление новых факультетов, кафедр, лабораторий. Наибольший рост численности преподавателей отмечен в вузах инженерно-технического и экономического профиля.

Постепенно улучшалась материальная база вузов: городские власти передавали здания под учебные корпуса, строили новые помещения, ву-

зы пополнялись новым учебно-лабораторным оборудованием. Значительную помощь в укреплении учебно-производственной базы техническим, экономическим и сельскохозяйственным вузам оказали крупные производственные объединения «Востсибуголь», «Братскгэсстрой», Управление строительства Иркутской ГЭС и др. Однако, учитывая увеличение набора студентов, этого оказалось не достаточно. Возросшая нагрузка на преподавателей дополнялась нерешенным квартирным вопросом. Поэтому сохранялась текучесть кадров [10].

Для науки и высшей школы наиболее болезненными были удаленность от научных центров международного уровня, информационный голод, недостаток научных связей. Это порождало замедленные темпы качественного развития, традиционность и консервативность в работе.

Несмотря на все проблемы, города региона в короткие сроки стали настоящими образовательными центрами. В Красноярске и Иркутске концентрировались крупные вузы и масса средних специальных учебных заведений. Все города региона имели свои техникумы и училища, связанные с градообразующим предприятием. Все большее количество молодых людей получало среднее специальное и высшее образование (табл. 3.). Процент квалифицированных специалистов в общей массе городского населения значительно вырос.

Таблица 3

**Выпускники городских школ Красноярского края,
продолжившие обучение в 1979 г. [4]**

Город	Численность выпускников		Продолжили обучение в вузах, средних специальных учебных заведениях, на курсах	Процент выпускников, продолживших обучение, %
	средних школ (10–11 лет)	8 кл. 8-летних и средних школ		
Ачинск	785	1666	2316	94,4
Боготол	317	391	556	78,5
Дивногорск	248	555	688	85,7
Дудинка	324	436	617	81,1
Енисейск	204	292	435	87,7
Игарка	226	333	430	76,9
Иланский	208	288	427	86,1
Канск	760	1360	1821	85,9
Красноярск	6643	9906	14163	85,6
Лесосибирск	697	1142	1586	86,2
Минусинск	371	667	892	85,9
Назарово	351	789	1023	89,7
Норильск	1955	3052	3301	65,9
Ужур	291	432	723	100
Уяр	179	261	400	90,9
<i>Итого</i>	13559	21570	29388	83,7

Далеко не все люди могли получить высшее образование в вузе. В этом случае на помощь приходили народные университеты, появившиеся в конце 1950-х гг. и быстро распространившиеся после 1961 г. Они были достаточно разнообразны по направлениям. Университеты культуры, технического прогресса, здоровья, педагогических и правовых знаний, родительские, музыки и литературы. В 1962 г. в Иркутской области действовали 43 университета культуры, 12 университетов технического прогресса, 30 университетов здоровья, 15 педагогических знаний, 8 правовых, 2 журналистских. В общей сложности в них обучалось 25 тыс. человек. В 1963 г. их стало уже 133. Туда поступали преимущественно люди старшего возраста, уже имеющие опыт работы и семьи [13]. В силу возраста и занятости они не могли позволить себе учиться в вузах, и народный университет становился удобной формой, достаточно демократичной и, в то же время, удовлетворяющей духовные потребности. Для кого-то это была доступная форма повышения квалификации – без отрыва от производства и семьи. Для многих – возможность повышения уровня образования, расширения кругозора, развития творческого потенциала, получения необходимых для жизни знаний (университет здоровья или правовых знаний).

На наш взгляд, в 1950–1960-х гг. главную роль играл интерес к учебе, который был обусловлен не только карьерными интересами, но и задачами саморазвития. Стремление повышать образовательный уровень всеми доступными способами – вуз, народный университет, книга, СМИ – характерная черта человека индустриального общества.

Городская среда стимулирует стремление молодых людей к учебе и создает благоприятные условия для повышения образовательного уровня, так как предоставляет выбор специальных учебных заведений, более широкие информационные возможности, более высокие требования к общему уровню знаний, возможность трудоустройства на высокооплачиваемые и престижные рабочие места, больше свободного времени в силу относительного облегчения быта и нормированного рабочего дня. Можно сказать, что данные факторы начинают работать в городах региона уже в конце 1950-х гг. Образование было не целью, а средством к достижению более высокого социального статуса. Соответственно, кроме внешнего стимула, заданного властью, в обществе наличествовал мощный внутренний посыл повышения образовательного уровня.

Существующая система подготовки в школе и вузе была далека от идеала и, тем не менее, она давала главное – интерес к образованию и самообразованию, глубоко проработанные практические навыки обучения: поиск и обработка информации, знание и применение основных приемов логического мышления. Информационный дефицит, в котором оказывался житель периферийной территории, с одной стороны, сдерживал эти процессы, с другой – усиливал потребность в них.

В 1970–1980-х гг. постепенно интересы молодежи смещаются с техникума в вуз. Число абитуриентов и выпускников резко возрастает. Города становятся студенческими. Это касается не только старых вузовских городов, но и молодых. Набирают популярность профессии инженера, врача, юриста.

Всеобщее среднее образование, введенное в начале периода, дало возможность сельским ребятам поступать в вузы наравне с городскими. Наиболее успешным это время стало для Красноярска. В 1970 г. в 10 высших учебных заведениях края обучались по 90 специальностям 48,9 тыс. студентов. 57,4 % студенчества составляли рабочие или дети рабочих. В научных учреждениях и вузах края было занято более 5 тыс. научных работников [17].

В 1980 г. в Красноярском крае было уже 14 вузов и их филиалов, в которых по 125 специальностям обучалось 64 тыс. студентов. Дальнейшее развитие получили все институты края, вводились новые учебные и учебно-лабораторные корпуса, общежития, столовые, спортивные комплексы. Только в 10-й пятилетке были открыты дополнительно 11 факультетов, более 40 кафедр, начата подготовка по 27 новым специальностям [17].

Большое внимание уделялось научно-педагогическим кадрам высших учебных заведений, росту их педагогического мастерства, научной квалификации. За 1971–1980 гг. было подготовлено 77 докторов и свыше 1 000 кандидатов наук. В 1970 г. в вузах работало 3,2 тыс. преподавателей, в том числе 35 докторов наук и 806 кандидатов наук, а в 1980 г. – 4,2 тыс. преподавателей, из которых 70 профессоров, докторов наук, свыше 1 600 доцентов, кандидатов наук [17]. Важным фактором, стимулирующим качественный рост образования, было формирование и развитие в Иркутске и Красноярске научных центров. Здесь работали и преподавали такие крупные ученые, как Г.И. Галазий, А.Б. Жуков, Л.В. Киренский, М.М. Кожов, Б.Н. Тихомиров и многие другие. В.Н. Казарин безусловно прав, когда утверждает, что следует признать этот период одним из наиболее успешных и плодотворных для научной интеллигенции. В Восточной Сибири работали известные ученые, внесшие значительный вклад в социально-экономическое освоение и культурное развитие региона. Именно они способствовали становлению научных направлений и школ, формированию коллективов научной интеллигенции, интеллектуального потенциала, заложили прочные основы на последующие десятилетия.

Учитывая, что основная масса вузов и научных учреждений была сосредоточена в Красноярске и Иркутске, можно с уверенностью утверждать, что эти города стали крупными региональными центрами науки и образования, они концентрировали людей высокого профессионального уровня, которые объединялись в научные и педагогические сооб-

щества, имеющие связи как между собой, так и далеко за пределами региона, в том числе международные [10, с. 42–48]. Наличие филиалов учебных и научных учреждений в городах региона позволяет говорить о единой сети подготовки квалифицированных кадров.

Интересные данные приводит Г.Ф. Куцев, показывая стремление жителей молодых городов к образованию (табл. 4).

Таблица 4

**Ваши планы на будущее, % к общему числу опрошенных
[11, с. 97–98]**

Ваши планы на будущее?	Сложившиеся города		Новые города	
	Красноярск	Канск	Братск	Саяногорск
Поступить на учебу в вуз, техникум или на специальные курсы:				
а) может быть	9,5	7,9	18,4	29,3
б) обязательно	7,8	5,9	17,9	24,0
Заняться самообразованием:				
а) может быть	8,0	6,4	23,7	29,3
б) обязательно	7,4	2,6	16,1	18,4

Стремление к саморазвитию, к интеллектуальному труду, которое является характеристикой урбанизированного общества, находит выражение не только в значительном увеличении (почти в 6 раз) количества людей с высшим образованием, но и в росте числа посетителей библиотек, потребительском спросе на книги. Например, Л.М. Салахова указывает, что в Братске в 1960-х гг. библиотеками пользовались 21 % жителей, а через 10 лет – 61 %. За 30 лет в городе открылись 93 библиотеки. В целом к началу 1980-х гг. в Иркутской области библиотеками пользовались 84 % жителей [19]. В Красноярском крае в 1985 г. около 50 % горожан были читателями библиотек. В среднем на одного читателя по учету книговыдачи приходилось 22 книги и журнала в год. Каждая городская библиотека в среднем обслуживала 2,5 тыс. читателей [15].

Следует заметить, что далеко не все люди в силу материальных и других условий могли получить высшее образование, а указанные формы интеллектуальной деятельности были доступны каждому.

К сожалению, 1980-е гг. стали временем спада, вызванным как общими просчетами руководства, ведомственной политикой, так и сменой приоритетов молодого поколения. Главную негативную роль сыграл отток специалистов из-за неблагоприятных условий труда и быта.

На новых предприятиях типа Электрокомплекса в Минусинске или Саяно-Шушенской ГЭС специалисты были востребованы, но это были единичные примеры, а количество рабочих мест ограничено. Еще более ограниченными были комфортные бытовые условия, в то время как потребности горожанина уже были намного шире запросов крестьянского

паренька, который мог ночевать под открытым небом и годами ходить в одной и той же одежде.

У людей возникает потребность в освоении новых уровней технологии и науки соответственно духу НТР. Однако в этом самообразование помочь уже не могло, а информационный дефицит становился неодолимым препятствием, так как новое приходило в регион с огромным запозданием и в терапевтических дозах. Сказывалось и отсутствие технологического рывка в производстве.

Быстро модернизирующийся горожанин требовал модернизации системы образования, производства, управления, обеспечения досуга. Но в 1970-х – 1980-х гг. это не представлялось возможным в силу комплекса факторов, в том числе свойств самой системы.

Постоянный отток населения из Сибири превышал его прирост и был значительно выше, чем в других районах страны. Например, в 1966–1970 гг. он на 53 % превышал средние показатели по РСФСР. За период 1961–1970 гг. из городов Восточной Сибири выбыло 758 тыс. человек, всего на 40 тыс. меньше, чем прибыло, что свидетельствует о низкой приживаемости населения.

Замечательно наблюдение Г.Ф. Куцева о взаимосвязи потребности в качестве условий работы от уровня образования: «Среди различных причин (отъезда из Сибири), на которые указали респонденты в нашем исследовании, на первое место выдвигается отсутствие условий для профессионального совершенствования, возможности применить свои знания и опыт (так обосновали свою негативную оценку выполняемой работы более 20 % рабочих). Среди рабочих с начальным образованием эти причины назвали основными лишь 1,5 % опрошенных, с восьмилетним – 5,5; со средним – 21,4; с незаконченным высшим – 26,1 %. Чем выше уровень образованности рабочих, тем большие требования предъявляют они к содержанию труда и тем условиям, которые созданы на предприятии для применения их опыта, профессионального совершенствования. Повышение общего образования стимулирует стремление к переходу в более квалифицированную профессиональную группу, становится мощным побудительным мотивом дальнейшего профессионального совершенствования, социальных перемещений [11, с. 91–92]. Безусловно, рост потребностей не мог ограничиться профессиональной деятельностью. Это сказывалось и на отношении к качеству жизни, условиям быта и отдыха, информационным возможностям и т. д.

Отрицательное влияние имел бюрократический подход, с точки зрения которого образование и наука не считались полноправными сферами производства, и расходы на них осуществлялись «по остаточному принципу». Не уделялось достаточно внимания проблемам развития высшей школы. Постоянная погоня за планом также не способствовала подготовке кадров на должном уровне. Консерватизм мешал развитию новых методик и технологий в образовании, что в условиях НТР фатально. Не осуществлялся мониторинг потребности в кадрах на мес-

тах. В итоге в ряде отраслей возникала невостребованность молодых специалистов на производстве, и они либо уезжали в другие регионы, либо устраивались на низкоквалифицированную работу.

Выводы. Таким образом, несмотря на все предпринятые действия, решить проблему обеспечения Восточной Сибири кадрами не удалось. В 1980 г. в Красноярском крае среди работающих на производстве люди с высшим образованием составили 5,5 %, а возрасте до 30 лет – 6,4 %. Перепись 1989 г. зафиксировала прирост числа людей с высшим образованием по отношению к 1959 г. в Красноярском крае и Иркутской области в среднем на 10 %. Отставание от среднероссийских показателей составляло приблизительно те же 2 %, что и ранее, что определялось периферийностью региона [5] (табл. 5).

За 30 лет население городов Ангаро-Енисейского региона значительно повысило свой образовательный уровень. В результате рассмотренных процессов четко оформился слой городского населения с полным средним и/или среднеспециальным образованием, который составил 50,5 % горожан и определял облик и потребности города. 35,9 % горожан имели неполное среднее, начальное образование, либо были необразованы. Цифра достаточно велика для городского населения в конце XX века, но в целом типична для индустриального общества, учитывая, что в регионе преобладали сырьевые отрасли, использующие неквалифицированный труд.

Достаточно высок процент горожан с высшим образованием – 13,6 %. Однако при сопоставлении с занятостью на производстве получается, что только половина из них работали по специальности.

Таблица 5

**Динамика уровня образования городского населения
в возрасте 15 и более лет 1959–1989 гг. [21]***

Регион	Год	Имеющие образование, %					Не имеющие начального образования, %
		высшее и незаконченное высшее	среднее специальное	среднее общее	неполное среднее	начальное	
РСФСР	1959	6,05	7,5	9,2	22,2	22,2	21,2
	1989	15,6	21,2	28,7	19,8	9,9	4,6
Красноярский край	1959	3,8	6,9	7,5	23,2	23,8	22,2
	1989	13,9	22,2	29,3	20,2	9,8	4,4
Иркутская область	1959	4,7	7,5	7,9	23,2	22,9	21,2
	1989	13,4	21,4	28,1	22,7	10,2	4,2

*Все данные за 1959 г. представлены без учета людей, имеющих неоконченное среднее и неполное среднее образование.

Литература

1. *Величко Ю.В.* Феномен культурной среды малых городов Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Тамбов, 2005.
2. ГАИО. Ф. р-159. – Оп. 29. – Д. 38. – Л. 75–79.
3. ГАКК. Ф. п-17. – Оп. 1. – Д. 2024. – Л. 51–54.
4. ГАКК. Ф. р-1300. – Оп. 5. – Д. 2462. – Л. 3, 6, 9, 10, 14, 21, 22, 25–33.
5. ГАКК. Ф. р-1300. – Оп. 5. – Д. 2536. – Л. 1–6, 9–12 об; Подсчитано по: Итоги всесоюзных переписей населения 1959 и 1989 гг. – URL: www.demoscope.ru
6. ГАНИИО. Ф. р-127. – Оп. 61. – Д. 91. – Л. 26–27, 106–113.
7. ГАНИИО. Ф. р-127. – Оп. 61. – Д. 91. – Л. 106–113.
8. ГАНИИО. Ф. р-127. – Оп. 61. – Д. 91. – Л. 26–27, 106–113.
9. ГАНИИО. Ф. 127. – Оп. 80. – Д. 83. – Л. 44.
10. *Глазычев В.Л.* Слободизация страны Гардарики. – URL: www.glazychev.ru/books/slobodizatsia.htm.
11. *Казарин В.Н.* Педагогическая и научная интеллигенция Восточной Сибири: формирование, облик, деятельность. Вторая половина 40-х – середина 60-х годов XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Иркутск, 1998. – С. 33–38.
12. *Куцев Г.Ф.* Молодые города. – М., 1982. – С. 97–98.
13. *Лаппо Г.М.* Города России. – М., 1994.
14. *Мысовский Н.А.* К вопросу о развитии общественных начал в работе культурно-просветительных учреждений (по материалам Иркутской области) // О некоторых вопросах строительства социализма. – Иркутск, 1964. – С. 195 – 197
15. Народное хозяйство Красноярского края. – Красноярск, 1976. – С. 174, 177.
16. Народное хозяйство Красноярского края. – Красноярск, 1985. – С. 157.
17. Народное хозяйство Красноярского края. – Красноярск, 1990. – С. 105, 108–110.
18. Очерки истории красноярской краевой организации КПСС. 1895–1980. – Красноярск, 1982. – С. 527–529.
19. *Салахова Л.М.* Культура молодых индустриальных городов Восточной Сибири в середине 50-х – 80-е годы. Опыт Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса. – Братск, 2005. – С. 72–73.
20. *Славина Л.Н.* Образование и интеллектуальный потенциал Красноярского края (некоторые итоги развития в советский период)// Народное образование в Красноярском крае. III Краеведческие чтения. – Красноярск, 2002. – С. 17–18; Народное хозяйство Иркутской области 1981–1985 гг. – Иркутск, 1987. – С. 130–136; Народное хозяйство Иркутской области. – Иркутск, 1972. – С. 246–249; Составлено по: Итоги всесоюзных переписей населения 1959 и 1989 гг. – URL: www.demoscope.ru

УДК 908.321

Э.Г. Колесник, М.Г. Тарасов

**К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ ПРЕДПАРЛАМЕНТА
В ОКТЯБРЕ 1917 г.**

E.G. Kolesnik, M.G. Tarasov

**TO THE QUESTION OF THE FATE OF THE PARLIAMENT
IN OCTOBER 1917**

В статье предпринимается попытка анализа причин и последствий противостояния большевиков и других политических сил по вопросу о создании и деятельности Предпарламента. К осени 1917 г. резко обострился политический кризис в России. Наибольшие выгоды из создавшейся ситуации извлекли большевики, показавшие себя наиболее организованной и решительной силой. В этих условиях Временное правительство предпринимает попытку выйти из кризиса демократическим путем. Создается Временный Совет Республики («Предпарламент»). Предполагалось, что он будет осуществлять контроль над правительством до созыва Учредительного собрания. Большевики поддержали позицию В.И. Ленина о необходимости бойкота этого органа власти, что и было реализовано на практике. Оценивая работу Предпарламента, можно охарактеризовать ее как неэффективную. Ни по одному из обсуждаемых вопросов не было принято конкретных решений. В такой обстановке большевистский ЦК принимает решение о вооруженном восстании, которое и было успешно реализовано 25 октября 1917 г. Последним реальным делом Предпарламента была попытка созданного им так называемого «Комитета спасения родины и революции» осуществить 29 октября контрпереворот. Но уже на следующий день это выступление было подавлено отрядами Красной гвардии. На этом и кончается история Предпарламента. Таким образом, осенью 1917 г. в России столкнулись линия демократического, реформаторского, парламентского пути развития и линия крайне левого радикализма, направленного на разрушение существующего политического режима. В результате этого столкновения власть оказалась в руках большевиков, чьи лозунги отвечали интересам широких слоёв населения.

Ключевые слова: Предпарламент, Учредительное собрание, Временное правительство, большевики, Октябрьский переворот.

The article makes an attempt to analyze the causes and consequences of the confrontation between the Bolsheviks and other political forces on the issue of establishment and activity of Parliament. By the autumn of 1917 the

political crisis in Russia sharply escalated. The greatest benefit of this situation drew the Bolsheviks, who had shown themselves the most organized and decisive force. In these circumstances the Provisional government attempted to emerge from the crisis in a democratic way. The Temporary Council of the Republic ("Parliament") is created. It was assumed that it would control the government until the convening of the Constituent Assembly. The Bolsheviks supported Lenin's position on the necessity of the boycott of the authority, which was implemented in practice. Assessing the performance of Parliament it can be described as ineffective. None of the issues discussed was supported by concrete decisions. In such circumstances, the Bolshevik Central Committee decided on armed uprising, which was successfully implemented on 25 October 1917. The last real business of Parliament was the attempt created the so-called "Committee to save the Motherland and revolution" to carry out 29 October counterrevolution. But the next day this speech was suppressed by the red guards. The history of Parliament finished. Thus, in the autumn of 1917 in Russia the line of the democratic, reformist, parliamentary development path and the line of far left radicalism, aimed at the destruction of the existing political regime confronted. As a result of this collision, the power was in the hands of Bolsheviks, whose slogans responded the interests of wide layers of the population.

Keywords: pre-Parliament, Constituent Assembly, the Provisional government, the Bolsheviks, the October revolution.

Проблема созыва Временного совета Республики (Предпарламента) является недостаточно изученной в отечественной исторической науке. В советской историографии Предпарламент изображался как инструмент буржуазии, носящий исключительно контрреволюционный характер, а единственно возможным и правильным путем дальнейшего развития страны считалась передача всей полноты власти Советам, представлявшим интересы большинства населения. В последние годы ряд отечественных историков, используя альтернативный подход к событиям 1917 г., рассматривают Временный совет Республики как попытку парламентскими методами решить вопрос о власти, сплотить все демократические силы страны и достичь взаимопонимания между властью и обществом [1, с. 342]. Более того, создание Предпарламента оценивается как вполне реальная линия развития России в ситуации, сложившейся к середине осени 1917 г. Так ли это?

Рассмотрим события того времени в их последовательности. Поражение корниловщины имело для России далеко идущие последствия. Правые силы были разгромлены, кадеты утратили былой авторитет,

усилился разброд среди умеренных социалистов, правительство продемонстрировало неспособность управлять ситуацией. Наибольшие выгоды из политического кризиса извлекли большевики. Им удалось показать себя наиболее организованной и решительной силой и значительно увеличить свое представительство в Советах. В результате появился реальный претендент на политическую власть.

В таких условиях Временное правительство предпринимает очередную попытку выйти из кризиса демократическим путем. 1 сентября Россия провозглашается республикой, а 14–22 сентября на Демократическом совещании, куда входили представители Советов, профсоюзов, земств, кооперативов, правительство получает «вотум доверия». Одновременно с этим был создан Временный совет Республики («Предпарламент»). Предполагалось, что он будет осуществлять контроль над правительством до созыва Учредительного собрания и служить инструментом связи между властью и обществом.

Следует отметить, что среди большевиков в этом вопросе не было единства. Подавляющее большинство членов ЦК (Л.Б. Каменев, Л.Д. Троцкий, В.П. Ногин, И.В. Сталин, Г.И. Ломов и многие другие) считало, что эти органы будут иметь позитивное значение в деле дальнейшего мирного развития революции. Правда, Л.Б. Каменев высказывался за создание коалиционного правительства на основе широкого представительства, а Л.Д. Троцкий требовал передачи всей власти Советам [2, с. 203–204]. И лишь В.И. Ленин категорически настаивал на полном пересмотре тактики участия в Демократическом совещании и Предпарламенте. 15 сентября ЦК большевиков получил от него два письма «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание», в которых он требовал решительно отказаться от прежней тактики компромиссов и выдвигал план немедленной подготовки к вооруженному восстанию с целью захвата власти [3, с. 239–241, 244]. Ленин лучше других понимал, что, во-первых, участие в работе этих органов заставит партию сместиться к центру со всеми вытекающими последствиями – потерей влияния и авторитета в массах, а, во-вторых, лишит большевиков инициативы в борьбе за власть, поскольку главные их козыри – выход из войны и решение аграрного вопроса – могут перейти в другие руки. Эти письма произвели на членов ЦК далеко не то впечатление, на которое рассчитывал их автор – предложения Ленина были отвергнуты, а некоторые даже требовали сжечь эти письма [4, с. 319]. Но Ленин не был бы Лениным, если бы признал свое поражение. В своих последующих статьях «Кризис назрел» и «Удержат ли большевики государственную власть?» он вновь требует бойкота Предпарлаamenta и даже выступает против связывания вопроса о восстании с решениями Второго съезда Советов [5, с. 281–282, 340–341]. И это жесткое давление на членов

ЦК начинает приносить результаты. Рассмотрим данный вопрос подробнее.

3 октября 1917 г. было опубликовано положение о Временном Совете Республики. По нему Предпарламент состоял из 475 человек, назначаемых Временным правительством по представлению общественных организаций [6, с. 211–212]. Совет Республики являлся совещательным учреждением, дающим заключения по делам, вносимым на обсуждение правительства. При этом правительство имело право отвергать представленные заключения «по соображениям государственной безопасности» [7, с. 235]. По неполным данным партийный состав Предпарламента был следующим: эсеров – 135, меньшевиков (включая интернационалистов) – 92, кадетов – 75, большевиков – 58, народных социалистов – 30 [8, с. 388]. Остальные места достались так называемым «цензовикам» – представителям прочих социальных и общественных групп, включая казачество и духовенство. Председателем был избран правый эсер Н.Д. Авксентьев.

Большевики явились на заседание с опозданием. Причина состояла в том, что в эти часы они выработывали свою окончательную позицию по отношению к Предпарламенту. Минимальным большинством голосов была принята ленинская точка зрения бойкота Предпарламента. Но и этого минимума оказалось достаточно, чтобы революция вступила в новый этап. По словам Л.Д. Троцкого, активного сторонника бойкота, было решено «идти не через Предпарламент – в качестве "революционного" хвоста соглашателей, а на улицы – для борьбы за власть» [9, с. 268].

После появления большевиков в зале заседаний слово было предоставлено Л.Д. Троцкому для внеочередного заявления. Его выступление продолжалось не более десяти минут, произведя настоящий фурор. От имени большевиков он обвинил правительство и послушные ему партии в усугублении экономической разрухи, неспособности решить вопросы о мире и земле, о «новом контрреволюционном заговоре» и заявил о полном разрыве с Предпарламентом.

Большинство участников Предпарламента проводили Троцкого со товарищи презрительными взглядами и возгласами: «Скатертью дорога! Без вас спокойнее и приятнее» [10, с. 237]. Но была и другая реакция. Участник тех событий меньшевик-интернационалист Н.Н. Суханов дал, на наш взгляд, весьма объективную и достаточно верную оценку случившемуся. Его позиция, во-многом разделяемая автором настоящей статьи, заслуживает того, чтобы быть озвученной полностью. «Для предпарламентского большинства ушедшие были только кучкой... Для нас (меньшевиков-интернационалистов. – Э.К.) это была подавляющая часть рвущегося в бой, пышущего классовой ненавистью пролетариата, а также истерзанной солдатчины, а также отчаявшихся в революции кре-

стьянских низов. Это была огромная народная лавина... Силами одной своей партии пролетарского авангарда, окруженного миллионами случайных и ненадежных попутчиков, они хотят создать новое невиданное пролетарское государство и новый невиданный социально-экономический строй. Они хотят сделать это в нашей разоренной, полудикой, мелкобуржуазной, хозяйственно распыленной стране. Они хотят сделать это против ... единого буржуазного фронта, поставив окончательно крест на едином фронте демократии.

Новая революция была допустима, восстание было законно, ликвидация существующей власти была необходима. Но все это было так при условии единого демократического фронта... Это означало борьбу с оружием в руках только против крупного капитала и империализма. Это означало только ликвидацию политического и экономического господства буржуазии и помещиков. Это не означало ликвидации экономических и социальных основ всего старого общества. Это означало правомочное участие мелкобуржуазных, меньшевистско-эсеровских групп в строительстве нового государства вместе с пролетариатом и крестьянством. Они все были безусловно необходимыми элементами новой государственности, возникающей на развалинах государства эксплуататорского меньшинства.

Для этого был необходим единый фронт, теснейший союз революционных низов с мелкобуржуазной серединой. Достигнуть его было крайне трудно... И в этом-то и состояла бы настоящая мудрость пролетарской революционной партии, чтобы всей своей политикой обеспечить единый фронт, притянуть к союзу мелкобуржуазные группы, без которых нельзя было вывести на правильный путь революцию и основать на прочном базисе новое рабоче-крестьянское государство в нашей мелкобуржуазной стране.

Но руководители большевистской партии были чужды и враждебны всему сказанному... И они всегда вели не политику союза, а противоположную политику разрыва, раскола и взаимной изоляции.

Уход большевиков из Предпарламента был знаменательным шагом. Бросив избирательные бюллетени, большевики на глазах у всех, имеющих их, чтобы видеть, схватили винтовки» [11, с. 238–239].

Дальнейшие события подтвердили правоту последних слов Н.Н. Суханова. В комфортабельных апартаментах Мариинского дворца царила вялая, равнодушная, искусственная инсценировка настоящего парламента и настоящего дела – все начиналось и заканчивалось пусто-порожними разговорами об «обороне Отечества» и «спасении революции». А когда 20 октября военный министр А.И. Верховский выдвинул программу сокращения армии и выхода России из войны, Комиссия Предпарламента по обороне и иностранным делам отклонила ее. В тот

же день последовал приказ Временного правительства об отставке А.И. Верховского [12, с. 373]. Комментарии, как говорится, излишни.

В такой обстановке в Петроград возвращается В.И. Ленин, и при его самом активном участии на заседании ЦК 10 октября принимается резолюция о непосредственной подготовке к вооруженному восстанию. Причем в ходе обсуждения вопроса Ленин уже говорит о «технической стороне» и требует его проведения, не дожидаясь ни съезда Советов, ни тем более Учредительного собрания, ибо «ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно» [13, с. 392]. В соответствии с этой установкой следующее совещание ЦК 16 октября утвердило план восстания и избрало центр по его руководству. До съезда Советов оставались считанные дни, и в каждый из них мог прозвучать призыв к восстанию.

Анализируя ситуацию, можно сделать вывод, что столь резкие перемены во взглядах руководителей партии большевиков на ситуацию в стране и способ выхода из кризиса вызваны, прежде всего, неустанной деятельностью Ленина. Вопреки мнению большинства, он в течение нескольких недель уговаривал, настаивал, требовал, угрожал и в конце концов силой убеждения и личного авторитета добился принятия решения ЦК о вооруженном выступлении. Трудно найти более яркий и убедительный пример о роли личности в истории.

Между тем, большевики, казалось бы, сами дали повод усомниться в их единстве и решительности. 18 октября «Новая жизнь» напечатала интервью с Каменевым, в котором он от своего имени и от имени Зиновьева заявлял о несогласии с решением ЦК «выступить» до открытия съезда Советов. В данном случае для нас интересна реакция на это событие со стороны Предпарламента. Н.Н. Суханов отмечает, что часть его депутатов выступила с истеричной критикой большевиков, часть с удовлетворением отметила наличие «глубокого раскола» в их рядах (напомним, что уже через день Каменев и Зиновьев выступили с покаянными заявлениями. – *авт.*), а большинство с надеждой смотрело на правительство, в котором «царила спокойная уверенность сильной власти. Во-первых, выступление считалось сомнительным, раз уж планы раскрыты. Во-вторых, все эти планы отлично известны правительству, так хорошо организованному. И вообще, впадать в панику могут только обыватели, а отвлекаться от серьезных государственных дел ради этих толков никаких оснований нет. Ведь, в конце концов, тут только одни большевики. А против них – вся страна, которая – с правительством» [14, с. 274–276]. Пожалуй, эти слова непосредственного участника происшедшего являются лучшим свидетельством полного отрыва Предпарламента от реальной действительности.

О дальнейших событиях в Петрограде всем хорошо известно. Остается только добавить, что последним и, кстати, первым по-настоящему

реальным делом Предпарламента была попытка созданным им так называемым «Комитетом спасения родины и революции» осуществить 29 октября контрпереворот. Но уже на следующий день это выступление было подавлено отрядами Красной гвардии. На этом и кончается история Предпарламента.

Таким образом, осенью 1917 г. в России столкнулись линия демократического, реформаторского, парламентского пути развития и линия крайне левого радикализма, направленного на разрушение существующего политического режима.

Сторонники первой линии пытались строить политику на основе законности, правопорядка, гражданского мира, многоукладности. Войдя в правительство и Предпарламент, социалисты вынуждены были менять свое отношение к социальным интересам, выдвигая на первое место общегосударственные. Однако ситуация в стране работала против них. Бесконечная война, экономическая разруха, реальная угроза голода в городах, нерешенность аграрного вопроса давали мощную подпитку леворадикальным силам, уловившим в полном смысле исторический момент, когда можно было воспользоваться слабостью, нерешительностью, ошибкой политического противника, чтобы разгромить его. И большевики во главе с Лениным, оперативно реагируя на поведение беднейших и пострадавших в тылу и фронте масс, выдвигая решительные требования реализовать насущные интересы большинства населения, блестяще воспользовались этим.

Литература

1. История России в вопросах и ответах. – Ростов н/Д., 1999.
2. Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. – М., 1989.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. – М., 1969.
4. Пролетарская революция. – 1922. – № 10.
5. Ленин В.И. Указ. соч.
6. Рабинович А. Указ. соч.
7. Суханов Н.Н. Записки о революции: в 3 т. – М., 1992. – Т. 3.
8. Там же.
9. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. – М., 1990.
10. Суханов Н.Н. Указ. соч.
11. Там же.
12. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т. – М., 1990. – Т. 2.
13. Ленин В.И. Указ. соч.
14. Суханов Н.Н. Указ. соч.

УДК 94(571.51)

А.С. Ильин

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПЛАТНЫХ ПУБЛИЧНЫХ ЛЕКЦИЙ
В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ 40-х гг. XX ВЕКА**

A.S. Ilyin

**ORGANIZATION OF PAID PUBLIC LECTURES IN KRASNOYARSK
REGION IN THE EARLY 40-ies OF THE TWENTIETH CENTURY**

Цель статьи – исследование механизмов предоставления государством платных услуг. 2 октября 1940 г. в СССР ввели платное обучение. Еще раньше установили плату за публичные лекции. Билет на лекцию стоил 50 копеек. Красноярский крайком партии 28–30 декабря 1940 г. провел совещание лекторов. Лучшие всех вел лекционную работу Красноярский горком ВКП(б). Секретарь Моисеев рассказал, что прочитано 202 платные лекции. Составлен план лекционной работы на месяц. Напечатали 1000 пригласительных билетов и 200 экземпляров афиш. Объявление о лекции опубликовали в газете «Красноярский рабочий» и по местному радио. На лекции ходило мало слушателей. Секретарь предложил выбирать более интересные темы. В Красноярске в 1940 г. прочитали 1 686 лекций, на которых присутствовали 114 900 человек. Больше всего лекций было по международной политике (585), затем – по истории ВКП(б) (320), произведениям классиков марксизма-ленинизма (116) и философии (120). По истории СССР прочитали 125 лекций. Научно-популярным темам посвятили 261 лекцию, и антирелигиозным темам – 71 лекцию. Среди прочих тем читали лекции «Новая политическая структура в Японии», «Богатства нашего края», «Воздушная война между Германией и Францией». В г. Черногорске на лекцию «О любви в семье» пришло 600 человек. В Красноярском крае создали армию агитаторов. Среди них были штатные лекторы и внештатные специалисты из разных сфер жизни. Многие лекторы не отличались теоретической подготовкой и халатно относились к публичной деятельности. Они несли населению официальную политику Коммунистической партии и правительства, особенно в международной сфере. Лекторы выполняли функции коммуникаторов между властью и населением. Введение платы за знания противоречило Конституции СССР. Это указывает на изменение политического строя в стране. Армия лекторов помогала правящей элите скрывать это событие.

Ключевые слова: лектор, лекции, население, платные услуги.

The article purpose is the research of procedures for granting paid services by the state. On October, 2, in 1940 paid training entered the USSR. The payment for public lectures had been established even earlier. The ticket for a lecture cost 50 kopeks. Krasnoyarsk regional committee of party organized on December 28-30, 1940 the meeting of lecturers. Krasnoyarsk city town committee of All-Union Communist Party (bolsheviks) conducted lecture work best of all. The secretary Moiseev told that 202 paid lectures had been given. The plan of lecture work for a month was made. 1000 of invitation cards and 200 copies of posters were printed. The announcement of the lecture was published in the newspaper "Krasnoyarsky rabochy" and by local radio. Lectures were attended by few listeners. The secretary suggested choosing more interesting subjects. In Krasnoyarsk in 1940 1 686 lectures were given at which 114 900 people were present. Most of lectures were on international policy (585), then on history of All-Union Communist Party (bolsheviks) (320), the works of classics of Marxism-Leninism (116) and philosophies (120). On the history of the USSR 125 lectures were given, 261 lectures were about science-popular subjects, antireligious sphere were the topic of 71 lectures. Among other subjects the lectures on "New political structure in Japan", "Richness of our edge", "Air war between Germany and France" were given. In Chernogorsk 600 people came to the lecture "About love in a family". In Krasnoyarsk region the army of propagandists was created. Among them there were regular lecturers and non-staff experts from different spheres of life. Many lecturers did not differ in theoretical preparation and negligently treated public activity. They bore to the population official policy of Communist party and the government, especially in the international sphere. Lecturers carried out the functions of communicators between the power and the population. Introduction of a payment for knowledge contradicted the Constitution of the USSR. It indicated the change of the political system in the country. The army of lecturers helped ruling elite to hide this event.

Keywords: lecturer, lectures, population, paid services.

Со 2 октября 1940 г. за грамотность в СССР пришлось платить деньги. В этот день опубликовали постановление СНК СССР № 638 «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначений стипендий». Хотя законы не имеют обратной силы, с 1 сентября родителям школьников Москвы, Ленинграда и столичных городов союзных республик следовало заплатить по 200 рублей, а в прочих городах и селах – по 150 рублей в год. Столько же стоило обучение в средних специ-

альных заведениях. Студентам вузов требовалось заплатить по 300–400 рублей [1].

В Красноярском пединституте некоторые студенты спрашивали, не противоречит ли Указ советской Конституции? Они запомнили, что 121-я статья гарантировала им право на бесплатное образование. За две недели из института сбежали 85 человек, и только 2 человека внесли плату по 300 рублей. В свою очередь педагоги сомневались, оставят ли их на работе, когда уйдет большая часть студентов. Им пообещали провести дополнительный набор и открыть вечернее отделение [2].

Чуть раньше ввели плату за публичные лекции. Поскольку правительственного решения по этому вопросу обнаружить не удалось, вероятно, что документ приняли в недрах партийного аппарата. Стоимость билета на публичную лекцию определили в 50 копеек.

В сентябре 1940 г. Красноярский крайком ВКП(б) решил выяснить, как обстоят дела с платными лекциями, и направил письмо горкомам и райкомам с требованием сообщить информацию.

25 сентября заведующий отделом пропаганды и агитации Канского горкома Павелъев написал докладную записку секретарю крайкома Мазовецкому. Он сообщил, что лекции теперь читаются платные, а их качество значительно выросло. Вместе с тем, он заметил, что предварительная продажа билетов плохо себя оправдывает. На Винзаводе было продано 45 билетов, а присутствовало 37 человек. На Чугунолитейном заводе продали 70 билетов, но присутствовало 50 человек.

Поэтому партийный работник признался, что не имеет опыта проведения платных лекций. Он просил секретаря оказать ему помощь, разъяснить, как лучше организовать платные лекции, и особенно продажу билетов [3].

Вероятно, такие просьбы были и в других докладных записках. Поэтому крайком партии 28–30 декабря 1940 г. провел краевое совещание лекторов. На нем присутствовали третьи секретари, заведующие отделами пропаганды и агитации райкомов и горкомов партии, а также ведущие лекторы края.

С инструктивным докладом выступил секретарь крайкома Савельев. Он заявил, что гений человечества Ленин и великий продолжатель его дел, великий вождь товарищ Сталин уделяли большое внимание агитации и пропаганде. Поэтому он видел в агитационной работе основной рычаг для разрешения всех хозяйственных и политических задач [4, л. 103–116].

Председатель крайисполкома Соколов добавил, что указание о чтении платных лекций не выполнено. Савельев возглавлял одну из комиссий ЦК ВКП(б) и был на приеме у секретаря ЦК А. Жданова. Тот распорядился уделить особое внимание платным лекциям. Об этом же было сказано на одном из последних совещаний в ЦК ВКП(б) [5, л. 358].

Центральное место в выступлениях участников совещания заняла тема организации лекционной работы.

Заведующий отделом пропаганды и агитации Абаканского горкома ВКП(б) Дианов рассказал, что за год в городе прочитали 114 лекций. Однако к организации платных лекций партийцы приступили только в ноябре и с большой опаской. За месяц прочитали 19 платных лекций. Секретари партийных организаций возмущались тем, что должны торговать билетами. Их собрали на совещание и договорились, как распространять билеты и сдавать корешки. О платных лекциях стали оповещать по радио 2-3 раза в день [6, л. 1].

Лектор крайкома Поденкова пожаловалась на плохую организацию лекций. Она ездила в Уярский район. Там у крыльца парткабинета вывесили объявление, написанное на старой газете. На лекцию продали 100 билетов, а пришли всего 10–12 человек. Поденкова спросила женщину, знает ли она тему лекции? Кандидат партии думала, что про детские болезни. При этих словах в зале раздался дружный смех, поскольку лекция была посвящена популярной работе В.И. Ленина [6, л. 74].

Секретарь крайкома Мозовецкий отметил, что платные лекции хорошо читали в Ужурском и Балахтинском районах, но раскритиковал работников из Даурска. Там на платную лекцию продали столько билетов, что зал не вместил всех слушателей. Лекцию назначили на 19 часов. При этом заведующий отделом пропаганды и агитации под ручку с женой пришел к 20 часам. Мозовецкий пошутил, что никому не запрещено ходить с женами под ручку. Это право любого гражданина, даже заведующего отделом. Но заведующий должен был организовать мероприятие, а потом его открыть [7, л. 146–148].

Заведующий отделом пропаганды и агитации Боготольского райкома Хребков пожаловался на проблему с помещениями. Райком просил клуб для проведения лекций у железной дороги, но клуб требовал арендную плату за проведение коммерческого мероприятия. Райкомовцам приходилось каждый раз согласовывать вопрос с политотделом железной дороги [6, л. 66].

Лучше всех организовал лекционную работу Красноярский горком ВКП(б). Секретарь Моисеев рассказал, что прочитано 202 платные лекции. Составлен план лекционной работы на месяц, который загодя рассылался секретарям партийных организаций. Затем печаталось 1 000 пригласительных билетов и 200 экземпляров плакатов. За 3–5 дней до лекции в городе вывешивалось объявление и извещались секретари. Кроме того, объявление о лекции публиковали в газете «Красноярский рабочий» и передавали по местному радио. При этом Моисеев признался, что, несмотря на такую большую работу, посещение лекций незначительное. Вероятно, следовало выбирать более интересные темы [6, л. 36].

Тематику публичных лекций нельзя назвать обширной. В Красноярске в 1940 г. прочитали 1 686 лекций, на которых присутствовали 114 900 человек. Больше всего прочитали лекций по международной политике (585), затем – по истории ВКП(б) (320), по произведениям классиков марксизма-ленинизма (116) и по философии (120). По истории СССР прочитали 125 лекций. Научно-популярным темам посвятили 261 лекцию и антирелигиозным темам – 71 лекцию. Среди прочих тем читали лекции «Новая политическая структура в Японии», «Богатства нашего края», «Воздушная война между Германией и Францией» [6, л. 32–33].

В Абакане большинство лекций посвятили международному положению и Указу «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 6-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». По истории ВКП(б) лекций прочитали меньше, так как все коммунисты изучали разные главы «Краткого курса» [6, л. 4].

Многие лекторы просили сведений по развитию Красноярского края. Секретарь Савельев пообещал издать материалы по пятилетнему плану. Кроме того, можно было издать книгу или альбом по экспонатам выставки достижений края за две Сталинских пятилетки, которую развернули на краевой партконференции [4, л. 118].

Партийцев заботила посещаемость лекций. Абаканский работник Дианов считал, что посещаемость лекций хорошая, особенно по международной тематике. Однако случались промахи. Маленькая организация Горкомхоз продала по всему городу 80 билетов, а на лекцию пришло всего 30 человек [6, л. 4].

Заведующий отделом пропаганды и агитации Боготольского райкома Хребков признался, что с сентября они провели только 3 платные лекции. Средняя посещаемость составляла 170 человек, а на платных лекциях – 93 человека. Некоторые темы вызывали больший интерес слушателей. На лекции «Необходимость перехода на 8-часовой рабочий день» присутствовали 400 человек. Послушать лектора крайкома Нестерова про философию пришли 260 человек. Однако слушатели задали вопрос: «Исходит ли Указ от 26 июня из диалектики» [6, л. 64]?

Инструктор крайкома Василевич рассказал, что на платные лекции народ идет хорошо. В Черногорске на лекцию «О любви в семье» пришло 600 человек, большой зал еле вместил слушателей [6, л. 12].

Тем временем в Красноярском крае начало складываться ядро будущей армии лекторов. По мнению председателя крайисполкома Соколова, самая квалифицированная лекторская группа действовала при крайкоме партии. Крайкомовские лекторы прочитали 105 лекций по разъяснению вопросов истории партии, из них 74 лекции в районах

края. Их лекции отвечали самым строгим идеологическим требованиям [5, л. 358–362].

Однако лектор крайкома Поденкова поведала, что в их группе работали всего 7 человек. Более того, эта группа уменьшалась с каждым месяцем. Более двух месяцев лекторы не имели своего кабинета для работы. У них не было стола, куда можно было бы положить литературу и материалы. В основном они сидели в читальном зале. Лекторы почти 5 месяцев не собирались для обсуждения содержания лекций. Поденкова посоветовала руководителю сектора отдела пропаганды Тропину заняться этим вопросом [6, л. 79–80].

Квалифицированными лекторами располагал Красноярский горком партии. Группа состояла из 2 штатных и 28 внештатных лекторов. В качестве внештатных лекторов привлекли городскую интеллигенцию. В том числе выступал с лекциями кандидат физико-математических наук Киренский, будущий академик [6, л. 33].

В районах с лекторами было хуже. С лекциями выступали партийные работники и сельская интеллигенция. По указанию крайкома объединили лекторские группы райЗО и райисполкомов. Так, на бюро Боготольского райкома утвердили кандидатуры 31 лектора. В лекторскую группу входили врачи и агрономы. Из них 17 человек уже прочитали лекции, а 14 человек еще только готовились [6, л. 64].

Качество лекций вызывало много нареканий. Лектор Красноярского горкома Накрохин прочитал лекцию «Война в Европе». В крайком немедленно поступил сигнал, что лекция была прочитана неудовлетворительно. Работники горкома разобрались, сигнал оказался ложным [6, л. 36]. Это было счастливое исключение.

Инструктор крайкома Василевич поделился впечатлением от работы лектора Ханжина. Тот не написал текст лекции и зачитал только ее конспект. Получилось что-то вроде винегрета. Он заявил, что классовая борьба началась в первобытном обществе, но не показал, кто против кого боролся. Затем он говорит: «Буржуазное общество – самое ленивое» (смех в зале). Из этого следовало, что и пролетариат сам ленивый, ничего не способен создать. Когда его спросили, кто такой Фейербах, он ответил, что на эту тему будет отдельная лекция. Секретарю райкома пришлось за него извиняться перед слушателями.

Случались промахи и у партийных работников. Балахтинский секретарь райкома, который считал себя немаленьким специалистом в области теории, в лекции употребил выражение «атрибуты государства». Его спросили, что это такое? Он ответил, что это вроде требухи у коровы (смех в зале) [7, л. 145–146].

Инструктор Василевич сообщил, что красноярцы присылают лекции в крайком на рецензию. Напротив, лекторы в Черногорске брали статью из последнего журнала, перепечатывали, и получалась готовая лекция. Он был убежден, что так работать нельзя, нужен перспективный тематический план [6, л. 18–19].

Опытный лектор Канцелярский поделился с коллегами сокровенными мыслями. По его наблюдению, некоторые товарищи были уверены, что если не проводить лекции, так подумают, что они и не работают. Он считал, что лекции – это огромное искусство. Это не самоцель, а средство коммунистического воспитания. Канцелярский не помнил случая, чтобы шел на лекцию без внутреннего волнения.

Поскольку лекционная работа была поставлена недавно, то все являются молодыми лекторами. Поэтому в крае не было лекторов, у которых были бы безупречные лекции по содержанию. Канцелярский знал одного человека, которого уже исключили из партии. Он так красиво говорил, держал аудиторию, но ничего от доклада не оставалось. Все уходило в красоту.

Другой лектор читал лекцию в селе Большая Мурта. После лекции он стал беседовать со слушателями. Они сказали, что лекция хорошая, но они не поняли, на каком языке им ее прочитали. Как говорится, простота изложения пропорциональна содержанию. Канцелярский заметил, что многие лекторы употребляли всего 50–60 слов. До чего же бедны такие лекции!

Сам Канцелярский читал лекции так, чтобы самый худший слушатель задумался, как надо себя вести. Часто лекторы не убеждали, а просто излагали материал. Одному лектору задали вопрос в связи с платным обучением, что не все будут иметь возможность учить своих детей в высших учебных заведениях. Тот ответил, что это неправда, у всех есть материальная возможность. Прозвучало неубедительно.

Напористость в лекции – это значит не пасовать перед казуистическими вопросами. На фабрике «Спартак» спросили: «Почему Сталинская конституция говорит одно, а на деле другое»? Лектора Некрохина спросили: «Почему мы заключили договор с Германией, гоним туда продовольствие, а сами терпим недостаток»? Некрохин прямо заявил, что, действительно, больше чем обычно гоним туда масло, яйца и хлеб. Слушатели ушли убежденные в необходимости такого мероприятия [6, л. 67–72].

Лекторов готовили в университете марксизма-ленинизма и на курсах агитаторов. Инструктор крайкома Василевич рассказал, что в Черногорске организовали университет, а лекции читать некому. За 20 дней

октября все освобожденные лекторы прочитали по одной лекции, а потом стали готовить следующую лекцию [6, л. 18].

Лектор Канцелярский тоже считал, что университет марксизма-ленинизма в Черногорске зря открыли. Он читал лекции в Красноярском университете марксизма-ленинизма. Там преподаватели чувствовали ответственность и следили за каждым человеком: почему он не пришел на занятие? Может, ему лектор не понравился, и он больше вообще не придет?

Тем не менее, Канцелярский с сожалением заметил, что если занятия в университете дотянутся до весны, это будет большим достижением. В нем осталось 50 процентов слушателей.

Его замечание не понравилось секретарю крайкома Мазовецкому. Он из президиума закричал: «Неправильно». Тогда Канцелярский пояснил, что в университет записалось 700 человек, а ходят на занятие лишь 400 слушателей. Поскольку ввели платное обучение, администрация вывесила объявление: «Кто не уплотнит до 29 декабря, будет исключен из университета» [6, л. 72–74].

За учебу на курсах агитаторов слушатели не платили, но в районах не хватало средств на их организацию. 3-й секретарь Боготольского РК ВКП(б) Горшков рассказал, что был вынужден закрыть районные курсы. На питание и проживание в Доме колхозника 45 слушателей израсходовали все отпущенные 2 100 рублей. Даже преподавателям не платили за работу. Когда агитаторы узнали, что денег нет и курсы закрываются, они заявили, что будут заниматься на свои средства, лишь бы им дали преподавателей [4, л. 47-а].

Секретарь крайкома Савельев считал, что преподаванием занимались заведующие отделами, которые получали заработную плату в райкомах. Но если кое-кто из секретарей найдет возможность платить внештатным лекторам, то пусть платят [4, л. 117].

Таким образом, в начале 40-х гг. XX века в СССР сделали платными публичные лекции. К тому времени в Красноярском крае начало складываться ядро армии агитаторов. Среди них были штатные лекторы партийных органов и внештатные специалисты в разных сферах жизни и деятельности общества. Многие из них не отличались хорошей теоретической подготовкой и халатно относились к своей публичной деятельности. Вместе с тем, они доносили населению официальную идеологию и подробности политики компартии и правительства, особенно в области международной политики. Кроме того, лекторы выполняли функции коммуникаторов между властью и населением.

Однако введение платы за обучение вопреки Конституции СССР указывает на отказ от достижений революции и изменение политического строя в стране. Армия лекторов помогала правящей элите скрывать это событие.

Литература

1. Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначений стипендий: постановление № 638 от 26.10.1940 г. // URL: <http://www.zarplata.ru>.
2. Информация об обсуждении и реализации Указа Президиума ВС СССР от 2.10.1940 г. «О государственных трудовых резервах СССР» от 23.10.1940 г. // ГАКК. Ф. П-26. – Оп. 1. – Д. 981. – Л. 10–13.
3. Докладная записка Канского горкома ВКП(б) от 25.09.1940 г. // ГАКК. – Ф.П-26. – Оп. 1. – Д. 998. – Л. 40–41.
4. Стенограмма выступлений на краевом совещании третьих секретарей РК ВКП(б), заведующих отделами пропаганды и агитации и лучших агитаторов районов края, 12–13 апреля 1939 г. // ГАКК. – Ф. П-26. – Оп. 1. – Д. 842.
5. Стенограмма III Краевой партконференции, 22–25 февраля 1939 г. // Ф. П-26. – Оп. 1. – Д. 766.
6. Стенограмма вечернего заседания краевого совещания лекторов и зав. отделами пропаганды и агитации РК, ГК ВКП(б), 28–30 декабря 1940 г. // ГАКК. – Ф. П-26. – Оп. 1. – Д. 1001.
7. Стенограмма краевого совещания заведующих отделами пропаганды и агитации райкомов ВКП(б), 15-16 июля 1939 г. // ГАКК. – Ф. П-26. – Оп. 1. – Д. 843.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316.613.42:316.62

Т.А. Медведева

ПРОЩЕНИЕ КАК ФИГУРА ПРИЗНАНИЯ: ДИСКУРС АГАРĒ У П. РИКЕРА И В. ЯНКЕЛЕВИЧА

Т.А. Medvedeva

FORGIVENESS AS A FIGURE OF RECOGNITION: THE DISCOURSE AGARĒ FROM P. RICOEUR AND V. YANKELEVICH

В статье осуществлен сравнительный анализ концепции признания П. Рикера и концепции прощения В. Янкелевича. Предмет анализа – феномены признания и прощения в контексте дискурса жертвенной любви (агарĒ). Цель исследования – обозначить контуры семантического поля философемы «прощение» и выявить черты его сходства с семантикой концепта «признание». На основе предложенной П. Рикером методологии исследуемые феномены рассмотрены в их укорененности в обоюдности и взаимности как фундаментальных модусах социального бытия. Показано значение справедливости как формы обоюдности в конституировании прощения. Продемонстрирована диалектика порядков справедливости и взаимности в движении к прощению индивидов и общества. На примере феномена прощения проиллюстрирован тезис П. Рикера о родстве подлинного признания с присущей агарĒ склонностью к дару. Исходя из этого, прощение и признание рассмотрены как формы трансцендирования за рамки циркулирующей в обществе системы обмена. Рассмотрена роль негативного как онтогносеологического основания признания и прощения. В результате сделан вывод о правомерности трактовки прощения как фигуры признания в контексте объединяющего их дискурса жертвенной любви.

Ключевые слова: признание, прощение, агарĒ, взаимность, справедливость, дар, негативное.

The article presents a comparative analysis of the concept of recognition of Paul Ricoeur and the concept of forgiveness V. Yankelevich. The subject of analysis – the phenomena of recognition and forgiveness in the context of the discourse of sacrificial love (agarĒ). The purpose of research – to shape the semantic field philosophemes "forgiveness" and to identify the fea-

tures of its similarity with the semantics of the concept of "recognition". As a result, based on the methodology proposed by Paul Ricoeur, studied the phenomena considered as rooted in reciprocity and mutuality as the fundamental modes of social existence. The importance of justice as a form of mutuality in the constitution of forgiveness is showed. Demonstrated dialectic orders equity and reciprocity in the movement of individuals and societies to forgiveness. For example on the phenomenon of forgiveness illustrated the thesis Paul Ricoeur about genuine recognition of kinship with the inherent tendency to agapē gift. Based on this, forgiveness and recognition are considered as a form of transcendence beyond circulating in the community exchange system. Revealed the role of negative as ontoepistemological foundation of recognition and forgiveness. As a result, it concluded on the legality of the interpretation of forgiveness as a figure of recognition in the context of a unifying discourse of sacrificial love.

Keywords: recognition, forgiveness, agape, mutuality, justice, gift, negative.

Начиная со второй половины XX столетия, развитие философской мысли отчетливо демонстрирует поворот от эпистемологической проблематики к проблематике социально-философской. Практически все выдающиеся мыслители конца прошлого – начала нынешнего столетия – Р. Арон, Э. Шюц, Н. Луман, Х. Арендт, К.-О. Апель, Э. Левинас, Р. Жирар, Ж. Деррида и другие – обнаруживают интерес к проблемам социального взаимодействия, рассматриваемого не столько с узко очерченных дисциплинарных позиций (социологии, психологии, философии права и т. д.), сколько с учетом широкого спектра идей антропологии, герменевтики, феноменологии, этнографии.

Работы двух французских философов – Поля Рикера и Владимира Янкелевича не составляют исключения. В работе П. Рикера «Путь к признанию» идеи философов классической эпохи – Аристотеля, Р. Декарта, Т. Гоббса, Дж. Локка, Г.В.Ф. Гегеля – соседствуют с идеями Э. Гуссерля, Э. Левинаса, М. Мосса, К. Леви-Стросса и других современных мыслителей. Книга В. Янкелевича «Прощение» также обнаруживает отход от узкого психологизма в трактовке, казалось бы, сугубо психологического феномена, и выход в ряде моментов на проблематику современной социальной онтологии.

Цель исследования: на основе сравнительного анализа концепции признания П. Рикера и концепции прощения В. Янкелевича обозначить контуры семантического поля философемы «прощение» и выявить черты его сходства с семантикой концепта «признание», что по-

зволит сделать вывод о правомерности трактовки прощения как фигуры признания в контексте объединяющего их дискурса жертвенной любви.

«Путь к признанию» стал последней работой Поля Рикера, вышедшей при его жизни. Отсутствие целостной теории признания, как отмечает во введении автор, послужило главным мотивом для написания книги. Цель своего исследования Рикер определил как анализ трансформаций философского дискурса признания. Названные изменения он фиксирует, прежде всего, в практике повседневного словоупотребления, чтобы в ходе последующего анализа перейти «от лексикографической семантики к семантике философской» [1, с. 17].

Сущность изменений, произошедших во французском языке за столетие (с конца XIX по начало XX века), определяется философом как постепенный переход от использования глагола «признавать/узнавать» в активном залоге к использованию его в пассивном залоге: «признавать» в качестве акта выражает претензию, *claim*, на интеллектуальное овладение полем значений, значимых высказываний. На противоположном конце траектории просьба о признании выражает ожидание, которое может быть удовлетворено лишь в форме взаимного признания, остается ли оно недостижимой мечтой или требует процедур и институций, возводящих признание на уровень политики» [1, с. 24].

В своей работе Рикер исследует три среза феномена признания: признание как идентификация чего-либо, самопризнание и взаимное признание. Каждый из названных срезов подвергается тщательному анализу с целью выявления в нем существенных для тематизации признания аспектов: идентичности, связанной с ней инаковости, и, наконец, диалектики признания и непризнания. В намеченном в общих чертах движении философского дискурса автор неизменно вскрывает трансформации названных аспектов как симптомы разрывов, меняющих направление и характер мысли о признании.

В контексте настоящей статьи особый интерес вызывает тема взаимного признания. Рикер показывает, что на уровне взаимного признания обретение собственной идентичности тесно связано с признанием ее другими.

Что касается аспекта инаковости, связанного на уровне взаимного признания с отношением к Другому, то он находит свое воплощение в различных формах обоюдности. Под обоюдностью понимаются систематические отношения, существующие «над социальными агентами и их взаимодействием» [1, с. 220]. От обоюдности Рикер отличает взаимность как отношение *между* действующими субъектами, отмечая при этом, что при анализе систематических отношений «взаимные связи образуют лишь одну из «элементарных фигур» обоюдности» [1, с. 220]. Однако именно взаимность является необходимым условием взаимного признания. Философ отмечает бесчисленность фигур инаковости в плане

взаимного признания, в работе он касается лишь двух: конфликтности и взаимного великодушия [1, с. 238].

Что касается диалектики признания и непризнания, то наибольшей очевидности, по мнению Рикера, она достигает именно на уровне взаимного признания. Пренебрежение со стороны Другого инициирует борьбу за признание. Однако, если борьба за признание вдохновляется конфликтностью, маркирующей инаковость как противостояние, то взаимное великодушие знаменует в истории этой борьбы «передышки, представляемые состояниями агарē», а также «их горизонт – примирение» [1, с. 238].

Понятие агарē, обозначающее жертвенную любовь, является важным связующим звеном теории признания Рикера и рассматриваемой далее концепции прощения В. Янкелевича, что дает возможность тематизировать прощение как фигуру признания. Рассмотрим признаки дискурса агарē, используемые Рикером для экспликации характеристик взаимного признания.

Агарē рассматривается Рикером (наряду с другими современными авторами, в частности Л. Больтански [2]) как образ (модель) состояния мира. Философ называет три таких модели, обнаруживаемых в европейской культуре: *philia*, *eros* и агарē.

Истоки *philia*, напрямую связываемой Рикером с обоюдностью, он усматривает в философии Аристотеля: рассуждая о дружбе в «Никомаховой этике», греческий философ выявляет условия, благоприятствующие взаимному признанию как сближающему дружбу и справедливость [1, с. 208–209].

Для *eros*, образ которого так ярко был обрисован Платоном, характерно чувство нехватки, лежащее в основе всякого духовного восхождения. Такое чувство чуждо агарē, которая, напротив, склонна давать, одаривать вследствие присущей ей бытийной наполненности. Если *eros* можно уподобить изможденному путнику, жаждущему глотка воды, то агарē сравнима с неиссякаемым источником, утоляющим жажду любого, припадающего к нему.

Из всех вышеназванных образов только агарē отличает односторонний характер великодушия: она никогда не ждет благодарности за свои неисчислимы дары. Не отрицается ли тем самым какая бы то ни было связь между агарē и взаимным признанием? Рикер отвечает на этот вопрос следующим образом: односторонний характер агарē должен уравновесить логику обоюдности, элиминирующей в своих трансцендентных формах какие бы то ни было черты того, что есть *между* людьми.

Такое уравновешивание становится возможным благодаря включенности в агарē понятия ближнего в его христианском значении: «ближний – это не тот, кто находится вблизи, а тот, к кому приближаются» [1, с. 210]. Заповедь «Возлюби ближнего своего» не предполагает

обещания ответной любви и не полагает любовь как «автономно циркулирующую»: она лишь выражает призыв сделать шаг навстречу другому.

Еще одной существенной чертой агарē, акцентируемой Рикером, является то, что она «пребывает в постоянстве». Это означает, прежде всего, присущую этой любви христианскую устремленность к вечности, разрывающей дурную бесконечность времени за счет возможности его со-бытийной наполненности. Такая устремленность определяет сочувствие и прощение как средоточие отношения агарē к любому из людей.

Преимущества агарē становятся отчетливо видны при сравнении ее со справедливостью как модусом обоюдности. Если последняя соотносится с идеей эквивалентности («око за око»), проецируя в будущее бесконечность конфликта, то первая своим односторонним великодушием прерывает эту неисчислимую цепь возмездий и расчетов.

Тем не менее, противоположность агарē и справедливости не отменяет возможности их соизмеримости. Основание для такой соизмеримости Рикер находит во включенности той и другой в язык. Здесь же философом вводится разграничение: если дискурс справедливости – аргументация (возводящая на уровне логики и семантики к сказанному), то дискурс агарē – восхваление [1, с. 210–211]. Последний можно определить и как говорение – в его непосредственной обращенности к ближнему.

В качестве наиболее яркого примера дискурса справедливости Рикер приводит судебное разбирательство с аргументацией сторонами своих позиций. Судебный приговор является здесь «разделяющим словом», оставляющим на одной стороне того, кто объявлен жертвой, а на другой – признанного виновным. Философ резюмирует: «диспут завершен, однако он всего лишь спас от мести, не приблизив к мирному состоянию» [1, с. 211].

В этом пункте рассуждения о признании вплотную подходят к проблематике прощения. В самом деле: вынесение приговора виновному не порождает обязательства истца (жертвы) его прощать; точно также для прощения «злодея» его осуждение не является обязательным условием. Таким образом, и в феномене прощения проявляют себя порядок справедливости («око за око», возмещение вреда) и порядок взаимности, вырывающий отношения между прощающим и прощаемым из рамок безличных форм обоюдности.

Парадоксальная связь прощения и справедливости отчетливо прослеживается в работе французского философа В. Янкелевича «Прощение». Сквозной для исследования является идея о том, что прощение – это разрыв обоюдности, и вместе с тем подчеркивается всепроникающий характер порядка справедливости. Стоит отметить, что порядок справедливости является неустранимым фоном самого бескорыстного прощения: осознание несправедливости оскорбления тем, кого оскорбили,

является необходимым основанием для акта прощения, трансцендирующего – подобно жертвоприношению – за рамки справедливого возмездия.

Философ подчеркивает: реальность общества такова, что право беспрестанно кодифицирует движения прощения (например, устанавливая сроки давности по преступлениям), но прощение ускользает за рамки всех кодексов [3, с. 149].

Однако сфера действия справедливости не ограничивается экстерными формами. Осуществив филигранный психологический анализ феномена прощения, философ находит те его разновидности, в которых также проявляет себя порядок справедливости. Такой формой является, в частности, извинение, исходящее из нахождения рациональных оснований для прощения виновного. В противопоставлении рассудочного извинения и иррационального прощения еще раз подчеркивается различие порядков справедливости и милосердия, носящее не столь явный, завуалированный характер в силу их перехода из сферы социальных отношений в поле субъективности.

Приступая к исследованию прощения, В. Янкелевич, прежде всего, выявляет его характерные признаки. Для философа «подлинное прощение – это датированное *событие*, наступающее в тот или иной момент исторического становления; подлинное прощение, вне рамок какой-либо законности, есть *благодатный дар* оскорбленного оскорбителю, подлинное прощение – это *личные взаимоотношения с кем-либо*» [3, с. 146].

Анализ прощения философ начинает с исследования того, каким образом на его «качество» влияет время. В результате делается вывод о том, что время само по себе не обладает «обращающей и преображающей силой прощения» [3, с. 173]. В деле прощения все зависит от исходных интенций, коренное различие которых определяет как модус прощения, так и характеристики времени.

Так, подлинное прощение, полагает философ, всегда устремлено вперед, его забвение отражает открытость будущему, что дает основания сделать вывод о том, что сущность прощения – в становлении. Что же касается темпорального износа (одной из анализируемых прощениеподобных форм), понимаемого как постепенное истончение в памяти жертвы образа вины, то он может лишь истощить этот образ, но не в силах ознаменовать рождение новой жизни ни для жертвы, ни для оскорбителя. Кроме того, такое прощение чревато рецидивами злопамятства. Такое забвение, полагает философ, ведет только к смерти. Итак, сила прощения никак не определяется естественным ходом времени, напротив, она сама способна преобразить время, делая его временем либо нравственного свершения, либо смерти, задавая ту его диалектику, ко-

торая отражена во введенном философом термине «жизнеспособное время» [3, с. 166].

В концепции прощения ярко проявляется диалектика времени и вечности. Темпоральность задает само условие возможности прощения, но суть подлинного прощения – в преодолении темпоральности или такой трансмутации времени, которая лишает его качества простой длительности и выводит в пространство вечности. Рассуждая о вневременном характере подлинного прощения, Янкелевич связывает эту вневременность с бесконечной длительностью вины, имеющей начало, но не имеющей конца в линейном течении времени. Событие прощения вырывает вину из этой бесконечной последовательности: отталкиваясь от прошлого, прощение совершает прыжок в пустоту, не ожидая понимания и признания. Только эта вневременность прощения, полагает философ, в состоянии «разрубить гордиев узел вневременности вины» [3, с. 193–194].

В своем анализе прощенияподобных форм как заменителей подлинного прощения Янкелевич связывает их генезис не только с темпоральностью, но и с рефлексией субъекта. Рефлексивность находит наиболее яркое выражение в такой прощенияподобной форме, как образумливание. Именно на примере образумливания Янкелевич показывает диалектику порядков справедливости и взаимности в прощении, обнаруживая тем самым онтологическую близость прощения и признания.

Образумливание, показывает философ, исходит из отрицания абсолютного зла; зло мыслится лишь как момент, необходимое звено вселенной гармонии (таково видение Лейбница). Если, к тому же, следовать идущей от Сократа традиции рационалистической этики, то прощать окажется некого и не за что – ведь проступки совершаются не от злой воли, а лишь по незнанию, проявлению слабости и ограниченности человеческого существа. В таком случае теряет смысл и третий необходимый момент прощения – инстанция прощающего. Что же остается в этой ситуации от прощения, кроме снисходительного понимания человеческих слабостей? Здесь-то и приходит на ум знаменитое: «non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere».

Философское понимание мира и человеческой природы приводит индивида к необходимости отречься от эгоизма и относиться к другому как самому себе. Такой закон взаимности Янкелевич называет Справедливостью. Увязывая образумливание со справедливостью, Янкелевич ссылается на идею Аристотеля, высказанную в «Никомаховой этике»: «для того, чтобы по справедливости *распределить* антагонистические правды, следует *быть беспристрастным* к любой из них» [3, с. 205]. Здесь стоит вспомнить, что Рикер в своей характеристике взаимного признания также ссылался на «Никомахову этику», где явным образом сближаются понятия дружбы и справедливости [1, с. 205–209].

Однако, несмотря на очевидную связь образумливания с порядком справедливости, Янкелевич находит в образумливании не менее очевидные проявления взаимности (или того, что к ней ведет).

Прежде всего, в образумливании обнаруживается связь с сочувствием: оно – не только следствие понимания, но и его причина. Жестоко-сердный человек не имеет потребности в понимании. Со-чувствие – это движение навстречу Другому, шаг в направлении к взаимности. Из этого следует вывод о том, что образумливание «полностью пронизано любовью» [3, с. 148]. Так, в очередной раз проявляется диалектичность мышления французского философа: «понять – значит простить» дополняется у него «понять – значит *уже* простить», а затем и «простить – значит понять».

И все же, несмотря на характеристику образумливания как «полностью пронизанного любовью», Янкелевич не считает его подлинным прощением. Во-первых, образумливание не является личным отношением к кому-либо, поскольку, в силу своей беспристрастности, оно не предполагает второго лица. Не является образумливание и событием; здесь, скорее, можно говорить о своего рода «моральной длительности». Наконец, нельзя говорить и о безвозмездном даре, поскольку простить в данном случае отнюдь не означает сделать подарок грешнику, речь идет лишь о признании истины, пусть даже это «истина дружелюбного мира» [3, с. 202–203].

Завершив скрупулезный анализ прощениеподобных форм, Янкелевич приступает к описанию конфигурации подлинного прощения. В его облике чрезвычайно важными оказываются две ипостаси: событийность и безвозмездность, доходящая до жертвенности. Что же касается аспекта личных отношений с кем-либо, то уже образумливание, «полностью пронизанное любовью», близко отношениям взаимности, хотя и не достигает их в полной мере.

Событие прощения – это «невыразимое, необъяснимое, неопишное мгновение, которое целиком содержится в чистой «чтойности» благодатного слова» [3, с. 252]. Именно в событийности прощения проявляет себя его трансцендентность – не разделенные никаким временным континуумом немотивированная, безосновная, парадоксальная решимость и то, что философ называет «прыжком в пустоту». Безосновность подлинного прощения – знак его бытия в настоящем, в том мгновении, когда разрубается «гордиев узел вневременности вины», когда, как говорил Кьеркегор, «бывшее становится небывшим».

Свершение подлинного прощения означает принятие ответственности субъекта: он приостанавливает порядок справедливости и обязуется (это, прежде всего, обязательство перед самим собой) в дальнейшем не требовать возмещения ущерба. Здесь снова намечаются параллели с концепцией Рикера, у которого способность отвечать за свои действия

является необходимым условием самопризнания. Поскольку же не каждый индивид способен достичь этого уровня духовного развития, постольку и прощение очень часто заменяется элементарными прощение-подобными формами, чреватými рецидивами злопамятства.

Еще одна ипостась подлинного прощения – безвозмездность и благодатность дара оскорбленного оскорбителю. Прощающий прощает, не надеясь на признательность оскорбителя. Но, кроме риска неблагодарности, прощающий часто терпит еще более серьезный ущерб: это возобновление страданий от взаимоотношений с обидчиком, болезненные муки оскорбленной чести. В силу того, что невинный часто страдает больше виновного (который не всегда раскаивается), Янкелевич считает подлинное прощение не только даром, но и жертвоприношением [3, с. 201].

Проблематика дара – это еще один ключевой пункт, в котором сближаются концепции Янкелевича и Рикера. По мнению Рикера, феномен дара – это место очной ставки между двумя жизненными укладами: жизни согласно агарē или согласно справедливости. Здесь (это доказывают обе концепции) вновь ярко проявляется диалектика двух порядков – взаимности и обоюдности.

Для демонстрации этой диалектики Рикер привлекает понятие *double bind* («двойной центр»), ранее уже использованное французским психологом и философом Ж.-П. Дююи [4]. В психологии понятие *double bind* обозначает особого рода коммуникативную ситуацию, характеризующуюся наличием противоречивых посланий от одного ее субъекта другому. В социальной теории, полагает Рикер, данное понятие позволяет описать диалектику взаимодействия двух уровней – «уровня самого обмена и уровня тайных жестов индивидов» [1, с. 216]. Эта диалектика обнаруживается в том, что безличные (трансцендентные) формы обоюдности парадоксальным образом поддерживаются и воспроизводятся операциями *между* индивидами. Обоюдность не только довлеет над взаимностью, выводя ее в экстериторные, институциональные формы, но и порождается, питается и, что немаловажно, облагораживается ею.

Применительно к прощению это означает то, что «право непрестанно кодифицирует и объединяет в единое целое благодатные движения прощения; прощение же непрестанно ускользает за рамки массивного кодекса, притязающего на то, чтобы включить его в себя» [3, с. 149]. Возникновение в системе правосудия институциональных форм прощения (амнистия, установление срока давности) возможно благодаря бытующим между людьми внеимперативным, некодифицируемым, единичным «движениям прощения» – именно они не только полагают пределы порочному кругу «око за око», но и открывают справедливости как «последнему слову мести» (Р. Жирар) путь к благодатности агарē. Такое оборачивание принципа воздаяния, «око за око», лишь облагороженно-

го справедливостью, в благодатное движение агаре можно определить как инверсию, возникающую при функционировании механизма *double bind*.

Оба философа сходятся в том, что дар – это нечто, способное вывести нас за рамки безличных форм обоюдности (в случае обмена дарами – за рамки торгового обмена, как утверждает Рикер). И оба признают всегда существующую опасность, что дар будет включен в то, что Деррида называл «всеобщей экономией» – существующую в человеческом сообществе, трансцендентную сознательным усилиям людей систему взаимных связей, основанную на принципе «брать» – «давать» [5, с. 172]. Проблема заключается в том, что если дар порождает обязательство ответного дара, материального либо нематериального, он перестает быть собственно даром и включается в эту систему всеобщего обмена.

В чем же видится решение проблемы ответного дара? Рикер предлагает искать решение данной проблемы за рамками автономно циркулирующей системы «давать» – «возвращать» и обратиться к тому, что происходит в ситуации дара между индивидами. По мнению философа, главным отличием дара от торгового обмена является наличие некоего зазора, промежутка погрешности между даром и ответным даром. Континуум этого промежутка, ограниченного, с одной стороны, парой «давать – получать», с другой – «получать – возвращать», создается отношением признательности со стороны получателя дара. Признательность – это то, что «облегчает бремя обязательства ответного дара и направляет его к великодушию, равному тому, которое вызвало начальный дар» [1, с. 229–230].

Примечателен тот факт, что, говоря о даре, Рикер для иллюстрации своих тезисов достаточно часто обращается к феномену прощения. Это неудивительно, поскольку особенностью подлинного прощения является то, что оно не ждет принесения извинений, раскаяния и прочего от оскорбителя. Это истинное великодушие, которое стоит расценивать, прежде всего, как зов, обращенный к другому лицу, зов, не ожидающий ответного шага, но питаемый надеждой. Неудивительно, что в контексте прощения Рикер снова упоминает об агаре, одаривающей «без ожидания ответного дарения» [1, с. 219, 229].

Таким образом, вышеупомянутый односторонний характер великодушия агаре отчетливо проявляется и в феномене дара, создавая возможность трансцендирования за рамки циркулирующей в обществе системы обмена посредством выявления двух лиц, между которыми возможны отношения великодушия и признательности, нарушающие анонимность и всеобщность этой системы.

Наконец, еще одной задачей, которая нами ставилась, было определение роли негативного в конституировании феноменов признания и

прощения. В обеих концепциях подчеркивалась вторичность признания и прощения, их генетическая производность от опыта непризнания. Не испытав болезненной уязвленности от непризнания другими, мы вряд ли бы могли сформировать представление о том, что есть признание. Подобным образом опыт непощения (Янкелевич использует слово «злопамятство») является, как мы видели, необходимой предпосылкой прощения, поскольку память составляет необходимое условие самого бытия субъективности.

Само же непризнание как негативный исток признания коренится, по мнению Рикера, как в противоречивом чередовании в реальной жизни уклада агаре̄ и уклада справедливости, так и в столкновении различных систем ценностей (Рикер пользуется введенным Больтано и Тевенски понятием «порядки значимости»). Если первое влечет за собой трагическое непонимание, так ярко вскрытое Достоевским в романе «Идиот», то второе выступает источником постоянной конфликтности. Философ приходит к выводу о том, что в споре «порядков значимости» справедливость, борьбой за которую ознаменована вся история человечества, не является залогом мирного состояния: «если прекращение диспута есть первый критерий состояния мира, то справедливость не выдерживает испытания» [1, с. 208].

Названные особенности социального бытия, выступающие его конститутивными принципами, заставляют склоняться к выводу о бесконечности борьбы за признание. Означает ли это, что признание и одна из его фигур – прощение – лишены смысла, а человек агаре̄, как и раньше, обречен считаться безумцем, юродивым? И Рикер, и Янкелевич уверены, что опыт мира, являемый жертвенной любовью, не напрасен и дает направление человеческому сообществу в его поисках взаимного признания.

Таким образом, в ходе сравнительного анализа была обнаружена близость теоретико-методологических оснований концепций Рикера и Янкелевича, существующая как на уровне используемого понятийного аппарата (понятия справедливости, обоюдности, взаимности, жертвы, дара), так и на уровне основных положений: о глубокой диалектике обоюдности и взаимности, о необходимости и возможности трансценду́са за пределы безличных форм обоюдности, о роли негативного в конституировании феноменов признания и прощения. Исходя из этого факта, можно сделать вывод о правомерности рассмотрения прощения как фигуры признания в контексте объединяющего их дискурса жертвенной любви.

Литература

1. Рикер П. Путь признания. Три очерка / пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. – М.: РОССПЭН, 2010. – 268 с.
2. Boltansky L. *Amour et la Justice comme competences*. – Paris, Metaille, 1990.
3. Янкелевич В. Ирония. Прощение: пер. с фр. / послеслов. В.В. Большакова. – М.: Республика, 2004. – С. 145–298.
4. Дириу Ж.-П. *Aux origines des sciences cognitives*. – Paris, La Decouverte, 1994.
5. Деррида Ж. Философия и литература // Ж. Деррида в Москве: деконструкция путешествия / сост., предисл., пер. и коммент. М. Рыклина; ред. Е.В. Петровская, А.Т. Иванов. – М.: Культура, 1993. – С. 172.

УДК 333.52

Р.А. Шакир

**СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА ПРИМЕРЕ ФЕНОМЕНА
КУЛЬТУРНОГО ШОКА: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

R.A. Shakir

**THE CLASH OF CIVILIZATIONS AS AN EXAMPLE OF
THE PHENOMENON OF CULTURE SHOCK:
A TYPOLOGICAL ANALYSIS**

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме столкновений культурных систем как негативной разновидности культурного взаимодействия. Результатом подобных столкновений становится феномен культурного шока. В рамках проблематики исследования изучается значение культурного шока в контексте философской концепции мультикультурализма. Цель статьи – дать определение культурного шока, выявить типологию столкновения культурных систем в процессах взаимодействия друг с другом. В ходе исследования было выявлено, что культурный шок является комплексом физических и эмоциональных реакций как отдельного индивида, так и целой общности людей, который выражается в образовании психического надлома в структуре сознания, возникающего вследствие столкновения различных культур. Проанализировано, что основными признаками культурного шока являются стрессовое состояние, чувство потери, неприятие инородной культуры, частичная десоциали-

зация, чувство неполноценности. Данная статья берет за основу теории К. Оберга, Б.К. Малиновского, Э. Тоффлера, отчасти – П. Слотердайка. Показано, что феномен культурного шока часто встречался в экспансии западноевропейской цивилизации и имел огромное влияние на множество событий, связанных с историей столкновений цивилизаций.

Ключевые слова: культурный шок, футурошок, культурная интеграция, культурная система, мультикультурализм.

The article is devoted to the problem of s cultural systems collision, actual today as a negative kind of cultural interaction. The phenomenon of cultural shock becomes a result of similar collisions. Within a perspective of research value of cultural shock in the context of the philosophical concept of multiculturalism is studied. The article's purpose is to give the definition of cultural shock, to reveal typology of collision of cultural systems in interaction processes with each other. During research it was revealed that cultural shock is a complex of physical and emotional reactions of both the certain individual, and the whole community of people which is expressed in the formation of a mental break in the consciousness structure arising owing to collision of various cultures. It is analyzed that the main signs of cultural shock are stressful state, feeling of loss, rejection of alien culture, partial desocialization, feeling of inferiority. This article takes as a basis K. Oberg, B. K. Malinovsky, E. Toffler's theories, partly P. Slotterdayk. It is shown that the phenomenon of cultural shock often met in expansion of the West European civilization and had huge influence on a set of the events connected with the history of collisions of civilizations.

Keywords: culture shock, future shock, cultural integration, cultural system, multiculturalism.

XXI век – это век регулярных столкновений различных культурных систем и форм мировоззрений, которые за множество предыдущих столетий проросли глубочайшими корнями в основания столь же различных народов. Результаты подобных столкновений нередко имели позитивную форму, обозначенную в первой половине XX века такими исследователями в области культурологии и антропологии, как Б. Малиновский, У.Г. Самнер и Р. Бенедикт, выступающую в качестве культурной интеграции [2, 3]. Тем не менее, столкновения такого характера также могут нанести и непоправимый ущерб, итог которого – феномен культурного шока. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно лишь бросить взгляд на страницы человеческой истории, а также попытаться

проанализировать свежие сводки новостных лент, пестрящих броскими заголовками о том, что происходит с нами в мире.

Развитие всего человечества, неизбежно накапливающего все большее количество ошибок и противоречий, было построено именно на этих столкновениях, истоки которых лежат в кардинальных отличиях одних культурных систем от других. Сам факт столкновений такого характера, если его итогом не станет культурная интеграция, а культурный шок, способен породить не только новую волну мировоззренческих отличий, но также деформировать и обесценить все положительное, вытекающее из культурных столкновений, включая моральный аспект социального взаимодействия. В связи с этим феномен культурного шока правильно будет обозначить как явление дезориентации индивида при прямом столкновении с чуждой ему культурной средой. В контексте культурной интеграции культурный шок, с одной стороны, является проблемой, характерной для столкновений культурных систем, а с другой – предпосылкой провала политики современного мультикультурализма. Следствием краха такого рода будет увеличение жизнеспособности националистических умонастроений, обострение социальных конфликтов, всплеск насилия, падение уровня жизни в тех государствах, в которых проводится данная политика. Таким образом, данное небольшое исследование актуально как в контексте философского осмысления концепции мультикультурализма, основанной на диалоге различных культурных, религиозных, этнических сообществ и провозглашающей в качестве главенствующего принципа мирное взаимодействие, предполагающее признание одним субъектом безусловной ценности другого, так и в контексте междисциплинарного изучения концепта современных форм цинизма. Для того чтобы правильно осознать то, чем является культурный шок, мы должны проследить его роль в истории, вывести определение, а также обозначить опасность данного феномена в перспективе для всего человечества, подкрепляя это анализом типологии столкновений культурных систем.

В рамках данной проблематики необходимо ответить на ряд вопросов: что происходит в результате столкновения различных культурных систем? Чем, все-таки, является культурный шок в пределах этих столкновений и каковы его последствия? Что будет происходить с каждым отдельно взятым человеком, выступающим в качестве носителя иной культурной системы, а также, каким образом коснутся последствия культурного шока целой общности людей? В попытке получить ответы на установленные вопросы, сначала обратимся к идеям американского антрополога Калерво Оберга, который в 1954 году ввел определение феномена культурного шока.

Оберг понимал под «культурным шоком» достаточно ярко выраженную эмоциональную реакцию индивида, выпадающего из привыч-

ной культурной среды и оказывающегося в совершенно новых для него, чуждых реалиях, которая непременно сопровождается спектром специфических ощущений. Как правило, к данным ощущениям относят психофизический дискомфорт и дезориентацию, возникающие у индивида, например, при смене места жительства или работы, когда частично или полностью происходит разъединение индивида с привычной средой. Но К. Оберг рассматривал данный феномен, апеллируя только к индивидуальным проявлениям спектра ощущений и реакций, практически не затрагивая макро- и микросоциальный уровень жизни обществ. Вместе с усложнением социальной структуры как поля протекания вышеуказанных ответных реакций происходит и пропорциональное усложнение условий и особенностей их проявления.

Таким образом, проявление культурного шока на макро- и микросоциальных уровнях по своему характеру будет ближе к понятию «футурошока», введенного небезызвестным социологом и футурологом Э. Тоффлером, детально рассмотренного им в одноименном произведении, изданном в 1970 году [1].

Футурошок – это шок надвигающегося будущего, а точнее, тех перемен, которые оно несет в себе; это психологическая реакция человека или целого общества на стремительные и радикальные изменения в его окружении, вызванные ускорением темпов технологического и социального прогресса [1]. Культурный шок в этом контексте будет выступать в качестве одного из факторов зарождения и развития психологического надлома, возникающего как раз в результате столкновения одной, менее развитой культурной системы с другой, более развитой. Психологический надлом проявляется в той ситуации, когда менее развитая культурная система еще находится на начальном этапе собственного развития и все еще носит достаточно замкнутый и отчужденный характер. Это вовсе не означает тотальной социальной замкнутости, подразумевающей полное закрытие границ, и ликвидацию всех нежелательных субъектов, не соответствующих культурно-традиционалистским критериям, по которым данных субъектов можно было бы опознавать как «своих». Вместо этого возможна активная торговля и культурный обмен, но с определенными ограничениями. Успешным взаимодействие будет в том случае, если в контакт вступают максимально схожие по своему уровню развития и ключевым особенностям культурные системы. Ситуация футурошока наиболее наглядно прослеживается на примере антропологических и этнологических исследований разнообразных архаических племен и их контактов с европейцами.

Одним из самых ярчайших примеров культурного шока может послужить период колонизации европейскими мореплавателями новых земель, либо вовсе не заселенных, либо заселенных племенами аборигенов, обладающих только зачаточной формой государственности и тех-

нологичности. Конечно, встречались и исключения, порой даже очень внушительные. Государства ольмеков, майя, ацтеков, инков и прочих народов, населявших Новый Свет, можно, и даже необходимо считать исключением. Дело в том, что данные народности обладали обширной и многоукладной культурой, включающей в себя достаточно сложное государственное устройство, богатство и глубину духовной стороны их жизни, высокий технологический уровень в определенных сферах деятельности, в таких как, например, архитектура, медицина, математика и т. д. Это были совершенно различные по своим основаниям и особенностям развития культурные системы: не примитивные или не развитые, а просто – иные.

Культурные столкновения по своему характеру воздействия на каждую из сторон взаимодействия не могут считаться однозначными и определенными. Вариативность сценариев данных столкновений может быть достаточно разнообразна, но мы попытаемся вывести из них несколько основных типов.

Первый тип таких столкновений можно обозначить как *пассивно-агрессивный*, который наиболее ярко прослеживается на страницах истории колонизации Северной Америки, когда первые европейские переселенцы сначала со всей осторожностью высаживались на новых берегах и приступали к аккуратному изучению Нового Света, вместе с его жителями, с которыми не предполагали столкновений. Пассивная агрессивность проявлялась в том, что в изначальных условиях малочисленности переселенцев и доминирования коренного населения мореплаватели вынуждены были искать у них помощи, хотя и считали варварами за чуждость культурных традиций и верований.

На первых порах никакого психологического надлома не возникало, так как носители обеих культурных систем находились в состоянии «осторожного удивления», под влиянием которого проводились робкие попытки наладить контакт. В ходе этих попыток стал возможен обмен товарами, знаниями и услугами, что в перспективе подрывало «осторожное удивление». Посредством искусственного снижения стоимости оказываемых коренным населением услуг постепенно условия обмена для них становились катастрофичными.

Второй тип культурных столкновений не многим будет отличаться от первого, характеризуясь лишь *активностью агрессивных действий*. Начиная с эпохи Великих географических открытий конца XV–XVII вв., европейские народы оказывали решающее влияние на формирование государственности остальных народов мира в силу мощной колониальной экспансии Старого Света. Значительно превосходя по военной силе туземцев, испанцы, португальцы, голландцы, англичане порой безжалостно уничтожали самобытные предгосударственные организации и едва зародившуюся государственность в Африке, Америке и Азии.

В рамках такого типа культурных столкновений интересы этнического населения открытых территорий не учитывались и подвергались тотальному уничтожению, если возникали социальные волнения. В результате подобных действий на корню уничтожалась культурная самобытность этих народов, что перерастало в кризис самоидентичности. Все молодое подрастающее население не просто теряло связь со своими корнями, а лишалось самой возможности прикоснуться к традициям, что неизбежно вело к деформации и постепенной деградации всей культурной системы путем уничтожения носителей этих культур и предотвращения появления их приемников.

Третий тип культурных столкновений представляет собой особое явление, характерное в основном для XX и XXI вв., благодаря своей *гуманитарной направленности*, что, конечно же, не означает, будто в наше время нет места агрессивным столкновениям одних культурных систем с другими.

Для последующих десятилетий после окончания Второй мировой войны характерны культурные столкновения третьего типа. Они были уже связаны не с политикой отдельного государства, а с целыми международными организациями, такими как ООН, НАТО, которые осуществляли свои политические программы на фоне антиколониальных настроений, усиливающихся в мире того времени, движений за гражданские права чернокожих и отмену политики сегрегации, антивоенных протестов. Времена, когда одно государство без ощутимых последствий для себя могло объявить войну другому, не привлекая внимание других стран, бесследно кануло в лету, но сами механизмы ведения войн и экспансий остались, хоть и видоизменились.

Современная политика международных организаций отдельных государств по вопросам оказания гуманитарной помощи странам, пострадавшим от стихийных катаклизмов или военных столкновений, достаточно противоречива. Ведь она строится на принципах, взаимоисключающих друг друга. С одной стороны, многие гуманитарные программы разрабатывались под влиянием синдрома чувства вины, который сам по себе является негативным явлением и продуктом абсолютизации формализма, с другой – данные гуманитарные инициативы все же несут положительный характер, особенно в сфере оказания помощи пострадавшим от стихийных бедствий.

Сущностной характеристикой синдрома чувства вины, наложившего неизгладимый отпечаток на многие из аспектов политики западных государств, является абсолютизация формализма, превращающего многие социальные или благотворительные программы в «мертвые» образования, многие из которых зачастую ни на что существенно не влияют, ограничиваясь лишь полумерами. Это касается и социальной политики США в вопросах эмигрантов, темнокожего населения, а также выходцев

с Ближнего Востока, Северной Африки, перебравшихся в поисках лучшей жизни в Европу.

Только за последние несколько десятков лет прямыми или косвенными усилиями стран «первого мира» были приведены к состоянию социального хаоса, внутренних междоусобиц, разрухи не менее десятка государств, которые хотя и существовали со своими внутренними проблемами и противоречиями, но все же в некоторой стабильности. Но по тем или иным причинам, затрагивающим личные или государственные интересы сильных мира сего, были приняты решения о вмешательстве, иногда при полном соблюдении международного права, иногда идущие в разрез с установленными правилами международной игры. После таких действий и актов «миротворческой» агрессии неизбежно следует гуманитарная помощь, призванная помочь беженцам справиться с тяготами послевоенного периода восстановления.

В ходе подобных событий, как итог, запускаются механизмы огромных миграционных волн, которые составляют пережившие огонь войны беженцы, сталкивающиеся с той проблемой, что на родной, но практически полностью разрушенной земле, они не могут больше оставаться и направляются либо в соседние государства, либо дальше, в более развитые страны. В результате проявления культурного шока, вызванные столкновением культурных систем третьего типа, они увеличивают охват и глубину последствий катастроф гуманитарного характера.

Переселение беженцев в более развитые страны, в свою очередь, порождает цепочку новых проблем и обнажает противоречия социально-гуманитарной политики европейских государств, возвращенной на идеях ренессансного гуманизма и демократических свобод, провозглашенных после Великой французской буржуазной революции.

На новом месте пережившим войну людям, которые являются носителями отличной от западноевропейской культурной системы, изначально стремились привить европейские идеалы и ценности, но оказались не в состоянии это сделать. Находясь в условиях оторванности от родных мест, традиций, многие из беженцев просто будут не способны перенять европейский образ жизни и мысли, так как эти образы им чужды, ведь они основаны на других культурных аспектах. Данную ситуацию попытался проанализировать американский антрополог Франц Бок во введении к сборнику статей по культурной антропологии («Culture Shock»), где дает следующее определение «культуры»: «Культура в самом широком смысле слова – это то, из-за чего ты становишься чужаком, когда покидаешь свой дом. Культура включает в себя все убеждения и все ожидания, которые высказывают и демонстрируют люди... Когда ты в своей группе, среди людей, с которыми разделяешь общую культуру, тебе не приходится обдумывать и проектировать свои слова и поступки, ибо все вы – и ты, и они – видите мир в принципе одинаково, знаете, чего ожидать друг от друга. Но пребывая в чужом обществе, ты

будешь испытывать трудности, ощущение беспомощности и дезориентированности, что можно назвать культурным шоком» [5, с. 17–18].

По мнению Бока, квинтэссенция культурного шока кроется в конфликте старых и новых культурных норм и ориентаций. Носителями старых культурных оснований в этом случае будут выступать беженцы, оторванные от своей культурной системы, а носителями новых – та культурная система, на территорию которой они прибыли. Таким образом, культурный шок – это конфликт двух различных культурных систем на уровне индивидуального сознания [5]. При отсутствии мирного разрешения этого конфликта произойдет обострение социальной напряженности, которое до определенного показателя экстремума социального накала будет сниматься геттоизацией – процесса образования гетто, населенного беженцами, образующими крепкие диаспоры. Такие диаспоры, подобно механизмам психологической защиты, будут формировать защитный слой, ограждающий беженцев от нежелательных соприкосновений с чужой культурой. Тогда диаспора попытается создать собственную культурную среду в структуре чужой культурной системы, которая будет носить отчужденный и автономный характер [5].

Феномен культурного шока в данной ситуации возымает обратный эффект. Состояние психологического надлома во всей своей полноте испытывают уже носители спокойно развивающейся культурной системы. Психологический надлом будет погружать рядового европейца в апатичное состояние, уменьшая стимул к развитию, медленно подкашивая. Такой алгоритм последствий культурного шока выглядит более чем естественно, потому что, жертвуя своим привычным укладом жизни в угоду политики культурной интеграции и толерантности, а также впуская в свой дом носителей восточной культурной системы, европейцы оказываются в ситуации постепенного размывания основ европейских идеалов и ценностей.

Феномен культурного шока не обойдет стороной и беженцев, как носителей восточной культурной системы, основанной в целом на идеях ислама. Восточная культурная система характеризуется в первую очередь высокой степенью традиционности, патриархальности, одухотворенности и всего того, что обеспечивает ее более устойчивый и монолитный характер. Так, даже несмотря на вынужденную оторванность от родной земли, как того звена, которое образует связь со своей культурой и традициями, определяющих их самость, беженцы не потеряют себя полностью в культурном аспекте. Угнетенные, озлобленные, лишенные источника культурной подпитки, но объединенные верой, они будут представлять серьезную опасность. Посредством деформации их религиозные и мировоззренческие взгляды превратятся в нестабильные образования, после чего поддадутся процессам деградации и изменениям в догматизированную и радикально настроенную сторону.

Но не только выше перечисленным ограничиваются культурные столкновения третьего типа. Очень часто можно наблюдать, особенно на

примере основной части Африки (не считая мусульманского севера) или ЮАР, что гуманитарная помощь, направленная для оказания поддержки населения стран, пострадавших от природных катаклизмов, локальных военных столкновений, ничего существенного не меняет.

Гуманитарная помощь могла бы оказать стимулирующее воздействие на экономику таких стран, увеличивая благосостояние граждан и постепенно открывая дверь к укреплению самостоятельности государства, но этого не происходит. Зато негативный эффект, обусловленный влиянием феномена культурного шока, проявляется на редкость ярко. Жители обеспечиваемых стран за годы и десятилетия получения гуманитарной помощи быстро привыкают к ней, что в сознании не только порождает психологический надлом, о котором уже велась речь, но и усугубляет его. Сознание таких людей находится в парадоксальной и противоречивой ситуации, когда их культурная система, находясь на определенном этапе своего развития, неожиданно получает готовый продукт посредством гуманитарной помощи, в результате привыкания к чему происходит остановка в развитии этой системы и ее дальнейшее размывание, итог которого – разрушение.

О подобном в фантастическом ключе размышлял писатель Генри Лайон Олди в «Urbi et orbi, или Городу и миру» [3], где повествуется история мира Ойкумены, целой вселенной, населенной разнообразными разумными формами жизни, но объединенными под эгидой человеческой технократической империи. Как писал Оливейра, выдающиеся умы его планеты, корпевшие над своими изобретениями и научными идеями по созданию паровых машин, летательных и подводных аппаратов, были лишены своего потенциала одним простым фактом – между обеими цивилизациями была невероятная пропасть в развитии. Такую пропасть им было не преодолеть. В итоге, многие из жителей испытали совокупное сложнейшее психологическое явление, являющееся переплетением культурного шока и футорошока. Они потеряли свой вектор развития, их самость постепенно увядала. Именно в таком состоянии сознания и духа пребывают многие из жителей стран Перечня наименее развитых стран, составленного в 1971 году под эгидой ООН. Ведь между их развитием и развитием западноевропейской культурной системы стоит аналогичная пропасть, хотя и меньшего масштаба.

Хотелось бы уточнить еще один аспект проблемы феномена культурного шока, рассматривающего его как фактор развития современных форм цинизма. Цинизма такого рода, о котором говорил немецкий мыслитель, Петер Слотердаjk в своей книге «Критика цинического разума». Под современным цинизмом немецкий философ понимал ту травмоопасную, психологическую ситуацию надлома-ловушки, в которой может оказаться сознание каждого человека, когда теряется ощущение значимости и смысла в наших жизнях, а вместе с тем и цель, когда обесценивается все, что раньше имело хоть какое-то значение [4]. Таким образом, посредством культурного шока образуется питательная среда, в

которой и возвращаются современные формы цинизма. Культурный шок в совокупности с цинизмом порождает ощущение тотальной отчужденности и безысходности, превращая людей в «живую мертвечину», не способную мечтать, надеяться, перестающую верить во что-либо.

В заключение следует сказать, что философский анализ представленных в исследовании трех типов столкновений культурных систем дает возможность сформулировать некоторые аспекты концептуализации феномена культурного шока, отличного от того, которое дает, к примеру, Оберг. Культурный шок – это не только индивидуальное состояние растерянности, опасности и тревоги, вызванное неизвестностью той среды, в которую попадает субъект, но нечто большее. На наш взгляд, Ф. Боас, считавший «культурным шоком» конфликтную ситуацию, образующуюся в ходе столкновения старых культурных норм и ориентаций с новыми и проявляющуюся на уровне как минимум двух индивидов, дает более широкое определение данного понятия. Но и в таком определении не идет речь о тех процессах, которые имели место в современной истории, а именно: последствия колониализма, чередование локальных военных конфликтов и актов оказания гуманитарной поддержки пострадавшим. Ведь психологический надлом как результат подобных столкновений оказывает негативное влияние не только на отдельных индивидов, но и на целые общности людей, полностью меняя их культурные доминанты. Психологический надлом также не может проявляться для всех участников этих столкновений одинаково. Совокупность характеристик, составляющих психологический надлом, определяется типом столкновений культурных систем. Если мы рассматриваем пассивно-агрессивный тип столкновений, то характер психологического надлома можно описать как скрытый, постепенно проявляющийся в долгосрочной перспективе. В этом случае культурные системы будут подвергнуты дегенеративным изменениям не сразу, но в своей пиковой точке дойдут до состояния полного распада всей системы или сознательной замены культурных доминант ее носителями. Активно-агрессивный тип столкновений культурных систем будет отличаться своей динамичностью и большей скоротечностью периодов распространения, а также локальностью, что в плоскости психологического надлома отразится, с одной стороны, в более резких трансформациях культурных систем, уменьшающих их возможность адаптации, с другой – более поверхностное проникновение изменений в структуру культурных систем. Культурные системы в ходе второго типа культурных столкновений либо будут сразу уничтожены, либо переживут их, ограничиваясь получением лишь внешнего урона и минимальным уровнем внутренних изменений. Если рассматривать гуманитарный тип культурных столкновений, то психологический надлом, соответствующий данному типу, будет обладать более сложной природой своих последствий.

В наше время культурные столкновения далеко не всегда сопровождаются актами агрессии, боевыми действиями. В данной ситуации за ос-

нову инструментария берутся другие методы, основанные на информационно-психологическом и экономическом давлении. По своей сути, третий тип культурных столкновений является собой закономерный результат эволюции и частичного объединения первых двух описываемых типов с преобладанием особенностей пассивно-агрессивного типа столкновений. А психологический надлом, соответствующий данному типу и подкрепленный культурным шоком, обладает большим охватом культурных систем, распространяющийся даже на те, которые не являются явными участниками культурных столкновений. В таком случае воздействия психологического надлома увеличиваются не только в своем территориальном объеме, но и в характере внедрения в структуру культурных систем. Стоит заметить, что представленный анализ культурных столкновений в условиях современного мира, когда последствия накопления ошибок и противоречий, а также неверно принятых социально-политических решений, выливаются в социальные потрясения подобного рода, позволяет понять их природу, а значит, культурным системам придется либо адаптироваться к новым условиям с наименьшими последствиями для себя, либо осуществить попытку их предотвращения или преодоления.

Литературы

1. *Торфлер Э.* Шок будущего = Future Shock. – М.: АСТ, 2008. – 560 с.
2. *Малиновский Б.* Научная теория культуры = Scientific Theory of Culture / пер. *И.В. Утехин.* – 2-е изд. испр. – М.: ОГИ, 2005. – 184 с.
3. *Олди Г.Л.* Urbi et Orbi, или Городу и Миру. – М.: Эксмо, 2012. – 704 с.
4. *Слотердаик П.* Критика цинического разума / пер. с нем. *А.В. Перцева.* – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 584 с.
5. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. – М.: Логос, 1998. – С.17–18.

УДК 316.7

Н.А. Дёмина

СОЦИАЛЬНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ

N.A. Dyomina

SOCIAL RATIONALITY AND THE SOCIETY OF KNOWLEDGE

В статье исследуется специфика современного общества в контексте проблемы социальной рациональности. Анализируется характер новой социально-политической роли научного знания, его влияние на процесс социальных трансформаций в контексте формирования контуров общества нового типа – «общества знания». В качестве ключевой задачи социального познания рассматривается адекватная репрезентация социальной реальности как в теоретическом, так и в методологическом аспектах. Особое внимание уделяется анализу современных форм социальной рациональности (рефлексивной, коммуникативной, моделей упрощенной рациональности) в контексте парадигмы общества знания. Сложность современного общества диктует необходимость его более глубокой обращенности на само себя, необходимость учета многообразных социальных взаимосвязей и отношений. Эти аспекты получили отражение в модели коммуникативной рациональности и модели рефлексивной рациональности. Коммуникативная модель рациональности, наиболее полно представленная на сегодняшний день в концепции Ю. Хабермаса, включает в себя различные типы дискурсов, учитывающих специфику различных сфер социальной реальности (научной, морально-правовой, эстетической). Согласно Э. Гидденсу, одной из важнейших характеристик современного общества является его рефлексивность. Рефлексивность является ключевым понятием теории структурации и означает способность социальных практик преобразовываться под действием поступающей информации, существенно изменяя свой характер. По мнению У. Бека, рефлексивность современного общества связана с новыми способами осознания рисков, общей характеристикой которых является онтологическая неуверенность. Рефлексивный характер современной социальной рациональности анализируется А. Туреном, подчеркивающим, что главная особенность современных обществ – укрепление и увеличивающаяся концентрация их способности воздействия на самих себя. Однако наряду с представлениями о более сложном и опосредованном характере современной социальной рациональности, не поддающейся репрезентации (исчезающая рациональность,

ускользающая рациональность), существует и противоположная тенденция в современной социальной теории – обращение к моделям упрощенной рациональности (теории ограниченной рациональности, полезного знания, макдональдизации).

Ключевые слова: социальная реальность, общество знания, репрезентация, рациональность, рефлексивная рациональность, коммуникативная рациональность, упрощенная рациональность.

In the article the specific modern society in the context of the problem of social rationality is studied. The character of new social and political role of scientific knowledge, its influence on the process of social transformations in the context of forming a new type society which is named the society of knowledge is analyzed. As a key task of the social cognition the adequate representation of the social reality both in theoretical and in methodological aspects is considered. A special attention is given to the analysis of modern forms of the social rationality (reflexive, communicative models of the simplified rationality) in the context of the paradigm the society of knowledge. The complexity of modern society calls for its deeper circulation on itself, needs to take into account diverse social interactions and relationships. These aspects are reflected in the model of communicative rationality and reflective model of rationality. Communicative rationality model, the most complete picture according to the concept of Habermas, includes various types of discourses taking into account the specificity of different spheres of social reality (scientific, moral, legal, aesthetic). According to Giddens, one of the most important characteristics of modern society is its reflexivity. Reflexivity is a key concept of the theory of structuration and means the ability to transform social practices under the influence of the information received, essentially altering its character. According to Ulrich Beck, the reflexivity of modern society is associated with new ways of understanding the risks, a common characteristic of which is ontological insecurity. The reflexive nature of modern social rationality is analyzed by A. Touraine, emphasizing that the main feature of modern societies-strengthening and increasing the concentration of their ability to impact on themselves. However, along with the concept of a more complex and mediated nature of modern social rationality, not amenable to representation (disappearing rationality escapes rationality), there is an opposite trend in contemporary social theory, i.e. an appeal to the models simplified rationality (the theory of bounded rationality, useful knowledge, McDonaldization).

Keywords: social reality, the society of knowledge, representation, rationality, reflective rationality, communicative rationality, simplified rationality.

Теории информационного, постиндустриального, технотронного общества, получившие отражение в известном докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» декларируют увеличение экономической, политической и культурной значимости знания, что предполагает формирование контуров общества нового типа – «общества знания». В связи с этим актуализируется проблематика новой социально-политической роли научного знания, а также его влияния на процесс социальных трансформаций.

Однако осмысление происходящих в современном обществе процессов сталкивается с осознанием все меньшей определенности, неполноты информации, в том числе и в области социального познания. Все менее определенными становятся как контуры самого современного общества, так и способы его постижения.

Сегодня, зачастую, сама способность научного знания адекватно описывать социальную реальность ставится под сомнение, заново осмысливаются границы и функции науки как социальной практики.

«Ускользящий мир», «конец знакомого мира» – эти и им подобные метафоры все чаще встречаются в современном социальном дискурсе. «Ускользание» общества связано с отсутствием фокуса его восприятия, способов адекватной репрезентации. Проблема самореференции социальной системы, кризиса ее самоописаний (Н. Луман), критика метанарративов (Ж.-Ф. Лиотар), универсалистских картин мира (Ю. Хабермас), исчезающая рациональность как отсутствие осознаваемой закономерности социального развития (И. Валлерстайн) связываются с крайней степенью структурной и функциональной сложности современного общества, приводящей к кризису общественных саморепрезентаций.

Общественная репрезентация – способность социальной системы удовлетворительно себя описывать, «представлять» в рамках социальной теории – становится проблемой именно в рамках современной глобальной функционально-дифференцированной социальной системы. В контексте центральной проблемы нашего исследования – «общества знания» – вопрос может быть поставлен следующим образом: может ли «общество знания» иметь адекватное знание о самом себе?

Современное общество имеет множество социальных подсистем, невероятно сложную социальную структуру (экономическую, социально-этническую, профессиональную и т. д.), при этом ни одна из подсистем или социальных групп не может быть выделена в качестве центральной, выражающей наиболее объективную точку зрения относительно социальной системы в целом. Эта проблема приобретает актуальность в связи с формированием индустриального и постиндустриального общества. Более ранние типы социума не имели проблемы с собственной идентификацией, так как либо были однородны и имели единую картину мира

(архаическое общество), либо имели иерархическое устройство, в рамках которого можно было выделить «центр» или «верхушку», которые и продуцировали «господствующие» общественные самоописания [5]. И только в обществе эпохи модерна, «современном» и «постсовременном» социуме невозможно выделить социальный институт, государство, социальную группу и т. д., которые бы могли выработать наиболее верное и объективное описание современного общества.

Эта неоднозначность коснулась и процессов научного познания общества: стираются дисциплинарные рамки различных наук, происходит размывание границ между научным и ненаучным знанием, между знанием и эстетической деятельностью. Воздействие на аудиторию достигается не популяризацией философского и социологического академических дискурсов, а шокирующим, ошеломляющим воздействием на аудиторию; анализ существенных сторон социальной действительности сменяется акцентом на периферийные аспекты общества. Научным системам в социальной теории противопоставляются теории, не претендующие на общезначимость, например, так называемые queer-теории (queer (англ.) – странный, подозрительный), выражающие точки зрения экзотических или маргинальных социальных групп [7].

Мы попытаемся проанализировать возможности научного познания общества и представим это в рамках анализа типов современной социальной рациональности, которая на сегодняшний день характеризуется неоднозначно: от моделей рефлексивной рациональности до моделей упрощенной или ограниченной рациональности.

Какими бы ни были интеллектуальные инструменты постижения социальной реальности, если они служат основой ее понимания, то способны в той или иной мере поддерживать системную целостность. Но рано или поздно система выходит из равновесного состояния, доходит до некоей точки бифуркации, задающей тенденции формирования нового, непредсказуемого системного порядка. Думается, подобная ситуация сложилась и в настоящее время. Каковы же перспективы социальной репрезентации в свете данных тенденций? И какие концепции социальной рациональности могут быть положены в ее основу?

И. Валлерстайн выдвигает идею всемирной дискуссии, которая может способствовать росту социальной рациональности, способности самопонимания общества. В условиях непредсказуемости фундаментальных социальных изменений происходит увеличение роли рационального выбора и моральной ответственности. Это имеет особое значение в условиях «недовольства рациональностью», которое Валлерстайн сравнивает с «недовольством культурой» З. Фрейда. Основаниями для такого недовольства, по мнению Валлерстайна, служат разочарование в способности современных государств эффективно решать внутренние и

внешние проблемы, отход от либерализма, индивидуализма, оптимизма, бюрократизация социальной жизни [2].

Репрезентация социальной реальности в настоящее время проблематизируется в контексте постмодернистской рефлексии, для которой характерны отказ от рационалистических способов постижения, деконструкция самой идеи социальности, децентрация и детрансцендентализация языка и мышления. Само социальное познание сближается с литературно-эстетической деятельностью, игра, перформанс приходят на смену методологическим стандартам исследования и самим возможностям существования социальной теории.

Согласно Ф. Джеймсону, социальная реальность, понимаемая им как постсовременность, может быть описана следующим образом. Во-первых, постсовременность – это бездонный, поверхностный мир, мир имитации. Во-вторых, это мир, который испытывает недостаток в аффектах и эмоциях. В-третьих, потеряно чувство своего места в истории; трудно провести грань между прошлым, настоящим и будущим. В-четвертых, вместо бурно развивающихся производственных технологий современности в постсовременном обществе господствуют имплозивные, оупляющие производственные технологии (например телевидение) [7].

Говоря о моделях современной социальной рациональности, которые могут обеспечить возможность научного постижения общества и поиск закономерностей, логики и механизмов его развития, выделим следующие. Сложность современного общества диктует необходимость, с одной стороны, более глубокой его обращенности на само себя, с другой стороны, необходимость учета многообразных социальных взаимосвязей и отношений. Эти аспекты получили отражение в модели коммуникативной рациональности и в модели рефлексивной рациональности. Другая тенденция – это некоторая редукция общества, сведение его понимания к более понятным моделям – получила выражение в моделях «упрощенной рациональности», в качестве которых можно отметить модель полезного знания, теорию ограниченной рациональности, модели «макдональдизации» и «сникеризации» общества.

Рассматривая современность как «незавершенный проект», в основе которого лежит развитие форм рациональности, Ю. Хабермас считает возможным рациональное постижение современного общества. Сама современная рациональность мыслится Хабермасом как коммуникативная, включающая в себя различные типы дискурсов, учитывающих специфику различных сфер социальной реальности (научной, морально-правовой, эстетической). Хабермас убежден, что рациональный потенциал современности еще не исчерпан, особую роль в его актуализации он придает субъекту рациональной коммуникации – «просвещенной общественности» [10].

Характеризуя современную эпоху, Э. Гидденс называет ее «радикальной», «высшей», «поздней» современностью. Современность понимается им как «сокрушительная сила», не всегда поддающаяся управлению. В наши дни социальная система превосходит прежние по темпам развития, масштабу и глубине изменений.

Согласно структурационной теории Гидденса, одной из важнейших характеристик современного общества является его рефлексивность. Рефлексивность является ключевым понятием теории Гидденса и означает способность социальных практик преобразовываться под действием поступающей информации, существенно изменяя свой характер. В современном мире все открыто рефлексии, в том числе и сама рефлексия [3].

У. Бек характеризует современное общество формированием его нового профиля – «профиля риска», имеющего глобальный характер, а также новыми способами осознания рисков, общей характеристикой которых является онтологическая неуверенность. «Высокая» современность меняет и облик личности, которая становится «рефлексивным проектом», о котором можно размышлять, который можно изменять и формировать.

В работе «Общество риска. На пути к другому модерну» У. Бек утверждает, что если классический этап современности был связан с промышленным обществом, то новая современность наилучшим образом может быть охарактеризована как «общество риска». Если классическая современность формировалась вокруг богатства и его распределения, то в новой современности основной проблемой являются предотвращение и минимизация риска. Если идеалом современности прошлого было равенство, то идеал новой современности – безопасность. В отличие от разделенности общества и природы в классическом индустриальном обществе в развитом индустриальном обществе природа и общество переплетены: природа есть общество, а общество есть также природа [1].

Исходя из рефлексивного характера новой современности, сама ее рациональность может быть понята как рефлексивная. Увеличение рефлексивности сопровождается процессом индивидуализации, освобождением социальных агентов от структурных ограничений. Индивиды становятся более независимыми от своего социального положения и более рефлексивными. Это проявляется в индивидуальном выборе социальных отношений и социальных сетей, их образовании, поддержании и обновлении.

Тезис о рефлексивном характере рациональности современного общества разделяется также французским исследователем А. Туреном, подчеркивающим, что главная особенность современных обществ – укрепление и увеличивающаяся концентрация их способности воздействия на самих себя [9].

Изменение контуров современного мира не отрицает необходимости и возможности его рационального постижения, более того, характеризуется увеличением активности и рефлексивности социальных агентов. Однако наряду с представлениями о более сложном и опосредованном характере современной социальной рациональности, не поддающейся репрезентации (исчезающая рациональность, ускользающая рациональность), существует и противоположная тенденция в современной социальной теории – обращение к моделям упрощенной рациональности. Основания для возникновения концепций подобного рода были, на наш взгляд, заложены сложившимися в XX в. концепциями формальной рациональности – фордизм, постфордизм – которые, описывая логику управления производством, выдвинули некие схемы социального взаимодействия, способные привести к его максимальной эффективности. Другим, не менее важным основанием, была концепция бюрократии М. Вебера, в которой, как известно, бюрократия выступает идеальным (то есть максимально рациональным) типом управленческой организации.

В рамках концепции общества знания разрабатывается модель «полезного знания». Полезное знание – «подмножество всего объема знаний, которое имеет отношение к постижению природы в целях контроля над ней и манипулирования ею ради нашей материальной пользы» [6, с. 32]. Концепция полезного знания осмысливает знание как источник экономического роста, вне познавательных способностей и социальных институтов. Знание в данном контексте представляет собой технологическое манипулирование природой в материальных целях.

Полезное знание может быть разделено на две группы: пропозициональное (знание того, что) – каталогизирует природные явления и закономерности и прескриптивное знание – знание, предписывающее совершение определенных действий, связанных с манипулированием с окружающей средой ради материальных целей (производство).

Пропозициональное знание содержит в себе научное знание, неформальные знания о природе, интуитивные представления и понимание законов природы, традиции народной мудрости, житейский опыт. Так, географические знания изначально складывались из представлений относительно способов добраться из пункта А в пункт В.

Прескриптивное «знание как» носит рецептурный характер, представляет собой технологию, инструкцию. Именно этот тип знания преобразует знание в действие. Проблема доступа к прескриптивному знанию состоит в невозможности его полной формализации, вербализации и эксплицитного выражения, частично оно связано с непосредственным опытом, человека его применяющего (так называемая проблема «молчаливости» инструкций).

Можно говорить о наличии некоего метанабора технических умений человечества в различные эпохи. Какие из этих технических умений оказываются востребованы производством и повседневной практикой –

вопрос, решение которого исследователи видят в теории, аналогичной теории естественного отбора (Нельсон, Уинтер) [6].

Концепт полезного знания адекватен в условиях модерна. До эпохи модернизма технологический рост не был решающим фактором экономического роста: существовали инженерия – без механики, выплавка чугуна – без металлургии, красильная промышленность – без органической химии, горное дело – без геологии, медицинская практика – без иммунологии и микробиологии. Имеющихся знаний было недостаточно для того, чтобы генерировать устойчивый технологический рост на основе технологических изменений. Изменение этой ситуации порождает промышленную революцию.

Более широкая и имеющая меньше издержек эпистемологическая база обуславливает более высокую вероятность совершенствования технологий. Знание о принципах работы технологий уменьшает издержки на их улучшение и развитие. В качестве предпосылки расширения эпистемологической базы и развития технологий в рамках концепции полезного знания указывается необходимость институциональных предпосылок – определенного рода системы вознаграждений, стимулирующей научную и технологическую деятельность. Количество знания и талантливых людей, производящих его, ограничено, поэтому институциональные аспекты поддержки играют ключевую роль. Необходимы стимулы для научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ со стороны общества, рациональная система вознаграждений (например система патентов, защиты интеллектуальной собственности).

Рациональность человека как экономического агента анализируется в рамках концепции «ограниченной рациональности», которая допускает неполноту информации, недостаточность времени и ресурсов. Ограниченная рациональность предполагает максимизирующее поведение человека, ориентирующегося на выбор лучшего варианта. Но, по мнению Г. Саймона, подобное поведение выходит за рамки экономического и распространяется и на другие социальные сферы. Подобного рода рациональность тем более проявляется, чем в большей степени присутствуют неполнота информации и неопределенность в принятии решений. В условиях невозможности доступа к полной информации и достижения глобальной максимизации в решении различного рода задач ограниченная рациональность выступает формой удовлетворительного решения проблемы. Ограниченная рациональность означает экономическое поведение, которое является преднамеренно рациональным, но лишь в ограниченной степени; отражает лимитированность познавательных способностей человека в получении, хранении, восстановлении и обработке информации [8]. Рациональность в подобной ситуации может пониматься как рациональность процедур принятия решений, которая предполагает учет как познавательных возможностей человека, так и присущих ему когнитивных ограничений.

Наиболее известная концепция упрощенной рациональности на сегодняшний день – теория макдональдизации Дж. Ритцера. Как для Вебера моделью формальной рациональности была бюрократия, так для Ритцера «ресторан быстрого питания представляет собой современную парадигму формальной рациональности» [7, с. 497].

Основные измерения данного типа формальной рациональности – эффективность, предсказуемость, исчисляемость, контроль с использованием унифицированных, не учитывающих личностный фактор, технологий – характерны как для сети быстрого питания «Макдоналдс», так и в целом для современных средств потребления – современные супермаркеты, отели, банковские системы и т. д. При внешней простоте данный механизм не является все же абсолютно прозрачным и полностью просчитываемым: так, замена человеческих технологий унификацией операций привносит иррациональность.

Единственное различие между своей «упрощенной» концепцией рациональности и ее «усложненными» альтернативами (Гидденс, Бек) автор концепции макдональдизации видит в характере ситуаций, служащих «модельными» для концепции рациональности. Для Гидденса и Бека это – чрезвычайные обстоятельства, грозящие рисками и катастрофами, в то время как для Ритцера – обыденные жизненные явления (гамбургеры или кредитные карточки), которые не грозят чрезвычайными рисками. Клиент ресторана быстрого питания в любом случае может быть уверен, что он получит свой гамбургер и платеж по кредитной карте будет проведен.

Ритцер рассматривает также перспективу макдональдизации чрезвычайных обстоятельств: «Атомная электростанция, конечно, функционирует эффективно, работает предсказуемо, опирается на количественные критерии и применяет широкий ряд унифицированных технологий, однако, как и другие макдональдизированные системы, она порождает иррациональные проявления рациональности, в том числе редкие, но разрушительные аварии» [7, с. 505].

Примером модели упрощенной рациональности является и модель так называемой «сникеризации» [4]. Данная модель предполагает не полную унификацию продукта, а его разнообразные модификации. Эта тенденция относится не только к товарам массового потребления, но и к информационным продуктам, форматам СМК, и даже к имиджам политических лидеров и партий.

Непредсказуемое общество риска или предсказуемый макдональдизированный мир без неожиданностей – такова дилемма современного общества. Каким ему быть – зависит от того, случится ли «возвращение действующего субъекта» и каковы будут его рациональные цели и ценностные измерения.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 318 с.
2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология 21 века. – М.: Логос, 2003. – 368 с.
3. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
4. Касютин В.Л. Социальные технологии как метод оптимизации менеджмента в современных региональных печатных СМИ РФ // Научные ведомости БелГУ. Сер. «Философия. Социология. Право». – 2009. – № 7.
5. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос / под ред. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1991. – Вып. 1. – С. 194–216.
6. Мокир Дж. Общество знания: теоретические и исторические основы // Экономический вестн. РГУ. – 2004. – Т. 2, № 1. – С. 10–37.
7. Ритцер Дж. Современные социологические теории. – СПб: Питер, 2002. – 688 с.
8. Саймон Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 16–38.
9. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
10. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003. – 416 с.

УДК 111.1

О.Д. Наумов

**И. КАНТ & Ж. ДЕРРИДА: ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ
КАК АПОЛОГИЯ РАЗУМА**

О.Д. Naumov

**KANT & DERRIDA: THE PHILOSOPHY OF RELIGION
AS AN APOLOGY MIND**

В центре внимания данной статьи – так называемый «поздний» период творчества французского философа Ж. Деррида. На материале данного периода автор предпринимает попытку рассмотрения интеллектуального проекта Деррида с позиций философии религии. Обращаясь к анализу таких концептов, как «бытие», «имя», «Бог» и

операции именованья удается установить, что «религиозный» поворот мысли Деррида – лейтмотив всего деконструктивистского проекта, представляющего в качестве единого, целостного интеллектуального построения. Автор указывает, что, несмотря на мистические альтерации, присущие дискурсу Деррида, его философский проект во многом схож с философско-религиозными исканиями И. Канта. В результате философский проект Деррида рассматривается в сравнении с критическим рационализмом Канта. Приводятся аргументы в защиту предположения о том, что пафос философско-религиозных проектов Канта и Деррида может быть сведен к своеобразной апологии разума.

Ключевые слова: деконструкция, *differance*, бытие, именованье, Деррида, Кант, религия.

The focus of the article is the so-called “late” period of creativity of the French philosopher Derrida. On a material of the period the author attempts to review intelligent design from the point of Derrida’s philosophy of religion. Turning to the analysis of concepts such as “being”, “name”, “God” and naming operations can be established that the “religious” turn of thought Derrida as the leitmotif of all deconstructive project appears as a single, coherent intellectual construction. The author points out that despite the mystical alterations inherent discourse Derrida, his philosophical project is largely similar to the philosophical and religious quests Kant. As a result, Derrida's philosophical project is considered in comparison with the critical rationalism of Kant. Arguments for the assumption are that the pathos of philosophical and religious projects of Kant and Derrida can be reduced to a kind of apologia of reason.

Keywords: deconstruction, *difference*, being, naming, Derrida, Kant, religion.

Жак Деррида – одна из ключевых фигур философии XX–XXI веков, интеллектуальный проект которой лишь усиливает и без того неоднозначное положение современной, постметафизической философии. Во многом неоднозначность проекта Деррида обусловлена известным противоречием, возникающим между популярностью личности французского философа и сложностью чтения его концептуального почерка. Возможно, что именно это противоречие объясняет широкий диапазон оценок, высказываемых исследователями касательно деконструктивизма. К примеру, лишь в русскоязычных историко-философских работах, посвященных Деррида, оценки творчества мыслителя колеблются от усмотрения в нем попытки радикальной критики классической метафизики [5] до репрезентации замысла Деррида в качестве образца метафизической философии, точнее – метафизики Различия [6]. Ряд исследова-

телей, отмечая альтерации мистической традиции, присущие дискурсу Деррида, тем не менее, настаивают на том, что он – «философ афинского полиса, достойный представитель его философского ареопага» [10, с. 102], однако в то же время другие исследователи позиционируют Деррида в качестве представителя мистической – ономотологической традиции, фокусирующей свое внимание на процедуре именованя.

Одним словом, имя Жака Деррида окутано пеленой историко-философского мифа, не столько скрывающего за собой подлинный лик философа, сколько рассеивающего его, размывая подлинный лик философа симулякрами, творимыми историками философии. Выход из этой ситуации только один – прислушаться к самому философу, уловив в создаваемых им текстах то, что он хочет сказать. В одном из интервью 90-х годов Деррида отмечал: «хотя почитают меня все больше и больше, читают – все меньше и меньше» [Цит. по: 5, с. 8], указывая на то, что подлинный замысел его философского проекта не доступен исследователю. В частности, незамеченным, по словам Деррида, остается «религиозный» поворот его мысли: «вот это как раз и прошло мимо моих читателей последних двадцати лет – моя религия, о которой почти ни у кого нет никакого понятия» [Цит. по: 5, с. 8].

Что это значит? Неужели Жак Деррида, унаследовавший от неприемлимого критика христианства – Ф. Ницше помимо принципа переворачивания метафизических оппозиций еще и склонность к «диониссийскому мифотворчеству» [5, с. 65], является религиозным философом? Если это так, то справедливой, на наш взгляд, будет постановка следующих вопросов: что подразумевает под «религией» французский философ, и, самое главное, какое место занимает эта проблематика в рамках проекта деконструктивизма?

Для ответа на эти вопросы мы постараемся деконструировать проект самого создателя деконструкции, применив в отношении Деррида методологический арсенал тех же самых средств, которые он использовал в отношении западноевропейской метафизики, сводимой им к понятию «логоцентризма». Как отмечает Н.С. Автономова, пафос замысла Деррида сводится к тому, чтобы критически переосмыслить традицию западноевропейской метафизики. Однако это не чистое отрицание: в творчестве Деррида по-своему воплощено «извечное стремление философии создавать новые модели значения и тем самым – новые способы понимания места человека в мире» [5, с. 21]. Иными словами, интеллектуальное «новаторство» Деррида – это воспроизводство известной логики функционирования человеческой культуры – модели «записывание-стирание». Как и западноевропейская культура, мысль французского философа строится на различении и соотношении следов на месте прежних смыслов, атомов и сущностей, причем следы, записываясь, должны были бы, по идее, сохранять все самое ценное, однако никаких

благостных «снятий» при этом не происходит [5, с. 18]. Таким образом, желая достичь недостижимого, анализирующая мысль Деррида проникает к самым основаниям возможности западноевропейской культуры – области «архи-синтеза» условий всякого опыта. В основе этого опыта невозможного [см.: 9] лежит переживание и стремление разрешить опыт личной травмы – травмы языка. Таким образом, в основе генезиса философской мысли Жака Деррида лежат экзистенциальные мотивы – восприятие языка как моего и не-моего. Именно это обстоятельство позволяет Н.С. Автономовой прийти к выводу о том, что центральный вопрос философии Деррида – это «вопрос о языке» [5, с. 36], точнее – вопрос об отношении языка к бытию, поскольку язык – это способ изобретения имени, в том числе и имени Бытия.

Но как пытается проработать свою травму Жак Деррида? Что выступает для него гарантом выхода из наличной беспочвенности для обретения всякий раз неизбежно оказывающейся «чужой» почвы? Ведь деконструкция – это критика привычного для западноевропейской культуры способа организации опыта. Неслучайно сам Деррида указывает на то, что задача его философии – переиграть Разум: «словно заговорщик философ из-за спины подкрадывается к тирану-Разуму и свертывает его на узурпированной им же самим собственной территории. Но как можно победить Разум на его же "территории"? Посредством критически настроенного все того же разума? Или речь должна идти о каком-то другом разуме» [10, с. 98]? Деррида, словно нелегальный эмигрант, занимает пограничное положение на пересечении двух противостоящих друг другу традиций мысли, которые можно определить, используя ключевую метафору философии Л. Шестова, как «Афины» и «Иерусалим». Недаром проект деконструкции, по словам Н.С. Автономовой, представляет собой эксперимент по «выходу из традиции без отказа от традиции, прощупывание новых возможностей мысли без нигилистического отказа от старого, но лишь с его «подвешиванием», приостановкой его рецептов, которые ошибочно кажутся ей самоподразумеваемыми» [5, с. 50–51].

Можно ли тогда сказать, что Жак Деррида – представитель «Иерусалима» или же все-таки он, пусть один из последних, представителей Афинского полиса, член его философского ареопага, пытающийся сохранить родную для него традицию за счет «переодевания» ее в чуждые ей одежды? Если это все-таки так, то тогда деконструктивистский проект Деррида – это единый, законченный и целостный философский проект, представляющий собой пример последовательного и непрерывного развития французского постструктурализма, понимаемого философом в качестве своеобразного послесловия, постскриптума традиции западной мысли [3, с. 35]. В этом смысле этический и прагматический «повороты» мысли Деррида – не более чем тщательно продуманный способ перехода

от обобщенной/обобщающей письменности к обобщенной/обобщающей религии [4, с. 434]. Иными словами, грамматология должна уступить место прогматологии для того, чтобы прогматология стала практическим приложением грамматологии к самым различным объектам, в том числе и к религии. Тогда становится понятна любовь Деррида к различиям: в противовес мнению Н.С. Автономовой, мы склонны видеть в ней не способ самоутверждения, отменяющий любые другие подходы, а попытку сохранить их многообразие, не дав им обезличиться в грандиозном коллаже современного дискурса. Пафос деконструкции заключается вовсе не в том, чтобы естественным образом отличить себя от других, а в том, чтобы найти пути пересечения наличного множества концептуальных построений. Таким образом, цель философского проекта Жака Деррида заключается в том, чтобы «спасти честь разума» [2, с. 167] с помощью «хитрости». Иными словами, философ пытается перехитрить созданный разумом мировой беспорядок, закливав его ярким и мощным беспорядком переименованных, «деконструированных» текстов [5, с. 26]. В этом смысле философия деконструктивизма – это в какой-то мере лекарство от абсурда современности.

Но для того чтобы сопротивляться абсурду, его необходимо не только осознать, но и в известной мере признать, конечно, для того, чтобы затем стратегически пересмотреть. Тогда обращение Деррида к религии как таковой вовсе не случайно: разработка религиозной проблематики – не выход за пределы проекта деконструктивизма, а его скрепление и завершение (конечно, если завершение в принципе возможно в рамках открытого по определению проекта).

По мнению Е.Н. Гурко, практически все основополагающие идеи проекта деконструкции представлены Деррида в рамках триптиха, опубликованного в 1967 г. Там же можно обнаружить и первые попытки обращения философа к религии, связанные с понятием Имени Бога, фигурирующие в последних работах Деррида [7, с. 320]. Надо сказать, что первоначально Имя Бога, наряду с множеством других имен, присутствует в проблемном поле деконструкции практически сразу. Однако целенаправленная разработка данного вопроса наблюдается лишь в последних работах философа, что неслучайно. Имя Бога необходимо Деррида для того, чтобы окончательно закрепить, связать воедино удивительную изначальную целостность своего философского проекта. В этом смысле, разработка проблематики именованного Бога – методологический ход философа: единственным методом, приемлемым в рамках деконструкции, отрицающей любое логическое структурирование или репрезентацию, является полилог – нескончаемая дискуссия, в которой все и вся имеет право высказаться и быть услышанным. А раз речь идет о полилоге, то не так уж и важно, кому будет позволено говорить первым, следовательно, также неважно и то, что является самым важным.

Как отмечает Е.Н. Гурко, все может быть важным и значительным в разговоре о невозможном – об Имени Бога: путь Деррида к избранной им религии, его последние изыскания, касающиеся религии как таковой, отголоски его ранних работ, его ответ на внутренние натяжения, возникающие в результате проецирования религии на эти работы, и обнаружение этими голосами, диалог с голосами, исходящими от Бога или божественного. Все это и многое другое оказывается удивительно соответствующим самому имени деконструкции [7, с. 321].

С одной стороны, это обстоятельство – условие непонимания Деррида: мы будем читать его тексты все хуже, так и не заметив – не услышав конституирующих их вопросов. С другой стороны, грандиозное стремление, вдохновляющее проект Деррида, сближает его с заговорческим языком мистической традиции, питающей, как и деконструктивизм, такую же страсть к невозможному, которое никогда не наличествует в настоящем, а всегда еще впереди. Таким образом, главный критик европейской рациональности – Деррида – приближается к одному из главных европейских рационалистов – Канту. Они оба идут в направлении невозможного места, к которому дойти нельзя. Эта парадоксальная близость столь различных на первый взгляд Деррида и Канта обусловлена тем, что в основе их философских проектов лежат экзистенциальные вопросы: «Кто я такой? Кто ты такой? Что грядет?». Иными словами, и тот и другой пытаются помыслить нечто такое, то помыслить если не невозможно, то очень трудно. В этом смысле работа Деррида «Вера и знание: два источника религии как таковой в рамках разума» удивительным образом оказывается созвучной поздней работе Канта «Религия в пределах только разума» в вопросах: как помыслить религию (в свете сегодняшнего дня без отрыва от философской традиции – добавляет Деррида)? Как мыслить мысль по поводу Бога?

Получается, что подлинный вопрос, лежащий в основе философского проекта Жака Деррида, – это вопрос о различении соотношения веры и знания, в известной мере сближающий Деррида не только с Кантом, но и с целой плеядой христианских философов. Фактически проект деконструкции – это не только доказательство верности Канту, но и попытка повторить его жест сегодня. В результате долгого и скрупулезного анализа Деррида, как и Кант, приходит к выводу: «религия и разум имеют один и тот же источник» [1, с. 28]. Этим источником является перформативность: религия и разум перформативны по самой своей сути, поскольку перформативность – это сущность человека. В этом смысле религия и знание, вера и наука производят, творят и представляют модусы человеческого существования, фактически выступая источником и основанием самого бытия, поскольку перформативные по своей природе религия и разум разворачиваются в качестве дуальных форм презентации – как различные ответы на один, в сущности, вопрос, в зави-

симости от адресата. В связи с этим Деррида пишет: «Религия и разум развиваются в тандеме, происходя из общего источника: клятвенного свидетельствования любой перформативности, независимо от того, держится ли ответ перед другим [Богом] или перед высокими достижениями перформативности технонауки» [1, с. 28]. Источником всех возможных адресатов, первоадресатом для Деррида является Бог, присутствующий в мире до начала какого бы то ни было бытия: «не могущим быть воспроизведенным, не имеющим мест, присутствием абсолютного отсутствия, производством и воспроизводством невозпроизводимого отсутствия» [7, с. 326]. Однако Бог – не единственный адресат клятвенного свидетельствования любой перформативности, наряду с ним таким адресатом выступает разум. Деррида поясняет: «Мы ассоциируем здесь разум с философией и наукой как технонаукой, как критической историей производства знания, знания как производства, «ноу-хау» и вмешательством на расстоянии как телетехникой, каковая всегда являет собой высокий перформанс и перформативна по своей сути» [1, с. 28–29]. Таким образом, клятвенное свидетельствование любой перформативности одновременно адресуется как Богу, так и разуму, представляющему собой перформативную инстанцию по производству знания, выступающему, в свою очередь, производством как того, что имеет место – присутствия, так и самого места в противовес производству и воспроизводству невозпроизводимого отсутствия. Таким образом, содержание клятвенного свидетельствования в зависимости от адресата может различаться, однако сущность любого клятвенного свидетельствования перформативности одинакова и тождественна всем другим, поскольку источник у нее один: он разделяется в самом себе механически, автоматически, реактивно противопоставляя себя себе самому, – отсюда – два источника в одном. Их реактивность есть процесс жертвенной компенсации, она «стремится восстановить невредимое и неиссякаемое, которому сама же и угрожает. Здесь возможно и располагается зона ответственности того, что имеют верованием, доверием или лояльностью того, кого именуют попечителем, опекуном как таковым, того, что есть трибунал веры» [1, с. 28–29].

По сути Деррида говорит о том, что всеобщая история именованья начинается с именованья Бога – именно он выступает той инстанцией, которая разделяясь в себе самой, запускает этот всеобщий процесс. Именно проблема имени и именованья – первопроблема, решаемая в рамках деконструктивизма, усматривающего в имени не столько имя собственное – сколько имя «как таковое, в той мере, в какой оно соответствует своему носителю, подходит ему, именуется по правде, по справедливости и потому является именем правильным и справедливым, не искажает именуемое и потому прозрачно по отношению к нему, являя собой чистое, ясное, прозрачное» [7, с. 331–332]. В этом смысле

Деррида интересуют не сами вещи, а лишь их имена: не носитель, а его имя, не Бог, а его именование, не бытие, а то, как оно называет себя в языке. Таким образом, имя всегда оказывается «старше» своего носителя, в том числе и имя бытия, несмотря на то, что они оказываются одновременно различны и в то же время – неразличимы. Иными словами, во всяком имени присутствует некоторое различие между ним и его носителем: Имя Бога в известной степени начинает отождествляться Деррида с *differance*, никогда, однако, полностью с ним не совпадая. В результате, имя и именование оказываются чем-то невозможным: язык не имеет имени для того, что подобно *differance*. Это становится возможным вовсе не потому, что язык не нашел или не получил это имя, а потому, замечает Деррида, что «не существует даже имени для того, что не является не только сущностью или Бытием, но не есть даже само имя “*differance*”, имя, которое не может быть именем, не может быть чистой именной сущностью; не существует имени того, что распадается в различных субституатах» [8, с. 156]. Во многом именно благодаря этому обстоятельству мы начинаем понимать, что Бог, точнее – Имя Бога – для Деррида это и есть Бытие, поскольку неназываемое – это и есть невысказанное Бытие, которое не может быть обозначено посредством имени. То, что неназываемо, есть игра, которая приводит к именуемым, именным результатам, относительно единым или атомарным структурам, которые мы называем именами, или цепочкам знаменателей, субституатами для имен. Имен, посредством которых описывается именуемый эффект “*differance*”, принадлежит *differance* точно так же, как «неправильное начало или конец игры представляет собой часть игры, функцию системы» [8, с. 156–157].

Таким образом, сходство между *differance* и Богом (то есть Бытием) заключается в том, что они, будучи неизменными, не могут одинаково представлять собой имя имени, – то есть имя Бытия, поскольку язык не в силах его артикулировать. В этом смысле Бытие недостижимо, а связь языка и Бытия оказывается невозможной, так как исток языка – *differance*, по Деррида, всегда оторван от Бытия. Получается, что Бытие лишь скрывается за Богом, никогда не открывая и не сообщая о себе. Тогда Бог и *differance* – не более чем способ отрицательного выражения невыразимого Бытия. Бог как Бытие, пусть и невыразимое, становится Бытием и потому вполне может использоваться в качестве слова, которым открывается Бытие. Однако субъект в этом Бытии никогда не присутствует: ни пространственно, ни временно. Он располагается – обнаруживает себя всегда в не-существующем мире не-Бытия, то есть мире *differance*. Именно это обстоятельство порождает ту проблему, которая преследует проект Жака Деррида – проблему божественности *differance*.

Ответ самого Деррида на этот вопрос крайне ожидаем: «и да, и нет» [7, С. 335]. Таким образом, именно для того, чтобы хоть как-то прояс-

нить эту неопределенность, мысль философа вынуждена совершить свой религиозный поворот, в результате которого стало очевидно, что субъект, творящий с помощью языка свой собственный мир – несуществующий мир не-Бытия, – проецирует на себя функцию Бога. Доводя эту идею до логического конца, Деррида замечает, что *differance* – это подражание божественности, заключающееся в повторении исходного жеста творения в его аутентичной форме – форме отрицания Бытия. Таким образом, *differance* – это все-таки не Бог, а лишь подражание ему, которое, согласно Е.Н. Гурко, должно ставить вопрос о его значении.

Иными словами, очевидность единства и непрерывности творчества Жака Деррида открывается лишь тогда, когда мы сдвигаем, деконструируем сам проект деконструкции, рассматривая его с позиций парадигмы религиозной философии, в частности, в связи с проблемой соотнесения Бога, Бытия и субъекта посредством Имени Бога. Именно эта установка позволяет не столько разделить творчество Деррида на периоды, сколько наметить схему движения его мысли в рамках открытого, но вместе с тем целостного, единого и неделимого интеллектуального проекта, претендующей быть попыткой мыслить (по поводу) Бога, именовать (по образцу) Бога и действовать (по примеру) Бога. В результате Бог по-прежнему остается безымянным и неименуемым человеком, но в отличие от конфессионального понимания Бога, деконструкция, претендующая на понимание религии как таковой, совершает невозможное, пытаясь мыслить немислимое: Бог сам начинает открывать человеку свое Имя, в котором проясняется фундаментальная истина – Он не может быть соотнесен с Бытием, поскольку Он неименуем и не является источником именованного. В результате запускается механизм всеобщего различения, уподобляющего субъекта Богу, но в то же время не отождествляющего их, а лишь указывающего на то, что связь Бога с человеком, мыслящего себя в качестве Бога деконструкции, осуществляется посредством собственного Имени Бога.

В связи с вышесказанным нельзя не задаться лишь одним вопросом: не скрывается ли за за ширмой извилистого терминологического аппарата дерридианской деконструкции сугубо кантовский вопрос о возможности религии? Иными словами, с уст современной философии, трансформировавшейся на исходе XX столетия в своеобразную теологию, не сходит лишь один вопрос – вопрос о возможности теологии в пространстве современного философского дискурса. Это значит, что «философия не достигла своего “конца”, а так называемый постмодернистский принцип *non-finito* как никогда актуален» [10, с. 97], с одной лишь оговоркой: отныне философия – это не история сказывающего о себе бытия, а поиски Бога в богооставленном мире.

Литература

1. *Derrida J.* Faith and Knowledge: the Two Sources of "Religion" at the Limits of Reason Alone.
2. *Derrida J.* *Vogous Deux essais sur la rasion.* Parise: Galilée, 2003.
3. *Gasché R.* Tain of the Mirror. Derrida and the Philosophy Reflection. Cambridge & London: Cambridge University Press, 1986.
4. *Vries H. de.* Philosophy and the Turn to Religion. JHU Press, 1999.
5. Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. – М.: РОССПЭН, 2011. – 509 с.
6. Гаспарян Д.Э. Есть ли в философии различия своя метафизика: Ж. Делёз и Ж. Деррида // Философские науки. – 2014. – № 9. – С. 71–85.
7. Гурко Е.Н. Божественная ономотология: именованя Бога в имяславии, символизме и деконструкции. – Минск: Экономпресс, 2006. – 445 с.
8. Деррида Ж. *Differance* // Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. *Difference.* – Томск: Водолей, 1999. – С. 124–158.
9. Круглова И.Н., Круглов В.Л. С.Л. Франк и Ж. Деррида: необходимость невозможного // Вестн. ТГУ. – Сер. «Философия. Социология. Политология». – 2015. – № 4 (32). – С. 278–287.
10. Круглова И.Н., Наумов О.Д. «Молчание о Бытии»: мистическая традиции и деконструкция Ж. Деррида // Вестн. ТГУ. – Сер. «Философия. Социология. Политология». – 2015. – № 2 (30). – С. 97–106.

ПЕДАГОГИКА

УДК 53:372.8

И.В. Серюкова

ФИЗИЧЕСКИЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ КРУЖОК

I.V. Seryukova

PHYSICAL STUDENT GROUP

В статье сообщается об опыте использования международных инициатив в работе физического студенческого кружка, решая задачу образовательную и воспитательную – приобщая студентов к деятельности международной организации ООН и ее программе Международного года. В 2015 году студенческий кружок при кафедре физики Красноярского ГАУ работал по программе «Международный год света».

Ключевые слова: свет, интерференция, дифракция, поляризация, Международный год света, студенческий физический кружок.

The article reports on the experience of international initiatives in the physical work of the student group, solving the problem of educational – introduction of students to the activities of international organizations the United Nations and its International year. In 2015 student group at the physics Department of the Krasnoyarsk state agrarian UNIVERSITY worked on the program "the International year of light".

Keywords: light, interference, diffraction, polarization, the international year of light, student physical group.

Проблема мотивации учебной деятельности студенческой молодежи всегда остро стоит перед ответственным преподавателем. Современные исследования в области педагогики обращают наше внимание на эту проблему и предлагают для ее решения использовать активные методы обучения [1, 2]. Мы полагаем, что работа студентов в научном кружке является активной формой обучения – творческой игрой, при участии в которой студенты конструируют свое знание, формируют на его основе сообщение – научный доклад на конференции. Если преподаватель хочет использовать эту форму работы, то перед ним стоит задача – сфор-

мировать темы для работы студенческого кружка, и здесь мы можем использовать запросы международных организаций, одновременно вовлекая студентов в гуманитарное мировое развитие.

Генеральная ассамблея ООН объявила 2015 год «Международным годом света и световых технологий» (МГС и СТ). Подробную информацию об этом на русском языке можно найти на сайтах: Организация объединенных наций мероприятия и памятные даты [3], Официальный сайт Международного года света и световых технологий [4], Национальный портал Международного года света и световых технологий в России [3].

Как сообщается на Официальном сайте Международного года света и световых технологий [4]: «Инициатива предпринята ООН для повышения осведомленности граждан мира о важности света в их жизни, для улучшения общественного понимания того, как оптические технологии соответствуют устойчивому развитию и обеспечивают решение проблем в области энергетики, образования, сельского хозяйства, связи и здравоохранения для укрепления международного сотрудничества».

Для преподавания физики – это замечательное событие, можно на его основе заинтересовать студентов в изучении физических свойств света и электромагнитного излучения, поговорить об истории развития науки и физики, в лаборатории продемонстрировать оптические явления, сделать видео-записи явлений для лекционных демонстраций.

В обоснование выбора года приводятся важные вехи в истории науки о свете, юбилейные в 2015 году, для руководителя студенческого научного кружка – это программа работы кружка на целый год (каждому пункту можно посвятить отдельное заседание), для преподавателя физики – это темы рефератов на этот год [3]:

«1) написание в 1015 году работ по оптике Ибн аль-Хайсамом; 2) введение в 1815 году Огюстеном Френелем понятия световой волны; 3) появление в 1865 году электромагнитной теории распространения света, созданной Джеймсом Максвеллом; 4) появление в 1905 году теории фотоэлектрического эффекта, предложенной Альбертом Эйнштейном; 5) введение в 1915 году в космологию понятия света благодаря общей теории относительности; 6) открытие в 1965 году Арно Пензиасом и Робертом Вильсоном космического микроволнового фонового излучения; 7) успехи, достигнутые в 1965 году Чарльзом Као в области волоконно-оптической связи на основе передачи связи».

Инициаторы проведения Международного года света ставят перед ним следующие цели:

- улучшение общественного понимания того, как свет и основанные на нем технологии влияют на повседневную жизнь людей, а также играют центральную роль в будущем глобальном развитии;

- создание по всему миру образовательного потенциала путем мероприятий, нацеленных на научное образование молодежи, способствование решению проблем в области гендерного баланса и, в частности, сосредоточение внимания на развивающихся странах и странах с формирующейся рыночной экономикой;

- пропаганда важности основанных на свете технологий для устойчивого развития, в частности, в области медицинского обслуживания, сельского хозяйства и коммуникаций, с тем чтобы обеспечить доступ к образованию в целях улучшения качества жизни по всему миру;

- повышение осведомленности о междисциплинарном характере науки в XXI веке с акцентом на то, что взаимодействие между различными тематическими областями науки будет играть все большую роль в будущих исследованиях и образовании;

- объяснение тесной связи между светом и искусством с указанием на все большее значение оптических технологий в деле обеспечения сохранности культурного наследия;

- укрепление международного сотрудничества путем координации деятельности между научными сообществами, образовательными учреждениями и промышленностью с уделением особенно пристального внимания созданию новых партнерств и инициатив в развивающихся странах;

- установление долгосрочных партнерств, с тем чтобы эти мероприятия, цели и достижения имели продолжение и после окончания Международного года света.

В России оргкомитет МГС и СТ находится в Санкт-Петербургском национальном исследовательском университете информационных технологий, механики и оптики [6].

Каждый год посвящен двум, трем проблемам, например, 2015 год был еще объявлен «Международным годом почв» [1]. Изучение тем Международного года ООН дает нам информацию о том, что мировое сообщество сейчас считает важным и почему.

На кафедре физики Красноярского государственного аграрного университета работает студенческий научный кружок, в этом году под моим руководством проводились работы по темам МГС (в прежние годы у нас уже были работы, посвященные свету [6–8]). Мы работаем со студентами первого курса, и поэтому в большинстве случаев студенческие работы – это реферативные работы. Чтобы добавить практической работы, я предложила студентам снять видео- и фотоматериалы, иллюстрирующие оптические явления интерференции, дифракции и поляризации, которые в дальнейшем можно было бы использовать в лекционных презентациях, разместить в электронных учебно-методических комплексах.

Рис. 1. Установка для наблюдения дифракции света

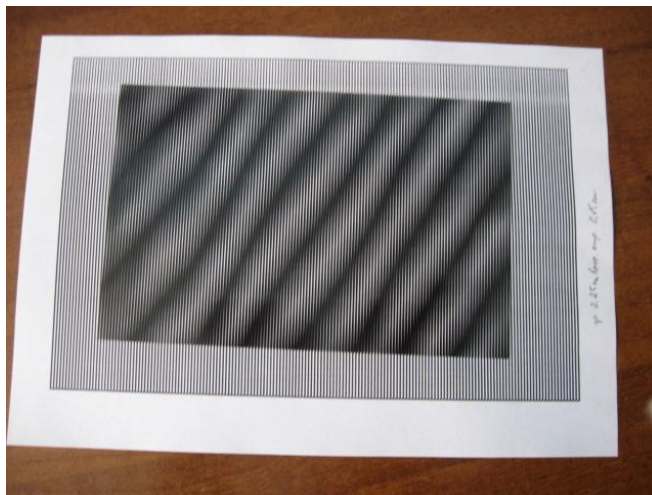
Установка для наблюдения дифракции света включает лазер из комплекта строительного уровня, дифракционную решетку (100 делений на 1 мм), экран и оптическую скамью. На рисунке 1, а мы видим, как луч света падает на экран без дифракции и дает одну световую точку, а на рисунке 1, б – что при прохождении через дифракционную решетку на экране образуется спектр из пяти точек – это результат дифракции луча лазерного света на дифракционной решетке.

Первоначально установку для наблюдения поляризации света мы собрали из поляризатора, экрана, лазера. Мы планировали снять видео, иллюстрирующее закон Малюса. Излучение лазера поляризовано, поэтому нужен один поляризатор для наблюдения изменения интенсивности света при изменении угла между световым вектором и оптической осью кристалла путем вращения поляризатора, но видео получалось не очень наглядным. Тогда мы заменили лазер светодиодной лампой, добавили в установку еще один поляризатор и получили замечательную яркую иллюстрацию поляризации света и изменения интенсивности света до полного гашения при вращении анализатора относительно поляризатора (рис. 2).

Рис. 2. Установка для наблюдения поляризации света: а – поляризация света светодиодной лампы поляризатором; б – второй поляризатор установлен перпендикулярно первому – поляризованный свет не проходит через систему поляризаторов

Наибольшую трудность для нас представила иллюстрация интерференции, наша лабораторная установка наблюдения колец Ньютона через микроскоп не позволяет без специальных приспособлений сделать видео- и фото интерференционной картины. И тогда мы решили проиллюстрировать интерференцию с помощью растровых пленок, идею подсказала статья в популярном журнале [9].

Рис. 3. Наблюдение интерференции на растровой пленке

Мы нарисовали таблицу на весь лист формата А4 в Word с параметрами: высота строки – 0,15 см, толщина границ ячеек – 2,25 пт. Распечатали одну таблицу на бумаге, а вторую – на прозрачной пленке. Таким образом, мы получили две когерентные плоские волны. Теперь мы можем, перемещая волну на прозрачной пленке по волне на бумаге, наблюдать образование интерференционной картины.

Для нас оказалось очень продуктивным использование информации «Международного года света и световых технологий» для организации научной работы студентов первого курса. Мы внесли свой вклад в достижение целей года света: «улучшение общественного понимания того, как свет и основанные на нем технологии влияют на повседневную жизнь людей», «создание по всему миру образовательного потенциала путем мероприятий, нацеленных на научное образование молодежи». Студенты подготовили не только рефераты о свойствах света, но и создали видео- и фотоиллюстрации явлений интерференции, дифракции и поляризации.

Литература

1. *Апресов С.* Тест на вечность // Популярная механика. – 2014. – № 10 (144). – С. 56–59.
2. *Сараскина Л.Е.* Управление гуманитарным целеполаганием студентов в учебной деятельности // Вестн. КрасГАУ. – 2013. – № 6. – С. 274–277.

3. Организация объединенных наций мероприятия и памятные даты. – URL: <http://www.un.org/ru/events/observances/years.shtml>.
4. Официальный сайт Международного года света и световых технологий. – URL: <http://www.light2015.org/Home.html> 2015 International year of light and light-based technologies.
5. Национальный портал Международного года света и световых технологий в России. – URL: <http://light.ifmo.ru>.
6. Серюкова И.В. Отрицательное преломление электромагнитных волн // Инновации в системе непрерывного профессионального образования: мат-лы науч.-метод. конф. с междунар. участием. – Красноярск: Изд-во КрасГАУ, 2010.
7. Серюкова И.В., Ильюшенко М.М., Циммерман Е.Ю. Изучение фундаментальных физических явлений в учебной лаборатории: определение скорости света в растворах с помощью рефрактометра // Студенческая наука – взгляд в будущее: мат-лы всерос. конф. – Красноярск: Изд-во КрасГАУ. – 2008. – С. 202.
8. Серюкова И.В., Черепова Л.А., Андрияшин Д.В. Оптическая левитация // Студенческая наука – взгляд в будущее: мат-лы VII всерос. студ. конф. – Красноярск: Изд-во КрасГАУ, 2012. – С. 310–312
9. Апрезов С. Тест на вечность // Популярная механика. – 2014. – № 10 (144). – С. 56–59.

УДК 378.7

Г.Т. Полежаева

**ИНТЕРАКТИВНЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ
ДИСЦИПЛИН ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЦИКЛА
НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «МЕНЕДЖМЕНТ» В ВУЗЕ**

G. T. Polezhaeva

**INTERACTIVE FORMS OF TRAINING IN TEACHING
OF A PROFESSIONAL CYCLE DISCIPLINES OF THE TRAINING
AREAS “MANAGEMENT” AT THE UNIVERSITY**

Целью статьи является рассмотрение возможностей внедрения различных форм интерактивного обучения в вузе в контексте компетентностного подхода. В соответствии с поставленной целью в статье решаются следующие задачи: уточнены современные тенденции компетентностного подхода, рассмотрены различные формы интерактивного обучения, выявлены преимущества интерактивного обучения перед иными формами обучения, разработан алгоритм под-

готовки и проведения интерактивного занятия, проведена апробация интерактивных форм обучения на примере проведения занятий по дисциплине «Делопроизводство» в вузе. Методической базой исследования послужили: наблюдение, теоретический анализ и синтез, эксперимент, обобщение полученных результатов. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что эффективность интерактивного обучения заключается в интенсификации процесса понимания, усвоения и творческого применения знаний при решении практических задач за счет активного включения обучающихся в процесс не только получения, но и непосредственного использования знаний; это повышает мотивацию и вовлеченность участников в решение обсуждаемых проблем, что дает эмоциональный толчок к последующей поисковой активности участников, побуждает их к конкретным действиям; обеспечивает не только прирост знаний, умений, навыков, способов деятельности и коммуникации, но и раскрытие новых возможностей обучающихся, является необходимым условием для становления и совершенствования компетентностей через включение участников образовательного процесса в осмысленное переживание индивидуальной и коллективной деятельности.

Ключевые слова: высшее образование, интерактивные формы и методы обучения, делопроизводство, менеджмент, компетенции.

The aim of the article is to review the implementation of possibilities of various forms of interactive learning at the university in the context of the competency approach. According to the proposed aim in the article the following tasks are solved: modern trends of competence approach in high school are verified; various forms of interactive learning at the university are considered; the advantages of interactive learning to other forms of training in high school are found out; algorithm of preparation and conduct interactive classes in high school is worked out; testing interactive forms of learning on the example of the lessons on "Paperwork" discipline at the university is conducted. Methodological base of research served as follows: observation, theoretical analysis and synthesis, experiment, generalization of the results. This study allows us to conclude that the effectiveness of online learning is the intensification of the process of understanding, mastering and creative application of knowledge to solve practical problems due to the active involvement of students in the process of not only producing, but also to the direct use of knowledge; increases motivation and involvement of the participants in solving the problems discussed, giving an emotional boost to the subsequent prospecting activity of participants, encourages them to action. It provides not only knowledge, skills, ways of life and communication, but also discovering new opportunities of students, is a necessary condition

for the establishment and improvement of competencies through the inclusion of participants in the educational process in a meaningful experience of individual and collective activities.

Keywords: *higher education, interactive forms and training methods, record keeping, management, competence.*

Современные темпы технического прогресса ставят перед высшей школой новые, все более сложные, задачи и формируют новые требования к подготовке будущих профессионалов, обладающих широким спектром компетенций, высокой мобильностью, обучаемостью, способностью адаптироваться к быстро меняющимся условиям внешней среды.

Главенствующую роль в подготовке выпускника приобретает компетентностный подход, формирующий единую систему знаний, умений, навыков студентов и качеств их личности, которые принято называть профессионально значимыми качествами.

Ориентация на новые цели образования – компетенции – требует не только изменения содержания изучаемых предметов, но и методов и форм организации образовательного процесса, максимальную активизацию деятельности самого обучающегося в ходе занятия, приближения изучаемых тем к реальной жизни и поисков путей решения возникающих проблем. Актуальность формирования профессиональных и особенно ключевых компетенций обусловлена необходимостью расширения профессионального признания, совместимости и сопоставимости дипломов и квалификаций [5, 9].

Новые вызовы, стоящие перед системой высшего профессионального образования, определяют необходимость реформирования подходов к организации обучения в высшей школе. Система многоуровневого образования, формирование единого образовательного пространства, внедрение компетентностного подхода на всех этапах образовательного процесса определяют необходимость применения новых, более эффективных методов обучения. Преподаватель высшей школы на современном этапе выступает не только как носитель знаний, но и как профессионал, способный выбирать наиболее эффективную систему организации образовательного процесса и применять современные образовательные технологии.

Как показывает практика, на сегодняшний день выпускники высшей школы обладают недостаточной адаптивностью к быстро меняющимся условиям внешней среды, испытывают затруднения при генерировании новых идей, не обладают достаточным уровнем подготовки для решения нестандартных задач, ведения аргументированных дискуссий. Весьма остро данная проблема стоит и перед вузами, осуществляющими подготовку выпускников по направлению «Менеджмент». В современ-

ных условиях управленческая деятельность является ключевым направлением функционирования любой организации. Данный вид деятельности охватывает организационные вопросы, планирование, финансирование, производственный процесс, подбор и управление персоналом, контроль и т. д. Выпускники вузов, осуществляющие свою деятельность по профессии «менеджер», зачастую не могут эффективно применять на практике знания, полученные в процессе подготовки, ввиду излишней теоретизации учебного процесса и отказа от использования методов обучения, позволяющих сформировать ключевые компетенции эффективного управленца, и, в частности, способность собирать, обрабатывать и передавать информацию, касающуюся деятельности организации-работодателя. Иными словами, знание основ делопроизводства и документирования управленческой деятельности является на сегодняшний день одной из важнейших компетенций современного управленца. Таким образом, дисциплина «Делопроизводство» становится одной из важных дисциплин профессионального цикла подготовки современных управленцев и требует внедрения в процесс преподавания наиболее эффективных методов, соответствующих концепции компетентностного подхода.

По нашему мнению, обновление процесса преподавания дисциплины «Делопроизводство» в вузе подразумевает использование инновационных педагогических технологий в теоретической и практической подготовке студентов, которые направлены на достижение современных результатов образования, отраженных в ФГОС.

Результаты проведенного нами исследования, анализ теоретических источников по данной проблеме позволяют сделать вывод о том, что наиболее полно требованиям современной внешней среды отвечает личностно-ориентированный подход в подготовке выпускников. Следует подчеркнуть, что компетентностный и личностно-ориентированный подход устанавливают подчиненность знаний умениям, делая акцент на целостную способность и готовность выпускника высшей школы решать различные жизненные и профессиональные проблемы. Поэтому данный подход обладает интегрирующими свойствами и рассматривается как попытка восстановления нарушенного равновесия между образованием, запросами общества и реальными потребностями рынка труда. Оценивая компетенции и личностные характеристики, можно определить:

- социальную направленность специалиста – осознание им социальной значимости выбранной профессии, социальных последствий принимаемых решений, результатов деятельности и ожиданий общества;
- ценностно-смысловое отношение к предстоящей деятельности;
- практическую ориентированность;
- ситуационный характер – готовность к осуществлению деятельности в конкретных профессиональных ситуациях, реализации направлений деятельности, присущих выбранной профессии;

– личностные качества – организация деятельности, решение возникающих проблем, саморегуляция, саморефлексия, самооценка, быстрота и гибкость реагирования, адаптация, личная ответственность [6].

Практика показывает, что наиболее полно требования личностно-ориентированных моделей обучения соответствуют технологии активного обучения, наиболее современной разновидностью которого является интерактивное обучение. «Интерактивный» – значит вовлеченный в действие, *взаимодействующий*, ведущий диалог. Следовательно, интерактивное обучение предполагает *вовлеченность* участников в процесс обучения, а не просто получение определенного набора знаний.

В таблице 1 представлена сравнительная характеристика пассивного, активного и интерактивного обучения, подтверждающая выдвинутый нами тезис.

Таблица 1

Характеристика различных методов обучения

Методы обучения	Взаимодействие	Характеристика
Пассивные	Преподаватель Студент Студент Студент	Низкий уровень познавательной активности студента. Преобладание внешней мотивации к обучению (как правило, оценка по результатам итоговой аттестации). Репродуктивный характер деятельности, низкий уровень творческой активности, несамостоятельность
Активные	Преподаватель Студент Студент Студент	Высокий уровень познавательной активности студента. Наличие внутренней мотивации к обучению (стремление к познанию). Стимулирование творческой деятельности и самостоятельности студента
Интерактивные	Преподаватель Студент Студент Студент	Непрерывное активное взаимодействие обучающего и обучаемых. Взаимообучение. Прямая и обратная связь студента и преподавателя. Индивидуализация педагогического взаимодействия. Преобладание внутренней мотивации к обучению и взаимообучению. Активизация мышления и творческой деятельности. Высокий уровень самостоятельности

Многие исследователи инновационный подход в образовании связывают именно с интерактивными методами обучения, под которыми понимаются «... все виды деятельности, которые требуют творческого подхода к материалу и обеспечивают условия для раскрытия каждого ученика» [4]. Необходимо отметить, что интерактивные методы не могут полностью заменить лекционный курс в процессе подготовки менеджера, они способствуют лучшему усвоению лекционного материала, обеспечивая формирование необходимых современному менеджеру профессиональных компетенций.

Наиболее распространенные формы и методы интерактивного обучения: презентация, дискуссия, «мозговой штурм», или «мозговая атака», метод круглого стола, ролевые игры, кейс-метод и др. В интерактивном обучении учитываются потребности студента, привлекается его личностный опыт, осуществляется адресная корректировка знаний. Оптимальный результат достигается через сотрудничество, сотворчество, самостоятельность и свободу выбора, студент анализирует собственную деятельность.

Используя в своей деятельности формы и методы интерактивного обучения при проведении лекционных и практических занятий со студентами, самостоятельной работе и других видах учебной деятельности на всех уровнях подготовки – бакалавр, специалист, магистр, преподавателю недостаточно давать только теоретическую подготовку в аудитории. Ему необходимо иначе подходить к современному процессу обучения, к самому построению занятия. Методы интерактивного обучения включают в себя определенные этапы подготовки и проведения. Это своего рода алгоритм, который направлен на достижение наилучшего результата при проведении занятий. На этапе подготовки преподаватель должен продумать возможные варианты развития событий, подготовить дополнительные задания, учесть особенности темы, временные рамки занятий, возраст обучаемых и многое другое. В начале занятия необходимо сделать вступление, в котором дается информация о его целях, основных правилах и законах. Основная часть может включать не более двух заданий. Лучше, если первое задание будет служить для разминки. Основное упражнение продумывается так, чтобы оно оптимально решало поставленные на занятии цели и задачи. Заключение рекомендуется проводить в форме самоанализа и ее результатов, чтобы каждый студент смог оценить себя и понять, что он для себя сегодня узнал нового, какие умения и навыки закрепил и сформировал.

Использование интерактивных методов является самым эффективным путем обучения, который будет способствовать оптимальному усвоению нового и закреплению старого материала. Кроме того, интерактивные методы помогут решить ряд проблем, таких как формирование у обучающихся интереса к дисциплине; оптимальное усвоение учебного

материала; развитие интеллектуальной самостоятельности, поскольку студентам необходимо индивидуально искать пути и варианты решения проблемы; обучение работе в команде, терпимости к чужой точке зрения; обучение уважению права каждого на собственное мнение, его достоинства; установление взаимодействия между учащимися; формирование у них собственных мнений, профессиональных и жизненных навыков, отношений [2].

Рассмотрим использование кейс-технологий в рамках освоения основной образовательной программы по направлению подготовки «Менеджмент». Под кейс-технологией понимают изучение предмета, путем рассмотрения большого количества ситуаций и задач в определенной комбинации. Для нас представляют интерес цели, реализуемые в кейс-технологии: интеллектуальное развитие обучаемых, осознание многозначности профессиональных проблем и жизненных ситуаций, развитие коммуникативных навыков, приобретение опыта поиска и выработки альтернативных решений и др.

Данная технология является универсальной и имеет широкие возможности для организации работы по поиску решения проблемных ситуаций и практических задач. Кейс-технологии являются тем инструментом, которые позволяют применить теоретические знания к решению практических задач. Они позволяют не только разрешать проблемные ситуации, но и развивают у студентов способность научно анализировать социально значимые проблемы и процессы, умения использовать на практике методы гуманитарных, социальных и экономических наук в различных видах профессиональной и педагогической деятельности [3]. Важную роль играют вопросы кейсов, направленные на развитие аналитической функции будущих менеджеров.

Данный пример показывает, что вопросы кейса способствует развитию у студентов самостоятельного мышления, умения выслушивать и учитывать альтернативную точку зрения, аргументированно высказать свою. При изучении конкретных ситуаций студент должен понять ситуацию, оценить обстановку, определить, есть ли в ней проблема и в чем ее суть. Определить свою роль в решении проблемы и выработать целесообразную линию поведения. С помощью этого метода студенты имеют возможность проявить и усовершенствовать аналитические и оценочные навыки, научиться работать в команде, находить наиболее рациональное решение поставленной проблемы [7].

Апробированные в процессе обучения интерактивные методы подтвердили, что они способствуют достижению результатов, соответствующих требованиям современного образования. Использование рассмотренных методов и технологий в процессе обучения позволяет сделать вывод о том, что не все они одинаково эффективны. Каждая технология уникальна по-своему. Наиболее эффективными методами форми-

рования компетенций при проведении аудиторных занятий являются дискуссионная, исследовательская форма организации занятий, а также «мозговой штурм». В комплексе эти методы повышают мотивацию и вовлеченность участников в решение обсуждаемых проблем, в осмысленное переживание своей и коллективной деятельности, осознания и принятия ценностей, заставляя учащихся активно взаимодействовать с преподавателем и друг с другом, что дает эмоциональный толчок к последующей активности и поиску, побуждает их к конкретным действиям, обеспечивая не только прирост знаний, умений, навыков, способов деятельности и коммуникации, но и раскрытие их новых возможностей. Интерактивные методы обучения являются имитацией интерактивных видов деятельности [9].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что интерактивное обучение позволяет учитывать современные запросы высшего образования и решать одновременно несколько задач, главной из которых является развитие коммуникативных умений и навыков. Наибольший эффект для обучаемых интерактивные методы приносят при их комплексном применении в процессе освоения учебной дисциплины, позволяя представить учебный материал не только в традиционном, но и в более доступном для восприятия студентами визуально-вербальном виде. Они направлены не столько на закрепление уже изученного, сколько на изучение нового материала. В этом состоит их основное отличие.

Литература

1. *Далингер В.А.* Федеральный государственный образовательный стандарт нового поколения и системно-деятельностный подход в обучении математике // *Фундаментальные исследования*. – 2012. – № 6 (1). – С. 19–22.
2. *Диденко Л.А.* Инновационный аспект организации образовательного процесса в непрерывном образовании взрослых. Управление инновациями: теория, методология, практика: сб. мат-лов III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. *С.С. Чернова*. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 2012. – С. 113–118.
3. *Диденко Л.А., Полежаева Г.Т.* Обновление образовательного процесса как условие успешного обновления основной образовательной программы по направлению подготовки «Менеджмент» // *Актуальные проблемы менеджмента в образовании: мат-лы 2-й Всерос. конф. с междунар. участием (18–20 ноября 2014)*. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2014.

4. *Иоффе А.Н.* Активная методика – залог успеха / Гражданское образование: мат-л междунар. проекта. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – 382 с.
5. *Кольга В.В., Меркулов А.Б., Полежаева Г.Т.* Организация профориентационной деятельности студентов педагогического вуза как элемент становления профессиональных компетентностей будущего учителя. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2015. – 288 с.
6. Научная библиотека диссертаций и авторефератов. – URL: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-u-budushchikh-uchitelei-gotovnosti-k-realizatsii-deyatelnostnogo-podkhoda-k-obu#ixzz3JEYJf2dh>.
7. *Ступина С.Б.* Технологии интерактивного обучения в высшей школе: учеб.-метод. пособие. – Саратов: Наука, 2009. – 52 с.
8. URL: <http://technomag.edu.ru/doc/172651.html>.
9. URL: <http://fb.ru/article/44274/interaktivnyie-metodyi-obucheniya-v-vuze>.
10. URL: http://www.nngasu.ru/high_education/education_manual.pdf.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 930.23

Р.В. Павлюкевич

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С.Т. ГАЙДИНА, Г.А. БУРМАКИНОЙ «ИСТОРИЯ ОХОТНИЧЬЕГО И РЫБНОГО ХОЗЯЙСТВА ПРИЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА (1822–1991 гг.)»

Монография красноярских исследователей С.Т. Гайдина и Г.А. Бурмакиной «История охотничьего и рыбного хозяйства Приенисейского региона (1822–1991 гг.)» [1] посвящена истории рыбного и охотничьего промыслов более чем за 175 лет. Промысел всегда играл значительную роль в жизни сибирских народов и русских переселенцев в Приенисейском регионе. Так, «мягкая рухлядь», добываемая местными охотниками, долгое время составляла основу ясака, выплачиваемого центральным властям. В центре исследования сибирских историков роль и значение охотничьего и рыбного промыслов в жизни различных категорий населения, а также развитие соответствующих отраслей хозяйства.

Литература по данной проблеме малочисленна. Практически отсутствуют специальные исторические исследования, посвященные этим вопросам. Данная монография является первым комплексным историческим исследованием проблем охотничьего и рыбного хозяйства, выполненным на основе материалов Приенисейского региона.

Работа С.Т. Гайдина и Г.А. Бурмакиной оригинальна по замыслу и структуре. Она состоит из пяти больших глав, выделенных на основе хронологического порядка, и позволяет увидеть весь цикл развития приенисейского рыбного и охотничьего хозяйства.

В предисловии авторы дают подробный историографический анализ проблемы, выделяют ее основные этапы и тенденции. Определяется цель, хронологические и географические рамки исследования. Монография выполнена на основе огромнейшей источниковой базы, более двадцати архивных фондов. Авторы вводят в научный оборот множество ранее неизвестных архивных документов и материалов. Это позволило им создать масштабную картину развития местных промысловых хозяйств.

В первой главе монографии «Организация охотничьего и рыбного промысла в Енисейской губернии в досоветский период» анализируется специфика промысла в Приенисейском регионе в царское время. В данной главе отображены первые попытки местного населения и власти сохранить окружающую среду. Дается анализ малоизученной проблемы

становления сибирской рыбной промышленности, ставшей одной из первых отраслей хозяйства будущего Красноярского края. В итоге авторы приходят к выводу, что рыбный и охотничий промыслы в дореволюционный период истории Приенисейского региона играли значительную роль не только для местных коренных народов, но и русских переселенцев [1, с. 86-87].

Вторая глава исследования «Создание и деятельность советской системы организации промысловой деятельности в Приенисейском регионе (1917–1941)» состоит из трех параграфов. Первый из них «Создание и преобразование охотничьих организаций и системы заготовки пушнины в 1917–1934 гг. (на примере Приенисейского региона)» представляет особый интерес. В данном параграфе авторы не только рассматривают процессы создания охотничьих организаций, но и отмечают неизбежность данного процесса. Выводы авторов особенно будут интересны исследователям, изучающим проблемы артелей, коммунаров и других хозяйственных объединений молодой Советской власти. Резюмируя этот вопрос, исследователи отмечают, что для Советского правительства местный охотничий промысел имел важное значение и приносил необходимые для государственных преобразований денежные средства [1, с. 103].

Второй параграф «История эксплуатации промысловых ресурсов Енисейского Севера» создает масштабную картину происходивших процессов на севере региона, где промысел являлся основой всей экономической жизни местного населения. Одним из несомненных достоинств монографии следует назвать раскрытие авторами роли коренных народов региона в развитии рыбного и охотничьего хозяйства. Данное исследование можно рекомендовать всем исследователям малых народов Севера. Тем не менее, следует отметить, что изучение промысловой деятельности сибирских народов требует отдельного исследования.

Последний параграф «Организация охотничьего и рыбного промысла в Красноярском крае в довоенный период» содержит важный вывод, что в основе всей довоенной политики советской власти в отношении промыслов было стремление увеличить добычу продукции для последующего экспорта. Это способствовало осуществлению общесоюзной политики индустриализации и позволило начать создание местной материальной базы рыбной промышленности [1, с. 132].

Третья глава исследования «Охотничий промысел и рыбная промышленность Красноярского края в годы Великой Отечественной войны» состоит из двух параграфов, где рассматриваются проблемы охотничьего промысла и рыбной промышленности. Общеизвестной является деятельность сибирского тыла в лице промышленности и сельского хозяйства в годы войны, авторы же открывают нам малоизвестные страницы ее истории. Исследователи анализируют не только конкретную деятельность отраслей в годы Великой Отечественной войны, отмечая

их роль в Победе, но и рисуют нам картину повседневности сибирских охотников в этот период истории.

В четвертой главе монографии «Охотничье и рыбное хозяйство Красноярского края (1946–1991 гг.)» авторы рассматривают проблемы развития этих отраслей хозяйства во второй половине XX в., вплоть до распада Советского Союза. Данная глава состоит из четырех параграфов. Первый из них, «Проблемы организации охотничьего промысла в Красноярском крае в послевоенный период (вторая половина 40-х – конец 60-х гг. XX в.)», рассматривает процессы, происходившие в послевоенное время, и тесно связан со следующим параграфом «Организация охотничьего промысла в Северных районах Красноярского края (1971–1991 гг.)». В этих параграфах авторы объясняют не только причины перемещения основной массы промысла на север края, но и отмечают возвращение лидерства коренных народов Сибири в промысловой охоте.

Не меньший интерес представляет параграф «Рыболовный промысел в послевоенный период». В нем показаны заключительные этапы развития рыбного хозяйства Красноярского края, отмечаются его основные достоинства и недостатки, сложности и проблемы в условиях плановой экономики. В итоге авторы приходят к выводу, что переход к рынку лишь ухудшил ситуацию, существующую в рыбном хозяйстве края, и привел к росту браконьерства [1, с. 219]. Вызывает сожаление, что авторы не рассматривали проблемы непосредственно развития системы управления рыбной промышленностью и ее мощностей, но следует признать, что это и не входило в их исследовательскую задачу.

Особенно хочется выделить последний параграф главы, посвященный истории местной любительской охоты и спортивного рыболовства. Эта сторона проблемы является одной из самых малоизученных. По сути, авторы делают одну из самых первых попыток изучения данного вопроса. Здесь мы отмечаем не только повторное обращение исследователей к жанру повседневной истории, но и к актуальнейшей и новаторской микроистории. В исследовании отмечается, что поощрение государством любительской охоты и рыболовства было попыткой исправить существующую нехватку кадров.

Последняя глава монографии «Деятельность по обогащению промысловых пушных ресурсов Красноярского края, развитию клеточного звероводства и прудового рыбоводства» состоит из трех параграфов. В них дан анализ проводимой руководством края деятельности по улучшению промысловых ресурсов региона. Отмечается позитивное влияние попыток усилить научное сопровождение этой деятельности, но в итоге, как резюмируют авторы, переход к рыночной экономике разрушил всю созданную систему рыбо- и звероводства.

Исследование С.Т. Гайдина и Г.А. Бурмакиной дополняется солидным приложением в 60 таблицах на 58 страницах, которые показывают

исчерпывающую картину развития приенисейского рыбного и охотничьего хозяйства.

С.Т. Гайдин и Г.А. Бурмакина провели значительную исследовательскую работу, создав первое комплексное системное исследование проблем развития рыбного и охотничьего хозяйства Приенисейского региона почти за двести лет. Книга написана с хорошим знанием новейшей историографии и методологии. Представляет интерес не только для студентов, преподавателей и историков, но и может быть рекомендована охотоведам, звероведам и всем интересующимся историей охоты и рыболовства.

Литература

1. *Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А.* История охотничьего и рыбного хозяйства Приенисейского региона (1822–1991 гг.) / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2015.– 370 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Виноградова А.И.** – канд. филос. наук, доц. каф. рекламы и культурологии Сибирского государственного аэрокосмического университета им. М.Ф. Решетнева, г. Красноярск. E-mail: vinogradova50@gmail.com
- Гонина Н.В.** – канд. ист. наук, доц. каф. истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: kaf.history@mail.ru
- Городов А.А.** – канд. физ.-мат. наук, доц. каф. экономической теории Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: glexx84@mail.ru
- Городова Л.В.** – асп. каф. прикладной математики Сибирского государственного аэрокосмического университета им. М.Ф. Решетнева, г. Красноярск. E-mail: glexx84@mail.ru
- Григорьева М.В.** – канд. юрид. наук, доц., зав. каф. земельного права и экологических экспертиз Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: grigorjeva_mila@mail.ru
- Гринберг С.Н.** – канд. ист. наук, доц. каф. земельного права и экологических экспертиз Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: grigorjeva_mila@mail.ru
- Дёмина Н.А.** – доц. каф. философии Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: filosofia@kgau.ru
- Зинина О.В.** – канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента и административного управления Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: zinnia.olya@bk.ru
- Ильин А.С.** – канд. ист. наук, доц. каф. управления персоналом Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: a_ilyn@mail.ru
- Карюкина Ю.В.** – асп. каф. истории и политологии Юридического института Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: jul.karukyna@mail.ru

- Климук В.В.** – асп. каф. финансов, денежного обращения и кредита Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград. E-mail: klim-w11@rambler.ru
- Колесник Э.Г.** – канд. ист. наук, доц. каф. всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета, г. Красноярск. E-mail: ekolesnik47@mail.ru
- Максимова Н.В.** – асп. каф. экономики и агробизнеса Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: maximova007@yandex.ru
- Медведева Т.А.** – канд. филос. наук, доц. каф. философии Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск. E-mail: tatalmed2112@mail.ru
- Наумов О.Д.** – асп. каф. философии Гуманитарного факультета Сибирского государственного технологического университета, г. Красноярск. E-mail: sibgtu@sibgtu.ru
- Орловский С.Н.** – канд. техн. наук, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: orlovskiysergey@mail.ru
- Павлюкевич Р.В.** – канд. ист. наук, ст. преп. каф. истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: autocrator@yandex.ru
- Полежаева Г.Т.** – канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента организации Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, г. Красноярск. E-mail: artgt65@mail.ru
- Рогачёв А.Г.** – д-р ист. наук, проф. каф. истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: info@kgau
- Свитачева М.П.** – доц. каф. информационных систем и технологий в экономике Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: svit_mp@mail.ru
- Серюкова И.В.** – канд. физ.-мат. наук, доц. каф. физики Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: ivs127a@mail.ru

- Тарасов М.Г.** – канд. ист. наук, доц. каф. истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета, г. Красноярск. E-mail: history@sfu-kras.ru
- Фёдорова М.А.** – ст. преп. каф. экономики и агробизнеса Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: glexx84@mail.ru
- Фомина Н.В.** – канд. филос. наук, доц. каф. философии и социальных наук Сибирского государственного аэрокосмического университета им. М.Ф. Решетнева, г. Красноярск. E-mail: nvfomina2010@mail.ru
- Ходос Д.В.** – д-р экон. наук, доц., зав. каф. экономики и агробизнеса Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: hodos1@rambler.ru
- Шакир Р.А.** – асп. каф. философии Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: goga666-1992@yandex.ru
- Шапорова З.Е.** – канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента и административного управления, директор Института менеджмента и образования Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: fub@kgau.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

- Климук В.В., Ходос Д.В.** Оценка ресурсоэффективности производственной деятельности предприятия..... 3
- Городов А.А., Городова Л.В., Фёдорова М.А.** Оптимизация предприятий АПК..... 10

УПРАВЛЕНИЕ И БИЗНЕС

- Зинина О.В., Шапорова З.Е.** Инновационная активность в АПК Красноярского края..... 17
- Шапорова З.Е., Максимова Н.В.** Методы оценки инновационной деятельности экономических систем..... 25
- Свитачева М.П.** О некоторых многокритериальных методах выбора плановых решений..... 32

ПРАВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Григорьева М.В.** Некоторые правовые проблемы традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока..... 39
- Гринберг С.Н.** Правовое и экологическое обеспечение рационального использования и охраны оленьих пастбищ..... 46
- Фомина Н.В., Виноградова А.И.** Социокультурные нормы как мера упорядоченности в духовной сфере общества..... 60

ИСТОРИЯ

- Орловский С.Н.** Русский добровольческий отряд Красного Креста под руководством Н.И. Кускова на Англо-бурской войне.... 69
- Карюкина Ю.В.** Мероприятия по поддержке семей военнослужащих в Красноярском крае, 1941–1945 гг..... 85
- Павлюкевич Р.В.** Историография проблемы деятельности Красноярского совнархоза..... 90
- Рогачёв А.Г.** Особенности государственной, общественной и правовой модернизации Руси (России) в XIV – первой трети XVI веков..... 101
- Гонина Н.В.** Образование как фактор модернизации городского сообщества в условиях интенсивной урбанизации (на материалах Ангаро-Енисейского региона в 1950–1980-е гг.)..... 112
- Колесник Э.Г., Тарасов М.Г.** К вопросу о судьбе парламента в октябре 1917 г..... 125
- Ильин А.С.** Организация платных публичных лекций в Красноярском крае в начале 40-х гг. XX в..... 132

ФИЛОСОФИЯ

- Медведева Т.А.** Прощение как фигура признания: дискурс агарē у П. Рикера и В. Янкелевича..... 141
- Шакир Р.А.** Столкновение цивилизаций на примере феномена культурного шока: типологический анализ..... 152
- Дёмина Н.А.** Социальная рациональность и общество знания.... 163
- Наумов О.Д.** И. Кант & Ж. Деррида: философия религии как апология разума..... 172

ПЕДАГОГИКА

- Серюкова И.В.** Физический студенческий кружок..... 182
- Полежаева Г.Т.** Интерактивные формы обучения в преподавании дисциплин профессионального цикла направления подготовки «Менеджмент» в вузе..... 187

РЕЦЕНЗИИ

- Павлюкевич Р.В.** Рецензия на монографию С.Т. Гайдина, Г.А. Бурмакиной «История охотничьего и рыбного хозяйства Приенисейского региона (1822–1991 гг.)»..... 196

- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**..... 200